

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

«Российская тюркология» – преемник и продолжатель журнала «Советская тюркология», издававшегося как совместный орган АН СССР и АН АзССР (Баку, 1970–1991 гг.). -

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), К. Абдулла (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Т.М. Гарипов (Уфа), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), А. Меметов (Симферополь), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), М. Ольмез (Турция), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),

Заместители главного редактора: Е.А. Оганова (Москва),

Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург),

Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва),

А.И. Геляева (Нальчик), А.В. Дыбо (Москва), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Новосибирск), Ю.В. Псянчин (Уфа), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Ф.С. Хакимзянов (Казань), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.В. Есипова (Новокузнецк), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Али Осман Шенол (Москва).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 2(15)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2016

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists,
Russian Academy of Sciences, Branch of History

«**Rossijskaja tjurkologija**» (Russian Turkology) is an heir and successor of the journal «**Sovetskaja tjurkologija**» (Soviet Turkology) that was a joint organ of the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (Baku, 1970–1991)

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Sh.H. Akalin (Turkey), K.A. Bicheldey (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galvautdinov (Ufa), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), A. Memetov (Simferopol'), K.M. Minnullin (Kazan), K.M. Musaev (Moscow), M. Ölmez (Turkey), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), (Moscow), M.Z. Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N. Telitsin (St. Petersburg),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
M.D. Chertykova (Abakan), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), F.S. Khakimzyanov (Kazan), I.V. Kormushin (Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), I.A. Nevskaya (Novosibirsk), L.S. Selendili (Simferopol'), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), Zh.S. Syzdykova (Moscow), Yu. V. Ps'anchin (Ufa), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk).

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), Ali Osman Shenol (Moscow), A.V. Yesipova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 2(15)

MOSCOW–KAZAN 2016

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

О СЕМАНТИКЕ СОСТОЯНИЯ И ОБЛАДАНИЯ
В ТЮРКСКИХ ПЕРФЕКТАХ*В.Г. Гузев, г. Санкт-Петербург*

Резюме. В статье на тюркском языковом материале развиваются идеи Э. Бенвениста о роли предикатов со значением «быть» и «иметь» в образовании аналитических словоформ со значением перфекта. Как в индоевропейских, так и в тюркских языках семантика состояния и обладания или участвовала в процессе формирования перфектных форм, или присутствует в таковых и в настоящее время. Тем самым находит подтверждение предложенная Н.К. Дмитриевым разгадка происхождения современного претерита с морфемой *-DY* и формоизменительными личными показателями категории принадлежности, восходящего к аналитическим формам перфекта с семантикой обладания.

Ключевые слова: Предикаты «быть» и «стать», аналитическая форма, перфект, претерит, показатель категории принадлежности, парадигма перфекта

Замысел настоящей работы возник под влиянием цитируемой ниже поучительной работы Э. Бенвениста [Бенвенист 1974] как попытка дополнить статью французского лингвиста тюркским материалом и некоторыми соображениями с позиции теории строя тюркских языков.

По мнению Э. Бенвениста, перфект «... это такая форма, в которой понятие *состояния*, соединенное с понятием *обладания* (выделено мной. – В.Г.), отнесено к действующему лицу; в перфекте действующее лицо предстает как обладатель осуществленного действия. И действительно, перфект, в частности в индоевропейских языках, есть форма состояния, связанная с обладанием». [Бенвенист 1974: 217; см. также: Серебренников 1974: 225–230].

Э. Бенвенист затрагивает среди прочих следующую проблему, почему столь различные глаголы *быть* и *иметь* «функционируют одинаково» в одних языках, в то время как другие обходятся одним [Бенвенист 1974: 209–210].

Тюрколог С.Н. Иванов полагает, что «перфект выражает *состояние* и лишь указывает на прошлое действие безотносительно к его протеканию во времени». Результативность перфекта, по его мнению, не говорит о завершенности или незавершенности самого действия, а показывает лишь прошлое действие отнесенным к определенной временной плоскости» [Иванов 1959: 23]. По его мнению, содержание значения перфекта с опорой на тюркский материал таково: «... всё действие отнесено в прошлое и обозревается с позиций настоящего ...». [Иванов 1959: 25].

И.В. Кормушин, по словам которого, перфект «наличествует абсолютно во всех (без исключения) современных, средневековых и древних тюркских языках», формулирует значение перфекта (на материале тюркских языков) следующим образом: «действие закончилось до какого-то определенного момента и на (в) этот определенный момент преподносится и рассматривается результат этого действия, каковым оказывается состояние или положение объекта или субъекта» [Кормушин 1988: 412-413].

По мнению Ю.С. Маслова, перфект – «видо-временная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия», т.е. в значении перфекта предполагается наличие временной семы предшествования и видовой семы посттерминальности. [Маслов 1990: 372; ср.: Поливанов 1991: 406].

Удачная формулировка Ю.С. Маслова указывает на связь предшествующего действия с настоящим. Однако индоевропейский и тюркский материал свидетельствует о том, что имеется еще и перфект в прошлом (англ. *He had done?*; тур. *Yapmış idi* 'Он к тому времени уже (что-то) сделал'), и перфект в будущем (англ. *He will it have done*; тур. *Bunu yapmış olacak* 'Он это к тому времени уже сделает'). И обратим внимание на приведенные слова С.Н. Иванова о том, что в значении перфекта действие соотносится с «определенной временной плоскостью». Но «определенная временная плоскость» может мыслиться не только в настоящем, но и в прошлом, и будущем. Следовательно, целесообразно полагать, что существуют настоящий, прошлый или будущий периоды ориентации, с которыми хронологически соотносятся действия [Гузев 1990: 66–71; 2015: 181–214]. В таком случае более корректным представляется следующее содержание понятия «перфект»: видо-временная форма глагола, означающая действие, свершенное или свершавшееся прежде настоящего, прошлого или будущего периодов ориентации, с каждым из которых оно продолжает быть связанным.

Глагольная категория перфекта имеется во многих языках. О ней говорят исследователи не только индоевропейских, но и алтайских, угро-финских, грузинского, аварского языков [Серебренников 1974: 206–209]. Позиция Э. Бенвениста отличается от позиции цитируемых тюркологов указанием на наличие в перфекте семантики не только состояния «действующего лица», но и семантики обладания. Нельзя не согласиться с тем, что семантика обладания, представленная глаголом со значением «иметь», и семантика бытия, состояния глагола «быть» присутствует в перфекте индоевропейских языков. При этом оба глагола, становясь компонентами («вспомогательными» глаголами) аналитических форм не только перфекта, но и других глагольных темпоральных, аспектуальных и модальных форм, подвергаются процессам десемантизации, деформации и приобретают особый статус. При этом в персидском, в славянских языках (например, в болгарском, некогда в русском) в перфекте используется остаток глагола «быть». В германских и романских языках, как правило, функционируют оба этих вспомогательных глагола, находясь в отношении дополнительного распределения. Такое положение наблюдается, например, в немецком (глаголы *haben* 'иметь' и *sein* 'быть'), французском (соответственно глаголы *avoir* и *être*). В английском языке в перфекте господствует глагол *have* 'иметь'.

Важно при этом сознавать, что речь идет о бывших (!) глаголах «иметь» и «быть», утративших свое исконное значение, превратившихся в компоненты аналитических конструкций и способных подвергаться процессам деформации

вплоть до полного исчезновения в формах перфекта при его превращении в обычное прошедшее время, т.е. в форму, которая имеет только временное значение. Что, как будет показано ниже, вполне вероятно и имело место в тюркских языках.

Грамматисты-тюркологи при описании перфекта отдают предпочтение синтетическим и аналитическим формам с семантикой бытия, состояния, имеющим значения, которые по-русски можно приблизительно представить высказыванием «я, ты, он ... есть тот, который (с)делал (что-либо)». И в таких перфектных формах задействованы остатки глаголов *är-* и *dur-* со значениями «находиться, быть, стоять».

Формы имеют следующую морфемную структуру: глагольная именная форма (имя действия, причастие, субстантивно-адъективная форма или деепричастие) + морфема со значением лица (аффикс сказуемости или принадлежности). Под субстантивно-адъективной формой глагола понимается именная форма глагола, традиционно смешиваемая с причастиями; форма, которая способна подобно именам действия означать опредмеченное действие и подобно причастиям – действие, представляемое в образе признака [Гузев 2015: 154–167].

В качестве глагольной именной основы в тюркских языках используются разные формы, например: кыпчакско-карлукская субстантивно-адъективная форма с морфемой *-gAn* (*joz+gan+man* ‘я (на)писал’), кыпчакско-карлукско-огузское причастие (или субстантивно-адъективная форма) с морфемой *-mYš*, (*jaz+myš+syn* ‘ты написал’), кыпчакско-карлукско-огузское деепричастие *-(j)Yp* (*bar+yp+san* ‘ты ходил’, *kyl+yp(+tyr)* ‘он сделал’). [Подробнее см.: Баскаков 1956: 263–303]. По наблюдениям И.В. Кормушина, в составе перфектных форм в тюркских языках функционируют не менее восьми глагольных имен [Кормушин 1988: 412].

В перфектной финитной личной форме для указания на 3-е лицо употребляется или формоизменяемая морфема *-DUr* (рефлекс упомянутого глагола *dur-/tur-*), или нулевая морфема.

Н.К. Дмитриев подробно анализирует функционирование и значение перфекта в башкирском языке. Он справедливо не соглашается с «обычным объяснением» его значения в грамматиках тюркских языков как указания на «заглазное действие», на то, что говорящий не был свидетелем совершения действия [Дмитриев 1948: 156–159]. Это возражение Н.К. Дмитриева, поддержанное С.Н. Ивановым [Иванов 1959: 28–29], возможно, предвосхитило прояснение Б.А. Серебренниковым соотношения значений перфекта и незвиденциальности (незасвидетельности) в различных языках мира: «В различных языках на базе значения перфекта нередко развивается модальное значение неочевидности действия» [Серебренников 1974: 206]. На турецком материале точка зрения Б.А. Серебренникова была реализована В.Г. Гузевым [Гузев 2015: 193–198].

В древнетюркских текстах VII–XIV вв. имеются конструкции, передающие перфектный смысл и состоящие из глагольных именных словоформ с аффиксом *-mİš* и словами *jok* «не, нет» и *bar* «есть, имеется»: *türk bodun olurgaly türk kagan olurgaly santuŋ balykka taluj ögüzkä tägmis jok ärmis* (Тон 18) ‘Тюркский народ, тюркский каган не дошли до городов Шантунга, до морской реки с целью дальнейшего обитания (там)’ [Малов 1951: 57, 66]; *jayuru söda bärü münî täg idi tuŋadinçiy sav bol+mış yok tip tidilär* (НТVII 1266–1269) ‘Они сказали так: со времен недалёкой древности подобные удивительные речения не встречались’ [НТVIII].

В якутском языке имеются две перфектные формы: 1) синтетическая форма «прошедшего результативного первого» (показатель *-быт* + показатель сказуемости): *бар+быт+пын, бар+бык+кын* ... 'я, ты ... ушел'; пример: *Сорудаххын куһабаннык толооркун (толор+бук+кун)* 'Ты свое задание, оказывается, плохо выполнил'; 2) аналитическая форма «прошедшего результативного второго», в котором семантика состояния представлена вспомогательным глаголом *тур-* (деепричастие *-ан + тур-*): *биэр+эн тура+бын, биэр+эн тура+бын* ... 'я, ты ... дал': *Эн биһигини оччоҕо олус атаҕаста+ан турабын* 'Ты нас очень сильно обидел' [ГСЯЛЯ: 231, 310, 312–313].

Узбекский перфект с семантикой состояния: *Кўрай кани, сен нималарни тер+ган+сан* ... (С.Айни) 'А ну-ка посмотрим, что ты собрал ...'; *Илгари фабрикада ишлармидингиз? – Бир йилгина ишла+ган+ман* (А.Мухтор) 'Вы раньше работали на фабрике? – Только один год работала' [Иванов 1959: 16].

Кыпчакский – башкирский: ... *мин яңылыш+қан+мын* 'я ошибся' [ГСБЛЯ: 274–275]; казахский: *Мен бар+ган+мын* 'Я ходил', *таньсықан+быз* 'мы познакомились' [СКЯФМ: 342]; киргизский: *Мен да сени ошондой сүй+гөн+мүн* (К.Баялинов) 'И я тебя так же любила' [ГКЛЯ 1: 284]; татарский: *Qojaş indä quzdyra başla+gan* 'Солнце уже начало припекать'; *Mögaen, keçkenä çakta mannyj botka aşarga jarat+ma+gan+syn* 'Наверное, в детстве ты не любил есть манную кашу' [ТГ 2: 111].

Туркский – азербайджанский: *Dünän Maskvaja gäl+miş+äm* 'Вчера я приехал в Москву' [Гаджиева 1966: 75], *Boynuna sal+ib+san bağı, Sinəmə çək+ib+sən dağı* ... (Aşıq Abbas) 'Ты обвязала шею шалью, вызвала боль в груди', *Oxumaqdan gözlərinin qarası ged+ib+dir* (Информант) 'У тебя от чтения исчезли зрачки'; турецкий: *Dinle bak, on gün oldu olmadı, konaktayız ve konağın divanhanesindeyiz. Gayet yaman bir diiş gör+miş+üm, anlatmaktayım* 'Послушай, не прошло и десяти дней, как мы в особняке, в его зале. А я видел потрясающий сон. Рассказываю' [Korkmaz 2003: 609].

Автором настоящей работы зарегистрирован турецкий пример частично лексического вежливого выражения в речи перфектного смысла – подчеркивания связи прошедшего действия с настоящим состоянием совершившего это действие предметом: *Sigara içilmeyen alana gir+miş bulunmaktasınız* (Объявление у входа на территорию учебного заведения в Стамбуле) 'Вы являетесь вошедшим на территорию, на которой не курят'.

Хакасская синтетическая форма «прошедшего заглазного» (деепричастие *-(ы)п* + морфема *-тыр/-тір*, остаток глагола *тур-* 'быть, стоять'): *Пір аалда ікі харындас чурт+ап+тыр+лар. Улуб харындастары пай кізі полтыр, очызы пір дее нимезі чох, хызылып чурт+ап+тыр* (фольклор) 'В одном улусе жили, говорят, два брата. Старший из братьев был богатым человеком, младший же ничего не имел и жил в нужде' [ГХЯ: 218–219].

Тофаларская форма «прошедшего перфективного времени» (форма *-ган* + личная морфема: *ал+ган* мен 'я взял', *кел+бэ+эн сен* 'ты не пришел'): *мен дуун кечже гел+ген мен* 'я приехал вчера вечером' [Рассадин 1978: 210–211].

В составе показателей форм перфекта в прошлом (*ärti, idi* и т.п.) функционируют: остаток древнетюркского глагола *är-* 'быть' (наблюдается в текстах VIII–XIV вв.), вспомогательные глаголы *bol-/pol-* и *dur-*, ставшие омонимами своих полнозначных родичей со значением «находиться, быть, стоять» (имеются в современных языках). Они в той или иной мере подверглись тем же процессам десементизации и деформации, что и упомянутые вспомогательные глаголы индо-

европейских языков. Рефлексы первого из них в виде начальных гласных аналитических показателей, переставшие быть лексемой, нередко, как представляется, не совсем оправданно именуются в тюркологической литературе «недостаточным глаголом», что скорее всего является следствием смешения диахронического процесса с его результатом, т.е. превращением словоформы глагола в одну из фонем, из которых состоит корневая морфема [Гузев 1977: 6–9].

В одном из предположительно наиболее древних тюркских языков – чувашском – временные формы менее прозрачны, чем формы других тюркских языков. Тем не менее среди них есть такие, в которых присутствуют остатки глагола «быть» (в круглых скобках приводятся пояснения А.М. Щербака): *ilnĕççĕ* «он взял» (< *algan ertĕ*) [перфект в прошлом], *ilĕttĕm* «я брал» (< *alır ertim*) [перфект в прошлом] и др. [Щербак 1992: 282; 1994: 29].

Более прозрачен якутский материал. Речь идет о формах: «давнопрошедшего времени» (аффикс *-быт* + остаток глагола «быть»): *бар+быт этим*, *бар+быт+этин* ... ‘я, ты ... ушел’ (пример: *Биһиги дьэбитигэр им сүтүүгэр тийбиһинит, оттон Бүөтүрдээх буоллагына кунус тийи+бит э+ти+лэр* ‘Мы прибыли домой в вечерние сумерки. Петровские же прибыли уже днём’); «прошедшего незаконченного времени»: *бар+ар этим*, *бар+ар этин* ‘я, ты ... уходил’ (причастие *-ар/-ыыр* + остаток формы прошедшего времени глагола «быть» с морфемами принадлежности): *Дьөгүрэнтэр бу алааска олоҕор э+ти+лэр* ‘Егоровы жили в этом аласе’ [ГСЯЛЯ: 315–317].

Казахский пример использования перфекта в прошлом с остатком глагола «быть»: *Итбай тұқымдары Ботакөзді іздеп, қайта кел+іп еді, ол үйінде жоқ екен* ‘Родственники Итбая пришли снова, надеясь застать Ботагёз, её дома не оказалось’ [СКЯФМ: 345–436].

Убедительным примером использования глагола *bol-/pol-* ‘стать’; ‘быть’ в составе формы перфекта в прошлом является хакасское «давнопрошедшее сложное время (*-ган полган*)»: “*Харындастарымны нога палган салгазың? Олар от кілеп кил+ген пол+ган+нар!*” – *тидір* (фольклор) ‘Зачем привязал моих братьев? Они пришли попросить огня’. – говорит он’ [ГХЯ: 222–223].

Приведенный материал свидетельствует о том, что три тюркских глагола со значением бытия / состояния (*är-*, *bol-/pol-* и *dur-/tur-*) во вспомогательной функции в составе форм перфекта претерпели так же процессы десемантизации и/или деформации, что и глаголы с тем же значением в индоевропейских языках.

Обращаясь к аналитическим формам перфекта, в которых обнаруживается семантика обладания, прежде всего необходимо отметить, что, по словам Э. Бенвениста, «... “иметь” как лексема встречается в языках крайне редко; большинство языков ее не знает. Наиболее распространенным является “выражение *быть у*”, где субъектом становится то, что представляет собой грамматический объект глагола «иметь»». Тип *mihi est* (латынь! – В.Г.) («у меня есть») преобладает над типом «*habeo*» [Бенвенист 1974: 211–212].

В тюркских языках исконно тюркский глагол «иметь» отсутствует, но в тюркской речи совсем не редкость и словосочетания типа «быть у», и употребление весьма производительной категории принадлежности, каждая форма которой имеет значение, содержание которого представляет собой обобщенную ситуацию с двумя находящимися в притяжательной связи предметами, один из которых мыслится как объект, другой – как субъект обладания [Дмитриев 1956: 23–37; Севортьян 1956: 38–44].

Аналитические перфектные формы с семантикой обладания имеют значение лица, которое совершило действие в прошлом и которое может трактовать-

ся как обладатель этого действия. В речи в этих словосочетаниях смысл *обладания*, представлен словоформой принадлежности одной из глагольных именных форм (имени действия, субстантивно-адъективной формы или причастия), с которыми функционируют слова «есть, имеется» (*bar, баар, var ...*) и «нет, не имеется» (*jok, juk, суох, жоқ ...*). Значение соответствующих языковых форм с некоторой натяжкой можно представить по-русски высказыванием «моё, твоё, его ... делание (чего либо) имеется или не имеется».

На такие средства в башкирском языке обратил внимание Н.К.Дмитриев, подчеркнув, что они «являются самыми обычными образованиями для современного башкирского языка: *al+gan+ym bar* “факт моего взятия существует” = “мне приходилось брать”; *kil+gen+em bar* “факт моего прихода существует = мне случалось приходить” [Дмитриев 1948: 141].

В древнетюркских письменных памятниках XIV вв. встречаются конструкции, которые позволяют полагать, что аналитические формы перфекта имелись уже в древнеуйгурском языке: *kořavardiřasdirta sölä+miř+i bar* (УТ 79) ‘Так он сказал в Абхидармакосаастре’; ... *muntay iki jegirmi türlüg tüp jiltiz kergäklig tamçaqlarda uluy baqři naropa+nıñ jarlıqa+miř+i bar* (УТ, 620–623) ‘Такое проповедовал великий учитель Наропа в двенадцати различных основополагающих нужных проповедях’ [Zieme, Kara 1978]; *näñ [inçip muni täg] bälgülig otıuraq tüřinä tägmiřlärin idi kör+tük+üm jok ärti* (АУ.В15.01.v04–09) ‘И вот, чтобы они достигали [столь] ясного [и] определенного результата, такого я совсем не видел’ [Zieme 1996]; *antay eşit+miř+im bar* (ВТТ IX 50) ‘Я так слышал’ [Телицин 2011: 197], *par+mak+i jok* (ТТ VIII А2) ‘однако он не ушел’ [ДТС: 219].

В якутском языке имеется «аналитический вариант прошедшего эпизодического» (афф. -*быт*- + морфема принадлежности и имя наличия *баар*, отрицательная форма с именем отрицания *суох*): *ыл+быт+ым баар* ‘как-то раз я взял’, *ыл+быт+ым суох* ‘я ни разу не брал’: *Мин “Килэнкигэ” оччоҕо эрэ сылдыы+быт+ым баар ...* ‘Я в Килэнки только тогда и попал ...’; *Ол кырдьыгынан-сымыйатын ким да бил+бит+э суох* ‘Не было случая, чтобы кто-нибудь проверил правдивость или лживость этого’ [Убрятова 1966: 416; ГСЯЛЯ: 231; 313–314].

Оба типа перфекта в узбекском языке обстоятельно, с опорой на труды Н.А. Баскакова, Ф.Г. Гулямова, Н.К. Дмитриева, А. Мейе, А.А. Потевни, В.В. Решетова, авторов «Алтайской грамматики», Б.О. Орузбаевой, Л.П. Якубинского и др., были исследованы С.Н. Ивановым [Иванов 1959: 13–40]. Примеры употребления форм 2-го типа из монографии этого автора: *Хайдар қурбоши деб эшит+ган+ингиз бор+ми?* ‘Слышали вы что-либо о бандите Хайдаре?’; *Биз чой ичгани кел+ган+имиз йуқ* ‘Мы пришли не чай распивать’ [Иванов 1959: 34–35].

Казахские примеры: *көр+ген+ім жоқ* ‘я не видел’, *көр+ген+ің жоқ* ‘ты не видел’, *көр+ген+іңіз жоқ* ‘вы не видели’, *көр+ген+і жоқ* ‘он не видел’ [СКЯФМ: 322]: *Менім бұны есті+ген+ім бар* (Информант) ‘Мне доводилось слышать об этом’.

«Татарская грамматика» под заголовком «Вторичные формы и конструкции, образованные на основе причастия на -ган» приводит среди прочих следующие примеры: *Төпләрендә ят+кан+ым бар хал жыеп, куккә карап...* (Г. Тукай) ‘Часто лежал я под ними (деревами) и глядел на небеса...’; *Менә ничә ел*

инде яна операның сахнаға чык+кан+ы юк 'Вот уже сколько лет не выходит на сцену новая опера' [ТГ 2: 210–211].

Турецкие примеры (Информанты): *Oraya git+tiğ+im / git+mişliğ+im var* 'Мне приходилось туда ходить'; *Aşık denilen duygunun adını duy+muşluğ+um var mı? – Vallahi, daha duy+muşluğ+um yok hala. Sesini duy+muşluğ+um bile yok* (Информант) 'Доводилось ли мне слышать название чувства, именуемого любовью?' – Ей-богу, пока ещё не слышал. Даже не слыхивал, как оно звучит'.

Функционирование в тюркских языках перфектных форм с семантикой обладания дает основание поддержать предложенную Н.К. Дмитриевым разгадку происхождения форм прошедшего времени, имеющих притяжательные личные показатели. Речь идет о таких, например, формах, как якутские: «форма недавно прошедшего времени» (*диэ+т+им* 'я говорил', *диэ+бэ+т+им* 'я не говорил'), «преждепрошедшее время» (*ыл+быт+ым* 'я взял', *диэ+бит+им* 'я сказал' и все аналитические временные формы с участием бывшего глагола *är-* 'быть': «прошедшего времени еще не совершившегося действия» (*ыла илик этим* 'я еще не брал', «прошедшее незаконченное» (*ыл+ар этим* 'бывало я брал', *ыл+бат+этим* 'я не брал') [Убрятова 1966: 416] или о таких, как турецкие формы: «прошедшего-категорического времени» (*yaz+d+im* 'я писал', *yaz+ta+d+im* 'я не писал') и аналитические формы с со спрягаемым показателем *i+d+im*, *i+d+in* и т.д. [Кононов 1956: 230–231]. Этот показатель тоже восходит к формам упомянутого древнего глагола «быть».

Аналитические формы перфекта со структурой: глагольное имя с морфемой принадлежности + лексемы *var* или *yok* – свидетельствуют о том, что современные синтетические формы претерита восходят к аналитическим формам перфекта именно такого же типа. В качестве предка современного претерита с морфемой *-DY* и формоизменительными личными показателями категории принадлежности Н.К. Дмитриев предположил более конкретное словосочетание, состоящее из: «отглагольного существительного» (типа *al+yt* 'взятие') в формах категории принадлежности и упомянутых слов «есть, имеется», «нет, не имеется». Имеются в виду образования типа *al+yt+ym bar/juk* 'моё взятие имеется = я взял', т.е. глагольное имя с аффиксом *-YT* (в качестве примера Н.К. Дмитриев приводит формы **al+yt-* 'взятие' от глагола *al-* 'брать', **kil+et* 'приход' от глагола *kil-* 'приходить' в личных формах принадлежности: *al+yt+ym*, *al+yt+uy*, *al+yt+y* 'моё, твоё, его взятие и т.д.') в сочетаниях со «специфическими словами» *бар* и *юк*. Восстанавливаемый Н.К. Дмитриевым последующий диахронический путь изменения этих предполагаемых аналитических форм перфекта до состояния *aldym bar/juk* затем в обычный претерит с синтетическими формами типа *aldym*, *aldyŋ*... и утратой видовой (посттерминальной) семы, «отбрасывания» лексических единиц «*бар* и *юк*», но с сохранением личных показателей принадлежности вполне убедителен [Дмитриев 1948: 140–144].

Заслуживает внимания следующий факт, подтверждающий правильность гипотезы Н.К. Дмитриева: в татарских диалектах до сих пор встречается глагольная временная форма 2-го типа, в составе которой функционируют: глагольно-именная форма с показателем *-DY* + аффиксы принадлежности и упомянутые слова *бар* и *юк*. Она имеет значение «будущего категорического», если речь идет действительно о значении (о языковой семантической единице), а не о смысле (семантике речевой). «В говорах мишарского диалекта данное сочетание имеет полную парадигму. Аффиксы лица присоединяются к форме *-ды*: *мин барды-м йук*, *син барды-ң йук* ...» [Юсупов 1986: 107–111]. Приводимые примеры позволяют допускать переносное употребление формы под влиянием

русского языка (ср. русское *поехали*. – В.Г.). Важно то, что предполагаемая Н.К. Дмитриевым форма зарегистрирована как реально существующая в одном из тюркских языков.

Сказанное дает основание полагать, что все современные тюркские временные формы с морфемой принадлежности, включая, например, хакасские временные формы, в которых показатели принадлежности используются не во всех лицах (*нас+ха+м* ‘я писал’, *ат+ча+м* ‘я стрелял’, *узу+n+чатхам* ‘я спал’ и т.д.) [ГХЯ: 210–218], тофаларскую «более результативную и экспрессивную» форму перфекта (*ган* + личные показатели принадлежности: *бер+ген+им*, *бер+ген+иң* ... ‘я, ты ... дал’) [Рассадин 1978: 211–212], а также упомянутые выше сложные формы, имеющие давнопрошедшие значения и содержащие остатки глагола «быть», восходят к аналитическим образованиям (типа *кел+ген+им бар/йук*), имевшим семантику обладания.

Подводя итоги всему сказанному выше, следует признать: 1) не только в индоевропейских, но и в тюркских языках семантика состояния и семантика обладания или участвовали в процессе формирования перфектных форм, или присутствуют в таковых и в настоящее время; 2) вполне возможно, что Эмиль Бенвенист обнаружил глобальную закономерность, проявление которой можно, по всей вероятности, проследить в истории форм прошедшего времени многих других языков; 3) не только наша находка подтверждает предложенная Н.К. Дмитриевым разгадка происхождения современного претерита с морфемой *-ДУ* и формоизменительными личными показателями категории принадлежности, но и появилось основание полагать, что и другие имеющиеся в тюркских языках временные формы с притяжательными морфемами восходят к аналитическим формам с семантикой обладания; 4) важно также отметить проявление в истории разных языков (в частности, тюркских, русского) закономерности превращения видовременной формы перфекта в обычную временную форму прошедшего времени (претерита).

Литература

Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Гаджиева 1966 – Гаджиева Н.З. Азербайджанский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. – М.: «Наука», 1966. – С. 66–90.

ГКЛЯ I – Грамматика киргизского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология. – Фрунзе: «Илим», 1987. – 402 с.

ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 496 с.

ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

ГХЯ – Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А.Баскакова. – М.: Наука, 1975. – 420 с.

Гузев 1977 – Гузев В.Г. О так называемом «недостаточном глаголе» // Востоковедение / Отв. ред. А.Н.Болдырев, С.Н.Иванов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. Вып.5. – С. 6–10.

Гузев 1990 – Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 168 с.

Гузев 2015 – Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2015. – 320 с.

Дмитриев 1948 – Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

Дмитриев 1956 – Дмитриев Н.К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М., 1956. – С. 23–37.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, ЛО, 1969. – 676 с.

Иванов 1959 – Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на *-ган* и её производные. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. – 152 с.

Кононов 1956 – Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 571 с.

Кормушин 1988 – Кормушин И.В. Категория времени // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: «Наука», 1988. – С. 368–420.

Малов – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.; Л., 1951. – 451 с.

Поливанов 1991 – Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – 623 с.

Рассадин 1978 – Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 288 с.

Севортян 1956 – Севортян Э.В. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М., 1956. – С. 38–44.

Серебрянников 1974 – Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974. – 352 с.

СКЯФМ – Современный казахский язык. Фонетика и морфология. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. – 453 с.

ТГ 2 – Татарская грамматика. Том 2. Морфология. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. – 310 с.

Телицин 2011 – Телицин Н.Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительное и глагол. – СПб, 2011. – С. 179–230.

Убрятова 1966 – Убрятова Е.И. Якутский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 403–427.

Щербак 1992 – Şçerbak A.M. Zetasizm Rotasizm Meselesi ve Türkçe ile Moğolca arasındaki İlişkilere dair Bazı Düşünceler // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. 1987. –Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1992. – S. 282.

Щербак 1994 – Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: «Наука», 1994. – 192 с.

Юсупов 1986 – Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1986. – С.107–108.

HTVII – Die alttürkische Xuanzang-Biographie VII: nach der Handschrift von Leningrad, Paris und Peking sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain. Herausgegeben, übersetzt und kommentiert von K. Röhrborn. – In Kommission bei Harrassowitz, 1991. – 265 S.

Korkmaz 2003 – Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). – Ankara, 2003. – 1224 s.

Zieme 1996 – Zieme P. Berliner Turfantexte XVIII. Altun yaruq sudur. Vorworte und das erste Buch. Edition und Übersetzung der alttürkischen Version des

Goldglanzsūtra (Suvarṇaprabhāsottamasūtra). Turnhout (Belgium): Brepols, 1996. 230 S.

Zieme, Kara 1978 – Zieme P., Kara G. Ein uigurisches Totenbuch: Naropas Lehre in uigurischer Übersetzung von vier tibetischen Traktaten nach der Sammelhandschrift aus Dunhuang, British Museum Or. 8212 (109). – Budapest: Akademiai Kiado, 1978. – 347 p.

Guzev V.G. On the semantics of state and possession in Turkic perfect

Summary. The article based on Turkic language material develops the ideas of É. Benveniste on the role of predicates with the meaning "to be" and "to have" in the formation of analytical word forms with the perfect meaning. In both Indo-European and Turkic languages, the semantics of state and possession either participated in the process of forming perfect forms, or is still present in such nowadays. This confirms proposed by N. Dmitriev explanation of the origin of the modern preterite expressed by the morpheme -DY accepting personal markers coinciding with those of the possessive category, as going back to the perfect analytical forms with the semantics of possession.

Key words: "to be" and "to become" predicates, analytical form, perfection, preterite, form of the possessive category, paradigm of perfect

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ И ТЮРКО-ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ**

А.А. Бурыкин, г. Санкт-Петербург

Резюме. Основная задача данной статьи – показать возможность и целесообразность выявления корпуса лексики, которая определенно не является общетунгусо-маньчжурской по происхождению и которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших ныне монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Подобная же задача – выявление заимствований из исчезнувших языков соседних групп – оказывается актуальной и для изучения лексики монгольских и тюркских языков, на что указывают в том числе и рассматриваемые ниже примеры.

Ключевые слова: алтайская теория, алтайские языки, ареальные связи, реконструкция, фонетические соответствия, исчезнувшие языки.

Алтайская теория за всю более чем 150-летнюю историю своего существования никогда не составляла предмет контroversы «общее происхождение языков или последствия языковых контактов и конгломерат заимствований». Изучение общеалтайского лексического фонда, по внешней форме укладывающегося в системы фонетических соответствий между алтайскими языками (тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, позднее – корейским и японским) и разнообразных и разнонаправленных лексических заимствований, по форме предсказуемо отклоняющихся от регулярных фонетических соответствий, на основе которых обосновывается родство алтайских языков, всегда составляли разные, хотя и связанные друг с другом задачи алтайской теории. Хорошо известно, что заимствованиями в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках занимались такие убежденные сторонники генетического родства алтайских языков, как Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев, В.И. Цинциус и многие их коллеги за рубежом. Эти ученые и их единомышленники прекрасно отдавали себе отчет в том, что как раз на материале заимствований может осуществляться верификация самой общеалтайской реконструкции как отдельного продукта сравнительно-исторического изучения алтайских языков.

Выход в свет двух опытов сравнительной грамматики алтайских языков Г. Рамстедта [Рамстедт 1957] и Н.Н. Поппе [Poppe 1960; 1965] стал первым обобщением работы в области общеалтайской реконструкции. Сейчас, более полувека спустя, нам видны многие лакуны в групповых реконструкциях общетюркского, общемонгольского и общетунгусо-маньчжурского языковых состояний, на которых основывались создатели общеалтайской реконструкции, а также не-

надежность многих представлений, на которых строилась названными авторами общеалтайская реконструкция. Тем не менее невозможно понять, по какой причине в алтаистической литературе скепсис в отношении родства алтайских языков стал занимать заметно большее место, нежели обоснование или хотя бы защита этого родства. По прошествии нескольких десятилетий можно откровенно признать – альтернатива алтайской теории так и не была найдена, отрицание генетического родства алтайских языков не помогло прояснить историю или тем более генетические связи тюркских или монгольских языков, уже в 1970-е годы в «контралтаистике» стал заметен застой, а изучение ареальных связей тюркских и монгольских языков, а также выявление межгрупповых заимствований в отдельных группах алтайских языков не давало ничего, кроме увеличения объема лексических параллелей между алтайскими языками, причем таких параллелей, которые никогда и никем не признавались за факты обоснования родства алтайских языков – монгольские и якутские заимствования были прекрасно знакомы тунгусо-маньчжуроведам, взаимные заимствования составляли периферийный предмет внимания монголоведов и тюркологов, а изучение лексики такого языка, как чувашский, было немыслимо без сравнения чувашских форм с примерами других тюркских языков на общетюркском уровне и одновременного от деления разнообразных заимствований, в том числе заимствований из других тюркских языков и из монгольских языков.

К 1980-м годам стало ясно: алтайская теория не имеет альтернативы, хотя реконструкция архаического состояния алтайских языков не доработана; опровержение генетического родства алтайских языков бесперспективно, так как в этой области уже почти 100 лет нет и не видно положительных результатов, обосновывающих иные родственные связи хотя бы какой-то одной группы алтайских языков (до сих пор нет внятных иных гипотез даже для корейского и японского языков), реальные связи живых языков-представителей отдельных групп алтайских языков и языков, документированных ранними письменными памятниками, могут изучаться бесконечно, однако полученный в ходе таких исследований материал значим только для истории лексического состава отдельных языков, знакомых нам в перспективе их собственной истории, и более ни для чего не пригоден.

Логичным направлением развития алтайской теории был поиск более сложных фонетических соответствий между группами алтайских языков, нежели довольно тривиальные соответствия Г. Рамстедта и Н.Н. Поппе, основанные на тотальном позиционном анализе соответствий гласных – в анлауте, в первом слоге, в непервых слогах и в ауслауте, соответствий согласных – в анлауте, в инлауте, в преконсонантной и постконсонантной позициях и в абсолютном конце слова. При этом внимание уделялось не только материальным качественным соответствиям фонем, но и фактам отпадения начальных и конечных согласных и выпадения гласных непервых слогов и выпадения срединных согласных – тому, что демонстрируют в разной степени «новые», по С.Е. Малову, тюркские языки, монгольские языки Внутренней Монголии, тунгусо-маньчжурские языки Приамурья и современный корейский язык в сравнении с нормами корейской орфографии. Основные результаты этой работы, полученные автором, отражены в специальных публикациях [Бурыкин 1999; 2014; 2015].

Согласно уточнениям в общеалтайской реконструкции, соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам:

- 1) п.-мо. **mösün* ‘лед’ ~ птю. **büz* ‘лед’; п.-мо. *xonin* ‘овца’ ~ птю. **qon* ‘овца’;
- 2) п.-мо. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ птю. **jüz* ‘лицо’;
- 3) п.-мо. *deresün* ‘камыш’ ~ птю. **jēz* ‘тростник’ [Бурыйкин 2014: 25–26].

Последняя группа примеров показывает, что в некоторых случаях в архаическом состоянии тюркских языков гласный второго слога подвергался синкопе, после чего образовавшиеся вторичные сочетания согласных разделяли судьбу первичных сочетаний, т. е. бесследно утрачивали первый согласный.

Соответствия такого типа имеют колоссальное значение для алтаистики. Во-первых, они многократно увеличивают число выявляемых общеалтайских, в том числе монголо-тюркских, сходжений в лексике. Во-вторых, не являясь тривиальными и ожидаемыми для заимствований, они однозначно указывают на какой-то иной, нежели ареальные связи, вид отношений между тюркскими и монгольскими языками – и таким видом может быть только генетическое родство. В-третьих, как раз на фоне таких соответствий удастся неопровержимо, без остающихся сомнений, доказывать, что корреспонденции типа тюрк. *altun* ~ монг. *altan* ‘золото’ с тождеством кластеров представляют собой бесспорные заимствования. То же касается и слов типа монг. *цэцэг* – тюрк. *čečäk* ‘цветок’, монг. *тахя* – тюрк. *taqiq* ‘курица’ при наличии в других группах языков форм с сочетанием согласных внутри слова, ср. корейск. *та(л)к* ‘курица’.

Как известно, тюркские языки имеют относительно небольшое число согласных, дающее нетривиальные соответствия по отдельным языкам – это интердентальный *Ḍ*, согласные *z* и *ž*, в отдельных случаях согласный *s*, а также начальный *j*. Эта особенность тюркских языков позволяет обобщить корневые и аффиксальные морфемы с этими согласными (например, по древнетюркскому словарю или словарю Э.В. Севортяна) и начать поиски проявлений таких же корней и суффиксов в статусе общеалтайских лексем и в качестве заимствований из тюркских языков в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках. Подобная задача, во-первых, должна была увеличить число тюркских заимствований и разнообразить их репертуар, во-вторых, она должна была служить средством верификации самой предлагаемой общеалтайской реконструкции. В-третьих, анализ материала при определенных условиях мог бы вскрыть характеристики тюркских языков – источников таких заимствований, указав на былые ареалы их распространения. Наконец, в-четвертых, мы получили бы возможность подсчитать число исчезнувших тюркских языков, от которых остались лишь заимствования в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

1. Монг. *зэс*, тюрк. *jez* ‘медь’ и его проявления в тунгусо-маньчжурских языках

Э.В. Севортян подробно рассмотрел тюркские формы названия меди с архетипом **йэз* [ЭСТЯ 4: 168–169], согласившись с мнением, что монг. *зэс* – заимствование из тюркских языков и обратив внимание на ряд обратных заимствований этого слова тюркскими языками северо-восточного ареала, а также заимствования якут. *дьэс* ‘красная медь’, попавшего в эвенкийский язык, из монгольских языков.

Варианты названия меди п.-мо. *jes*, *jis*, *jed*, (калм. *зес*) не привлекали особого внимания специалистов, хотя они и соотносятся с тюркском названием меди *jez*, и также, очевидно, представляют собой заимствования из тюркских языков; в то же время они весьма интересны и значимы для общей группировки названия меди в алтайских языках. Проблема заключается в том, какой архетип мог-

ло иметь тюркское название этого металла и сколько примеров среди разнообразных названий меди можно выявить в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Колебания $z - \bar{d}$ в ауслaute монгольских слов не позволяют однозначно сделать заключение о том, что в конце этого слова был согласный z , и заставляют думать о том, что в этой позиции мог находиться интердентальный \bar{d} .

Один из вариантов названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, ускользающий от внимания исследователей, – это уд. *тэуси* ‘1) медь, латунь; 2) бронза’; *тэусимэ* ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’; орок. *тэвус*, *тэвуси* ‘1. медь; 2. медный’; нан. *тэусае* ‘медь’, ма. *тэјсун* ~ *тэјиун* ‘медь (желтая, из смеси красной меди и свинца)’ [ССТМЯ 2: 242]. Данный пример сам по себе чрезвычайно интересен. Во-первых, при явной выводимости его из тюркского *jez*, где начальное *t*- всего лишь глухой коррелят звонкого *δ*-, фигурирующее среди рефлексов инициального *й*- в тюркских языках по реконструкции Б.А. Серебренникова [Серебренников, Гаджиева 1986; Сравнительная грамматика 1984], (такие его рефлексы есть в якутском, ср. *тыал* ‘ветер’). Во-вторых, маньчжурские примеры имеют в ауслaute комплекс *-ин*, присутствующий в других обозначениях меди, которые также не являются исконными в тунгусо-маньчжурских языках. Однако данный пример является как бы промежуточным между формой *jez*, ставшей для нас временной точкой отсчета, и иными формами, представляющими далеко зашедшие стадии эволюции начальных и срединных согласных в тюркских языках по их отражениям в заимствованиях в другие языки.

Самый интересный из интересующих нас примеров – эвенк. *гэгин* ‘медь’, эвен. *геуан* (*г’е’нан*) ‘медь (желтая)’, нег. *гиун* ‘медь’, орок. *гэу(н-)* ‘медь’, улч. *гэу(н-)* (*гјау*) ‘медь; бронза’; *гэума* ‘медный’, орок. *гэу(н-)* ‘медь’; *гэума* ‘медный’, нан. *гио(н)* (*гива(н)*) ‘медь; латунь, бронза’, ма. *г’ован* ‘медь (красная)’ [ССТМЯ 1: 177].

Для этого слова авторы, позже писавшие о названиях металлов в алтайских языках, не выявили никаких аналогий. В то же время в этой форме севернотунгусские примеры, более архаичные, чем южнотунгусские, указывают на интервокальное *-γ-*, которое может восходить к z и представлять собой аналог изменений $z > \gamma$ как параллель изменений $s > h$, и, главное, то же можно видеть и в начальном согласном при стадиях эволюции $j > \bar{j} > \gamma$; последнее звено этой цепочки мы видели в необъяснимом соответствии слов монг. *јida* ~ тунг.-ма. *гида* ‘копье’.

В качестве одной из стадий или вариантов изменений слова-названия меди в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках надо привести и рассмотреть также эвенк. *чучин*, *чучун* ‘медь’, эвен. *чучурми* ‘медь (желтая)’ [ССТМЯ 2: 418]. Эта форма, хотя источники ее в ССТМЯ не указаны, явно восходит к тюркским языкам, ср.: др.-тюрк. *čodīn* ‘медь’ [ДТС: 151]; сравнение этого слова с названием чугуна в некоторых тюркских языках [Сравнительная грамматика. Лексика 2000: 410] неубедительно и по существу недоказуемо. Аргументы в пользу гомогенности этого слова с *jez* и рефлексами его праформы или его аналогами таковы: начальное *ч*- входит в состав рефлексов общетюркского **j*- (ср. тувинский язык); интердентальный \bar{d} усматривается в эквивалентах монгольской формы **jez* в монгольских же языках, Интердентальный \bar{d} отражается как *ч* в целом и весьма объемном ряде тюркизмов, зафиксированных в маньчжурском и «чжурчжэньском» (хронологически ранняя форма маньчжурского, документированная другим видом письма) языках (ср. ма. *хучин* ‘колодец’, *гэчулэхэ* ‘одежда’ и т.п.), а формы с конечным *-in* нам уже знакомы по ма. *тэйиун* и будут рассматриваться ниже.

Известны еще два названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, включенные в одну статью ССТМЯ, одно из них имеет точную монгольскую параллель: эвенк. *чйриктэ* 'медь (красная)', эвен. *чйрит* 'медь (красная)', нег. *чиктэ* < *чйриктэ* 'медь (красная); бронза', ороц. *чйктэ* < **чйриктэ* 'медь (красная)'; уд. *чикто* 'медь, латунь', ульч. *чйриктэ* '1) медь (красная); латунь; 2) бронза'; *чирумэ* '1) медный, латунный; 2) бронзовый', орок. *чйриктэ* 'бронза', нан. *чйриктэ* 'бронза'; ма. *сирин* 'медь'; *сирин моро* 'медная чашка'; *сирин сажфи* 'медная ложка', чж. *сиh-li* 'медь', п.-мо. *sirin* 'бронза, медь' [ССТМЯ 2: 399], не имеющее отсылок к другим статьям этого словаря и не имеющее указаний на параллели в других языках.

Соотношение – фактическое тождество ма. *сирин* 'медь' и монг. *sirin* 'бронза, медь', при системном сходстве этих форм с известными формами *jez*, *зэс*, – *с*– как один из рефлексов общетюркского **j*– в якутском языке и *r*, корреспондирующее с *z* как проявление ротацизма в классических алтаистических построениях, дает нам еще одно указание на то, что в ауслaute названия меди должно было находиться конечное *-in*, и, пожалуй, самое главное – этот пример указывает на то, что если в тюркских языках и была возможность перехода *z* или *ḍ* в сонант *r*, то такое изменение могло иметь место при единственном условии – оглушении начальных согласных, и соответственно вторичности всяких проявлений оглушения от тотального наличия глухих в инициальной позиции до вторичных озвончений. Аналогом этих изменений является чередование начальных согласных *m/p*, *m'/pu* в нивхском языке (и тотальная замена указанных согласных их коррелятами в интервокальном положении, на чем основывается предложенная нами пранивхская реконструкция). В нивхском языке, в котором в начале слова оппозиция звонких и глухих заменена оппозицией непридыхательных-придыхательных согласных или попросту утрачена там, где соответствия непридыхательных нивхских согласных звонким согласным тунгусо-маньчжурских языков не отмечаются (там глухие), что как раз указывает на фактор, определяющий данные изменения переднеязычных и среднеязычных спирантов или сопутствующий им, сопряженный с ними.

Сказанное означает, что архетип для ма. *сирин* и монг. *sirin* должен восстанавливаться как **sidin*, и это сближает его одновременно и с формой *čodīn*, известной в тюркских языках, и с формой *jez*, особенно с ее филиациями, указывающими на ауслautный *ḍ*.

В итоге для названия меди в алтайских языках восстанавливается такая система праформ, каждая из которых, как следует думать, должна соответствовать определенному пратюркскому диалекту:

1. **ḍ(i)ḍin* > *sidin* > *čirin* ~ *сирин* / *sirin* ~ *чйри-ктэ*
2. **ḍ(o)ḍin* > *čodīn* > *чучин*
3. **ḍ(e)ḍin* > *ḍez(in)* > *тэуси* ~ *тэйшун*
4. **ḍ(e)ḍin* > *ḍez(in)* > *jez* ~ *зэс*
5. **ḍ(e)ḍin* > *ḍezin* > *ḍedīn* > *гэгин*.

Для чего нужны нам эти примеры в их совокупности?

Во-первых, они показывают, что ротацирующие формы могли быть заимствованы конкретно из тюркских языков и только после оглушения начальных согласных в тюркских языках – в другой хронологии изменений для «ротацизма» отсутствуют условия.

Во-вторых, условиями для ротацизма, помимо преобразования оппозиции шумных и устранения звонкости-глухости является, во-первых, конвергенция *ḍ* и *z*, во-вторых, подобное изменение, учитывая факты нивхского языка как ти-

пологический аналог ротацизма, возможно только в интервокальном положении, но никак не в ауслауте¹.

В-третьих, становится понятным, что единственным критерием трактовки монгольского *зэс* 'медь' как тюркизма, то есть проникновения его в монгольские языки из общетюркского лексического фонда, из общетюркского праязыка, претерпевшего ряд идентифицирующих его изменений, остается отсутствие ауслаутного комплекса *-in/-in*.

Монг. *sirin* и ма. *сирин* 'бронза, медь' заимствованы из какого-то пратюркского диалекта, еще сохранявшего общеалтайские ауслаутные комплексы гласный+согласный – именно поэтому в нем и мог иметь место «ротацизм». Конвергенция начальных *ḍ, ḷ, n, n', l > j*, знакомая алтаистам, могла иметь место только до оглушения начальных согласных или в ином диалектном континууме, где «ротацизма» быть вообще не могло – он был возможным, как оказалось, только в условиях оглушенности начальных шумных.

Нельзя исключать того, что монг. *зэс* восходит к тому состоянию тюркских языков, когда в них еще не было тотального изменения начальных согласных с конвергенцией их в общетюркский **j-*, но уже исчезли ауслаутные комплексы гласный + согласный.

Форма *ṣodīn* восходит к такому пратюркскому диалекту, в котором «ротацизма» не было и в котором в поздних состояниях интердентальный *ḍ* дал *ч* – рефлекс, неизвестный ни по живым тюркским языкам, ни по письменным памятникам на тюркских языках, но известный по тюркским заимствованиям в маньчжурском языке (ср. ма. *хучин* 'колодец', *гэчулэхэ* 'одежда' и т.п.) – следствием чего является форма *чучин* 'медь'.

Формы *тэйшун* ~ *тэусин* происходят из такого пратюркского диалекта, в котором либо имело место изменение *ч > т*, либо, что менее вероятно, *ḷ > j > d > t* – второе и третье звено этой цепочки характеризует судьбу общетюркского *j* – в алтайском (ойротском) языке, а конечное – в отдельных примерах из якутского.

Загадочные до поры до времени формы *гэгин* 'медь' выводимы из формы с начальным и срединным *ḷ* – среднеязычной аффрикатой или спирантом *z*, соотносящимся с иными формами названия для меди в пратюркских или архаических тюркских диалектах. Важно, что данные формы, также по-своему документирующие факты тюркских языков, по существу элиминируются из обсуждения эволюции форм с оглушенными согласными (иначе мы имели бы в т.-ма. примерах не *г-*, а *х* или *к*, особенно в инлауте), и соответственно – форм с ротацизмом. Форма *гэгин* пополняет нашу коллекцию пратюркских диалектов, сохранявших ауслаутное *-in* в названиях меди и обладающих такими свойствами, какие не встречаются в современных тюркских языках.

Исходя из сказанного, пратюркским архетипом названия меди оказывается **ḍedīn* ~ **ḍidīn*, ~ **ḍodīn* – тогда источником всех приведенных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing¹tong²* (*цзинтун*) 'бронза'. В этом случае перед нами окажется пример эволюции китайского двусложного слова – биннома (ср. кит. *tong²* 'медь') за счет изменений, ожидаемых для общетюркского (выпадение преконсонантного согласного в данном случае, исключаяющего даже иллюзорный «ротацизм», и отпадение ауслаутного ком-

¹ Мы не имеем в виду иллюзорный ротацизм-ламбдаизм, когда тюркские *z* и *sh* являются остатками кластеров *pz, pč, lz, лч*, в которых плавный утрачивался, а *z* и *sh* являются отражением среднеязычных [Бурыкин 2005].

плекса *-in*) образуется тюркский односложный корень, вида *CVC*, который еще недавно считался эталонным для тюркских языков в общетюркском состоянии. Аналогичные структурные изменения корня предполагаются для слова *bez* [ЭСТЯ 2: 102-103]. Все предлагавшиеся этимологии, учтенные и неучтенные Э.В. Севортьяном, пренебрегли возможностью изменения внешнего облика лексем, однако в маньчжурском языке сохраняются ее архаические формы: ср. ма. *вэнчэо* ‘ткань из шелковой и льняной нитей’ < кит. *вэнь¹чоу²* ССТМЯ 1: 132], ороц. *генчу* ‘название шелковой ткани’, уд. *геанчу* ‘чесуча’, ма. *г’анчу*, *г’анчэо* ‘шелковая ткань’ [ССТМЯ 1: 146]. Ср. также тюрк. *boŝ* свободный [ЭСТЯ 2: 203-205] и ма. *байсин* свободный (от повинности. службы, занятий) при кит. *бай²жэнь²* человек без должности [ССТМЯ 1: 66]; социальные значения слова *boŝ* «свободный, незанятый, благородный» являются архаическими [ЭСТЯ 2: 204]. Таким образом, в этимологическом изучении тюркских односложных корней просматривается новое направление, позволяющее выводить их из китайских биномов при соответствии в семантике.

2. *Ađig* ‘медведь’ и его тунгусо-маньчжурские эквиваленты и поздние проявления

Э.В. Севортьян, обобщив формы названий медведя в тюркских языках, происходящие от одной лексемы, сохраняющей это же значение, полагал, что это название является исторически эвфемизмом и связано с пожилым возрастом [ЭСТЯ 1: 112-113, статья айы].

Кроме потенциальных заимствований названия медведя, о которых пойдет речь ниже, укажем сначала на примеры – основания для общеалтайской реконструкции данной лексемы, ср. нег. *гойзима*, ороц. *гойзима*, *гойзима мапа* ‘медведь тибетский’, уд. *гуаизима* – ‘медведь (гималайский или тибетский)’, нан. *гойзима*, *гойзики* ‘медведь гималайский’ [ССТМЯ 1: 158]. Присутствие начального *g-* в тунгусо-маньчжурских словах пока объяснимо, но сохранение преконсонантного *-й-* в тунгусо-маньчжурских примерах указывает на то, что они документируют самую архаичную форму слова, сопоставляемую с тюркскими лексемами. Любопытно, что в эвенском языке встретилось иносказательное название медведя *агди* («гром») [ССТМЯ 1: 12], по форме точно отвечающее варианту предполагаемого пратюркского архетипа данной лексемы.

эвенк. баргузинск. *уксукэ* ‘медведь’ [ССТМЯ 2: 254];

эвенк. диал. *учикан* ‘медведь’ [ССТМЯ 2: 297];

ма. *удувэн* ‘медведь-муравьед’ [ССТМЯ 2: 248];

Встречаются также формы с начальным заднеязычным:

эвенк. диал. зап. *кути* ‘медведь’ [ССТМЯ 1: 440];

эвенк. диал. сымск. *корко* ‘медведь’ [ССТМЯ 1: 415].

Приведенные формы показывают некоторые вариации огласовки, что не удивительно при наличии тунгусо-маньчжурских форм с начальным *go-*, корреспонденции интердентального *đ* укладываются в знакомые нам рефлексы интердентального *đ* в известных тюркских языках; формы с начальным *k-*, пока необъяснимым в ряде примеров (ср. алт. *кажык* ‘лодыжка’), в выбранном материале также присутствуют. Показательно, что форма *корко*, которая должна быть аналогична по рефлексу интердентального чувашской форме (однако в чувашском исконное тюркские название медведя, похоже, утрачено) – но она присутствует в той же диалектной группе, где название соли имеет форму *турукэ*, а название языка – *чили*; а это явные булгаризмы. Показательно, что в данной

группе примеров, как и во многих других случаях, мы не находим морфологически осложненных форм тюркских слов или слов с неясной морфологической структурой, нет в этом материале и семантических расхождений.

Монг. *adaɣ* 'губач, медведь южноазиатский' – определено заимствование из тюркских языков: в нем, в отличие от тунгусо-маньчжурских форм, нет пре-консонантного *й* или какого-либо другого согласного. Калм. *айу* 'медведь' – заимствование из тюркских языков огузского или кыпчакского типа наподобие ногайского.

3. Тюрк. *йүвсө* 'наперсток', *jüzük* 'кольцо' и их проявления в тунгусо-маньчжурских языках

Данный пример привлекает наше внимание не только разнообразием выявленных потенциальных эквивалентов, но и тем, что перед нами одно из немногих явно производных слов, потенциально заимствованных из тюркских языков. Параллели к форманту *-ziq/-ziik*, а именно т.-ма. *-птун*, *-тинг*, монг. *-bci*, называющего предметы, надевающиеся на другой объект или покрывающие его, охарактеризованы нами в специальной работе [Бурыкин 2000]. Тюркские формы обобщены в словаре Э.В. Севортыяна: *йүвсө* 'наперсток' [ЭСТЯ 4: 257-258].

Рассмотрим примеры:

эвенк. *гилди* 'кольцо' [ССТМЯ 1: 150];

эвенк. *голди* 'кольцо', *голдика* 'водоворот' [ССТМЯ 1: 159];

нег. *эгди* 'кольцо, обруч' [ССТМЯ 2: 437];

эвенк. *горги* 'пряжка у подпруги', сол. *гурги* 'пряжка пояса', уд. *гуаги* 'пряжка ремня', ма. *горги* 'пряжка подпруги', *гурги* 'пряжка пояса', мо. *gorki* 'пряжка', кор. *кори* 'кольцо, звено' [ССТМЯ 1: 161];

нан. *гучфу* 'кольцо, перстень', ма. *гуйфун* 'кольцо из золота, серебра, нефрита' [ССТМЯ 1: 176];

эвенк. сев.-байк. *гэптин* 'наперсток' [ССТМЯ 1: 180];

нан. диал. *кэзэчи* 'кольцо' [ССТМЯ 1: 443];

ма. *чосхо* 'кольцо на конце черенка ножа и др.' [ССТМЯ 2: 409];

нан. кур-урм. *соноко* 'наперсток' [ССТМЯ 2: 111];

ма. *сорко* 'наперсток' [ССТМЯ 2: 113];

нан. *дурзи* 'браслет, надевавшийся во время борьбы из-за мести' [ССТМЯ 1: 255];

В таких формах, как *гилди*, *голди*, *эгди*, и *кэзэчи* форма суффикса близка к той, что мы наблюдаем в монгольском (*-bci*)? хотя и с разнообразными преобразованиями. В формах *гэптин* и *гучфу* ~ *гуйфун* сохраняется тот вид суффикса, который знаком нам по тунгусо-маньчжурским материалам, однако основа слова на тунгусо-маньчжурской почве неясна, а тюркские формы с начальным *й*-, который согласно общеалтайской реконструкции, может восходить к разным согласным, в решении проблемы помочь не могут.

Формы *чосхо*, *сорко* и, очевидно, *соноко* показывают нам преобразования ауслатной структуры слова – VC > CV со сдвигом ауслатного согласного внутрь слова. Анлаутные согласные в этих словах соответствуют рефлексам общетюркского *j*- в тувинском и якутском языках соответственно. Обособленно стоит форма *дурзи*, где на месте согласного *-z-*, интересующего нас в аспекте механики и истории ротацизма, находится сочетание *-pz-*, а начальная часть слова сходна с начальной частью слова «стремя» (монг. *dörüge*). Поскольку

гласный в преконсонантной позиции во всех других словах данного семейства отсутствует, остается признать, что он в форме *дурзи* оказывается продуктом ротацизма типа того, что наблюдается в дагурском языке в преконсонантной позиции, где почти любой согласный в данной позиции переходит в *p*-.

Примечательно, что 11 различающихся по форме слов со значением «кольцо», восходящие при этом по фонетическим особенностям как минимум к восьми разным языкам, присутствуют во всех ареалах распространения тунгусо-маньчжурских языков.

4. Тюрк. *jiz* 'тростник', его общеалтайские эквиваленты и позднейшие проявления

Предполагается, что эквивалентами тюркской лексемы *jiz* 'тростник', среди которых должна присутствовать и не установленная лексема, которая должна была принадлежать к общетунгусо-маньчжурскому праязыку, являются следующие примеры:

ма. *гурби*, *гурбин* 'тростник' [ССТМЯ 1: 173];

нег. *дэkkэн* 'тальник, из прутьев которого плели канаты', ульч. *дэкэ(н)* 'канат-основание невода' [ССТМЯ 1: 231];

ульч., орок. *дэксун*, 'куст, кустарник', нан. *дэ* 'куст, кустарник' [ССТМЯ 1: 231], ср. также нивх. *нгыкс*, вост.-тах. *нгаГзыри* 'куст'.

сол. *дересун* 'рогожка', ма. *дарасу*, *дэрсу*, *дэрэсу* 'ковыль, из которого плетут шляпы', *дэрги* 'рогожка', монг. *deresiin* 'ковыль' [ССТМЯ 1: 249];

ма. *занчухун* 'сладкий', *занчухунзэ* 'сахарный тростник' [ССТМЯ 1: 173];,

нег. *зисиктэ* 'тальник, прут', ма. *зисиха* 'орешник', монг. *zegesiin*, *gegesiin*, *sigesiin* 'тростник, камыш', мо. *зэгс(эн)* [ССТМЯ 1: 260];

ма. *окзиха* 'тростник (ароматический, из которого плетут рогожки)' [ССТМЯ 2: 9],

нег. *тита* 'береста, циновка', нан. *чйта* 'циновка' [ССТМЯ 2: 189 *tита* 'береста'].

Все приведенные слова обозначают материал для плетения или плетеные изделия, что не дает оснований сомневаться в их семантическом тождестве.

Судя по всему, такие формы, как нег. *дэkkэн* 'тальник, из прутьев которого плели канаты', ульч. *дэкэ(н)* 'канат-основание невода', для которых реконструируется архетип **дэркэн* (оба языка теряют преконсонантное *p*), являются основанием для реконструкции корня на общеалтайском уровне. Форма *дэксун* – с суффиксом монгольского типа вместо тунгусского *-кта/-кса* – указывает на заимствование слова из монгольских языков или языка, похожего на монгольские. Следы падения преконсонантного плавного хорошо видны по нивхским примерам, где ауслатное *-кс* восходит к **-ркс*, иначе заднеязычный подвергся бы спирализации.

Разброс начальных согласных в этих примерах, также рассматриваемых как старые тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках, не выходит за пределы рефлексов тюркского анлаутного *j*-. Следы преконсонантного *p*-, сместившегося в эту позицию из позиции между гласными, видны в примерах *гурби*, *занчухун*, возможно, *дэксун*. Данный пример интересен тем, что исследователи далеко не всегда задумывались, какой элемент какому именно элементу соответствует в сравниваемых словах в их линейной структуре. Здесь возможны два решения: *-к*- соответствует изменившемуся *-p*-, или *-к*- соответствует начальному элементу суффикса при выпадении согласного *k*, относящегося к

суффиксу. Аналогично в соответствии *dürsün – jüz* есть выбор из нескольких решений – соответствие *p//z* «ротацизм-зетацизм», соответствие сочетания *-rs-* согласному *-z-* и соответствие *s//z*: мы склоняемся к последней трактовке эффекта «ротацизма/ламбдаизма», поскольку иное невозможно с точки зрения исторической фонологии тюркских языков, чему мы планируем посвятить отдельную работу.

В примере *tuta* начальный *й-* изменился в *т-*, как в некоторых якутских примерах (*туох* ‘что’, *тыал* ‘ветер’), а ожидаемый рефлекс для *-з-* совпадает с рефлексом интердентального *-т-* в якутском языке.

5. Тюрк. *jüz* ‘лицо’, поиски его общеалтайской параллели и рефлексы заимствований из разных тюркских языков

Данный пример интересен тем, что в общеалтайской праформе имеется плавный *-r-*, в монгольской форме – сочетание согласных на потенциальном морфемном стыке, в тюркском слове – ауслатный *z*.

Потенциальные тунгусо-маньчжурские эквиваленты этого слова для тюркской формы *jüz* представлены следующими примерами:

Эвенк. *дурун* ‘узор, вышивка’, сол. *дуру(н)* ‘вид, форма’, нег. *дуйун* ‘вид образ, изображение, рисунок’, ороч., уд., ульч., орок., нан. *ду:н* ‘внешний вид, образ, облик’, ма. *дурун* ‘образец, модель’, п.мо. *duri* ‘образ, облик, вид. фигура’ [ССТМЯ 1: 225-226];

Эвенк. *дэ:р* ‘поверхность’, *дэрэ* ‘лицо, морда’, сол. *дэрэл* ‘лицо’, эвен. *дэрэ* ‘лицо’, нег. *дэгэл* ‘лицо’, ороч. *дэ:* ‘лицо’, уд. *дэ:гди* ‘лицо’, ульч., орок., нан. *дэрэ* ‘лицо’, ма. *дэрэ* ‘лицо’, *дэрэнту* ‘портрет’ [ССТМЯ 1: 236];

Нег. *зэхсэ*, нан. *зэсэ* ‘голова медведя’ [ССТМЯ 1: 283];

Эвенк. *чу:ки:* ‘череп медведя’ [ССТМЯ 2: 411];

Ма. *зонгин* ‘лоб, чело’ [ССТМЯ 1: 264].

Странно, что в тунгусо-маньчжурском материале имеются сразу два примера, которые могут служить основанием для общеалтайской реконструкции данного обозначения лица – *дурун* и *дэрэ*, первая форма оказывается предпочтительнее несмотря на то, что она менее известна в литературе, чем вторая – *дэрэ*. Вариации начального согласного *з ~ ч*, являющегося рефлексом общетюркского *й(?)* укладываются в известные факты, согласный второго слога, восходящий к *-z-(?)* спирантизовался, как это имеет место с рефлексами *z* и *ʃ* в якутском языке. Показательно наличие ауслатного комплекса *-ин* в последнем маньчжурском примере – это примета прототюркских лексем, принявших тюркские черты, но еще не приблизившихся к знакомому нам общетюркскому облику (см. выше двусложные названия меди).

Нам удается найти еще некоторое количество примеров, где на месте согласных *с* и *ч* мы находим *к* – как в начале слова, так и в интервокальном положении. Все примеры, приведенные ниже, не принадлежат к общетунгусо-маньчжурскому лексическому фонду и с определенностью могут быть признаны заимствованиями.

Ср. ма *каксаха* ‘сорока’ [ССТМЯ 1: 363] – *саксаха*, монг. *sagajigai* ‘сорока’ [ССТМЯ 2: 54].

Нег. *койахи* ‘кость плечевая птицы’ [ССТМЯ 1: 404] – тюрк. *сѣнгюк*, казах. *сүйек* ‘кость’.

Нан. *кэжукэ*: 'цветок, побег ивы' [ССТМЯ 1: 445] – монг. *цэцэг*, тюрк. *сёсек*. Монгольское слово – явный, доказуемый тюркизм, ср. *чимчуктэ* 'шишка лиственницы, ели' [ССТМЯ 2: 395], также монг. *цуморлог* 'почка, бутон'; неясно, к чему может относиться монг. *шогшгой* 'шишка дерева'.

Эвенк. *кэкэчэк* 'копчик' [ССТМЯ 1: 445]. Ср. монг. *кудурга*, тюрк. *кудучак* 'крестец' – эвенкийское слово заимствовано из языка с заднеязычным *к* на месте интердентального *д*. Похожие изменения ср. монг. *хусам* 'береза' при тюрк. *qadın* – монгольское слово происходит из тюркского языка, в котором интердентальный *д* перешел в *с*, это состояние предшествовало тому, где произошел переход *с > х* внутри слова независимо от происхождения этих согласных, были ли они исконными или вторичными.

Нан. *хургэ* 'табун', ма. *хургэн* 'запряжка скота под один плуг, стадо' [ССТМЯ 1: 478]. Ср. монг. *сурэг* 'стадо', тюрк. *сюрюк* – монгольское слово, скорее всего, заимствовано из тюркских языков. Т.-ма. формы – возможно заимствование из бур. *хурэг* < *сурэг*. К языку с изменением начального *с*- восходит казахское *қора мал* 'скот'.

Эвенк. и др. *кали* 'карась' [ССТМЯ 1: 366] – монг. *салбарс* 'сазан'

Нан. *хондо* 'бобы соевые' [ССТМЯ 1: 470], ср. монг. *шош* 'боб, бобы'

Ороч. и др. *хора(н)* 'лицо' [ССТМЯ 1: 471] – п.-мо. *сйрай* 'лицо'

Сол. *хорил* 'труба дымовая' [ССТМЯ 1: 471] – монг. *цорго* 'труба'

Ороч. *хэдэ* 'непогода' [ССТМЯ 1: 480], монг. *zada* 'ненастье', бур. *зада* 'ненастье'; др.-тюрк. *jadci* 'волшебник, заклинатель' [ДТС: 222], якут. *сата* [Пекарский 1938: 2122] 'камень, обладающий силой вызывать непогоду'.

Ма. *хэрэ*- 'процеживать' [ССТМЯ 1: 482] – монг. *шүүх* 'цедить'. Ср. тат. *сёз*-, казах. *сүз*- 'цедить', тур. *süzme* 'процеживать', нивх. *г-ездь*, *г-езуд* 'цедить'. Маньчжурская форма заимствована из языка, в котором наблюдался ротацизм, тюркская – из языка, в котором *-з*- изменился до заднеязычного и вторичной долготы гласного. Монг. гоож- 'струиться процеживаться', *гожгонох* 'течь тонкой струей', *гожгодох* 'бить тонкой струей' – возможно, отдельная лексема, но не исключено заимствование из тюркского языка с сохранившимся *з* и изменившимся анлаутным согласным. Пример ма. *хэрэ*- 'цедить' ясно показывает, что общетюркская реконструкция глаголов с финальным неприкрытым *з* и *ш* несостоятельна. Такие примеры содержат важные детали относительной хронологии изменений согласных в пратюркском языке и его диалектах.

Аналогичные примеры тунгусо-маньчжурских слов с начальным *х*- имеют тюркские соответствия, не имея при этом монгольских:

Орок. *халчи* 'болото' [ССТМЯ 1: 461], ср. уд. *салд^hа* 'болото (лесное)' [ССТМЯ 2: 57] **салча* – тюрк. *са:з* 'болото' [ЭСТЯ 7: 155 и сл.]. Сюда же, видимо, относится и эвенк. *йаку* 'болото' [ССТМЯ 1: 339], происходящее из языка, в котором начальный *с*- оказался на грани утраты, а интервокальных *-з*- изменился в *-к*-, и эвенк. *н'арут* 'озеро' [ССТМЯ 1: 636] – из языка, в котором *с*- оказалось на грани отпадения, *-з*- изменился в *-р*-, но еще не отпали ауслатные комплексы. Из языка, в котором *-з*- перешел в заднеязычный, но начальный *с*- не отпал, а изменился в *т*-, заимствовано эвенк. *тагин* 'лужа, болото' [ССТМЯ 2: 151]. Ср. нивх. *чатьф* 'болото', не имеющее близких по форме параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в монгольских языках, но совпадающее с тюркским *са:з* 'болото'.

Сол. *хэсэ* 'указ' (< ма.), нег. и др. *хэсэ* 'слово, речь, язык' [ССТМЯ 1: 483] – тюрк. *söz* 'слово, речь' [ЭСТЯ 7: 338–339]. Э.В. Севортыан делает очень важное примечание к этой форме: «А.М. Щербак [Щербак 1970: 196] восстанавливает

праформу *cö:c*, что по як. *өс* и турк(м). *сөз* едва ли правомерно» [ЭСТЯ 7: 338], отмечая там же возможность форм с долгим или полудолгим гласным. Показательно, что в этом конкретном случае при кратком гласном в тюркском слове ротацирующие формы не лежат на поверхности (см. выше *хэрэ-* 'цедить'). Однако к этому же тюркскому слову восходит, очевидно, эвенк. *ту:рэ:н*, эвен. *төрэн* слово, речь, язык (также нег. и ороч.), *турэ:н-* 'говорить' [ССТМЯ 2: 222] – с ротацизмом и переходом начального *c>t*, не составляющем экзотики и не единичном (ср. *тагин* 'болото'). Данная пара примеров показывает, что ротацизм в тех тюркских диалектах, где он имел место, не связан с долготой предшествующего гласного, а имеет принципиально другие причины и условия реализации.

Нег. *хулдан* 'гадюка' [ССТМЯ 1: 476] – тюрк. *йшлан* 'змея' ср. также эвенк. *салама* 'змея', нег. *сулама* 'змея' [ССТМЯ 2: 57].

Нег. *хупэн* 'нитки' [ССТМЯ 1: 478] – др.-тюрк. *јір* 'нить, тесьма, веревка' [ДТС: 267], тат. *жеп*, казах. *жіп*. Заимствование из языка, близкого по типу к языку долган, где начальное *c* изменилось в *h*.

Эвенк. *гуран* 'низина' [ССТМЯ 1: 173] – чуваш. *шурлăх* 'болото' (*у* с ударением, *ă* краткое).

Ср. также. ма. *х'анчила-* 'собираться стадом' [ССТМЯ 1: 461], эвенк. и др. *сэсин* 'табун' [ССТМЯ 2: 146]. Перекрестные отсылки в ССТМЯ, явные варианты одной лексемы, восходящие к разным источникам, хотя эти источники пока не определяются.

Настоящие заметки имеют несколько целей, и главной из них вовсе не является то, что обычно лежит на поверхности – умножение числа лексических параллелей между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и, разумеется, не обоснование ареальных связей между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками. Во-первых, давно надо было попытаться объяснить странные и не вполне регулярные фонетические корреспонденции в отдельных словах, явно не связанные с внутренней историей тех языков, для которых эти корреспонденции прослеживаются, но такие корреспонденции, которые имеют прямые аналогии в языках соседних групп, родственных на общеалтайском уровне.

Во-вторых, представлялось необходимым предложить и оформить гипотезу, согласно которой многочисленные «похожие» слова в тунгусо-маньчжурских и отчасти в монгольских и тюркских языках, не укладывающиеся в групповые фонетические соответствия и не отвечающие статусу заимствований из известных языков, представляют собой старые заимствования, которые не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также предложить этимологии тунгусо-маньчжурских слов-изолятов, являющихся диалектизмами или дублетами в отдельных языках.

Третья цель, тесно связанная со второй, – определить корпус лексики, которая определенно не является общетунгусо-маньчжурской по происхождению, которая составляет альтернативные наименования объектов, обозначаемые явно общетунгусо-маньчжурскими или общетунгусскими лексемами, и которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших ныне монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Подобная же задача – выявление заимствований из исчезнувших языков соседних групп – оказывается актуальной и для изучения лексики монгольских и тюрк-

ских языков, на что указывают в том числе и рассматриваемые ниже примеры. По материалам ранних заимствований из тюркских языков ранней формации можно, как думается, составить представление о внешнем виде и количестве ныне не существующих тюркских языков и диалектов, точнее – пратюркских диалектов, участвовавших в контактах с языками других групп.

Четвертая цель работы, не обозначаемая, но достигнутая – подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без предлагаемого нами варианта общеалтайской реконструкции объяснение отдельных фактов истории тюркских языков *невозможно в принципе* – оно всегда выглядело и выглядит либо как необъяснимый авторский императив, либо как гадание на кофейной гуще.

Итоги проделанной работы в их перспективе для сравнительно-исторической тюркологии можно оценить следующим образом: 1) Территория, ныне занятая тунгусо-маньчжурскими языками, хранит следы прототюркского субстрата, элементы которого вошли в отдельные тунгусо-маньчжурские языки и в монгольские языки. 2) Хронология древнейших тунгусо-маньчжуротюркских контактов связана с датировкой времени распада общетунгусо-маньчжурского праязыка – по нашим данным, это начало 1 тыс. до н.э. 3) Количество неизвестных ныне тюркских языков, заимствования из которых выявляются в тунгусо-маньчжурских языках, вычисляемое по рефлексам согласных *ḍ*, *z*, *ʒ*, *s* и *c*, а также их возможным комбинациям, определяется в интервале между 25 и 30 и более языками. Таким образом, хронология прототюркского состояния, с чертами, качественно отличными от черт других алтайских языков, уходит вглубь от времени появления первых памятников тюркской письменности на 1700 лет.

Самый главный результат – то, что предложенная общеалтайская реконструкция в одном из ее обновленных вариантов и сама алтайская теория выдержали проверку построений на материале заимствований и существенно обогатили самые перспективы изучения взаимных заимствований в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Условные сокращения

алт. – алтайский (ойротский), вост. – восточный, бур. – бурятский, диал. – диалектный, др.-тюрк. – древне-тюркский, зоол. – зоологический, калм. – калмыцкий, кит. – китайский, корейск. – корейский, ма. – маньчжурский, мо. – монгольские языки, монг. – монгольский, нан. – нанайский, нег. – негидальский, общетюрк. – общетюркский, орок. – орокский, ороц. – ороцкий, п.-мо. – письменно-монгольский, птю. – пратюркский, сол. – солонский, ср. – сравни, т.-ма. – тунгусо-маньчжурский, тат. – татарский, тах. – тахарский, тюрк. – тюркский, тув. – тувинский, уд. – удэгейский, ульч. – ульчский, чж. – чжурчженьский, чуваш. – чувашский, эвенк. – эвенкийский, эвен. – эвенский, якут. – якутский.

ЛИТЕРАТУРА

Poppe N. 1960 – Poppe N. Comparative grammar of the Altaic languages. Part I: Comparative phonology. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1960.

Poppe N. 1965 – Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. Ural-altaische Bibliothek 14. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. – 221 p.

Ramstedt G.J 1957 – Ramstedt G.J Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, 'Introduction to Altaic Linguistics', 2 volumes. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952–1957.

Бурькин 1999 – Бурькин А.А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ, 1999. – С.19-42.

Бурькин 2000 – Бурькин А.А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс -bci (калм. -вч) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). – М., 2000. –С.16–20.

Бурькин 2005 – Бурькин А.А. Тюркские согласные *z, *sh, *d в свете алтаистики: новые интерпретации // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э.Р. Тенишева. –М.: Вост. лит., 2005. – С. 96–106.

Бурькин 2014 – Бурькин А.А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник Угроведения. № 4 (19) 2014. – С.21–33.

Бурькин 2015 – Бурькин А.А. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина) // Урало-алтайские исследования, 2015, № 4 (19). – С. 93–105.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 678 с.

Омакаева Э.У., Бурькин А.А. Заметки к этимологии названий металлов в алтайских языках // Российская тюркология, 2010. № 2. – С. 13–16.

Серебренников, Гаджиева 1986 – Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986. – 304 с.

ССТМЯ 1 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Под ред. В.И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. – 673 с. Т. 2. Л.: Наука, 1977. – 992 с.

ССТМЯ 2 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Под ред. В.И. Цинциус. Т. 2. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.

ЭСТЯ 1 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные/ АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1974. – 768 с.

ЭСТЯ 2 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б' /АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1978. – 349 с.

ЭСТЯ 4 – Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'Й' / Авт. сл. статей Севортян Э.В., Левитская Л.С. – М., 1989. – 292 с.

ЭСТЯ 7 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». / Авт. сл. статей Левитская Л.С., Дыбо А.В., Благова Г.Ф., Рассадин В.И., Насилов Д.М., Поцелуевский Е.А. – М., 2003. – 446 с.

***Burykin A.A* Turkic-Mongolian and Turkic-Manchu-Tungusic lexical relations in the new perspective: opportunities of the Altai theory in detecting ancient language contacts**

Summary. The main goal of this article is to show the possibility and expediency of identifying lexemes that are not inherited Manchu-Tungusic ones in origin, and which can be considered products of ancient contacts of Manchu-Tungusic languages with extinct Mongolian or Turkic languages. A similar task, i.e. the identification of borrowings from neighboring extinct Manchu-Tungusic languages is also relevant for research on the vocabulary of Mongolian and Turkic languages, as shown in examples considered in this article.

Key words: Altaic theory, Turkic languages, Mongolian languages, Tungus-Manchu languages, areal contacts, reconstruction, phonetic conformity, loans, extinct languages

**РАССТАНОВКА СЕМАНТИЧЕСКИХ И ДЕРИВАЦИОННЫХ ТЭГОВ
В ЭЛЕКТРОННОМ ХАКАССКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ¹**

А.В. Дыбо, А.В. Шеймович, С.А. Крылов, г. Москва

Резюме. Эта статья описывает возможности аннотировать семантически и деривационно языковой корпус хакасского языка. Здесь представлена предварительная версия инвентаря признаков для семантического аннотирования. В отличие от большинства семантических систем классификации этот инвентарь учитывает и парадигматические и синтагматические особенности семантики слова. Этот подход основан на идеях Ч. Филмора о структурной семантике, которая интерпретирует значение слова через семантические структуры (или предикаты, с точки зрения российской лингвистики), содержащие элементы структуры (семантические роли), а так же на идеях Лексической семантики и модели «Смысл \leftrightarrow Текст» Ю. Апресяна и И. Мельчука. Система семантических признаков является иерархической: ее элементы вступают в отношения включения, перекрывания, объединяясь так же как «аргумент – функция». Мы показываем примеры некоторых задач, для которых может использоваться семантический теговый корпус. Главная из них – это снятие лексической и грамматической омонимии. Статья демонстрирует несколько примеров полуавтоматического снятия омонимии глаголов, используя семантические особенности их актантов, снятие омонимии имен, используя их сочетаемость, и снятие грамматической омонимии посредством соглашения о числе подчиненного предиката.

Работа проводится в рамках корпоративного проекта РАН по развитию корпусов миноритарных языков Российской Федерации, включая тюркские языки миноритарных коренных народов.

Ключевые слова: корпус языка, семантическая маркировка, этимологическая маркировка, инвентарь семантических признаков, лексическая омонимия, грамматическая омонимия, снятие омонимии.

1. Введение

Работа по семантической разметке корпусов миноритарных тюркских языков в настоящий момент проводится в форме расстановки в статьях электронной хакасско-русской словарной базы, созданной на основе Большого хакасско-русского словаря [БХРС 2006], семантических тэгов.

¹ Работа ведется на средства гранта РГНФ № 15-04-12030 «Система автоматического морфологического и синтаксического анализа для корпусов миноритарных тюркских языков России» и программы ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Направление 4. Мультимедийные технологии в филологических исследованиях. (Проекты «Развитие корпусов миноритарных тюркских языков России» и «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка»).

Семантическая разметка словарной базы и текстового корпуса значительно расширяет возможности пользователя при создании поисковых запросов и улучшает качество результатов поиска [Кустова, Толдова 2009]. Она необходима для решения различных задач на множествах лексем, объединенных в семантические поля, или лексико-семантические классы, по признаку обладания одним или несколькими общими семантическими признаками.

Семантическая информация о лексеме представлена в виде набора семантических помет (тэгов) и записана в поле SEMTAG. Ср. рис. 1.

С учетом необходимости унификации семантической маркировки всех имеющихся национальных корпусов, мы стремимся сделать систему семантических помет для корпуса хакасского языка максимально универсальной, для чего используем существующий опыт и наработки в этой области. В частности, нами были использованы следующие классификации лексики: тезаурусные – для предметных имен: [A.L.E. 1973; СИГТЯ; НКРЯ]; для предикатных имен и глаголов: [НКРЯ], частично: [Апресян и др. 2007; Апресян, 1967].

2. Общие подходы к организации инвентаря семантических помет

К настоящему моменту разработана предварительная версия инвентаря семантических тэгов; в отличие от помет в НКРЯ, она учитывает не только парадигматические, но и синтагматические характеристики семантики слова. Здесь мы исходим из следующих соображений.

The screenshot shows a software window titled "hrs_new31.dbf: in d:\doc\corpus\baskh\hrs - Editing". The main content area displays the following text:

AC (-ы) II 1) хлеб (*на корню*); **ас бскірчец** хлебороб; **ас тогызы** хлебоуборка; **ас кизерге** жать хлеб, убирать хлеб; 2) зерно; ср. **тонас**; **ас тартарга** перевозить зерно; **ас тоолап парган** зерно осыпалось; 3) еда, пища, угощение (*включая вино*); **столга аарлыг ас тургызарга** ставить на стол дорогое угощение; 4) *саг.*, *шор.* ячмень; см. **кбче**; **ас чарбазы** крупа из ячменя; **ас согарга** обдирать ячмень (*толочь в деревянной ступе, предварительно поджарив его в котле*); **ас чизерге** быть в дружеских отношениях; общаться, дружить; **ас пазы** лучшее из яств; **улуг ас** вино (*букв. большая пища*); □ **астың пазына сых полбас** посл. нет ничего выше (дороже) пиши (хлеба).

WORD	ас
HEADWORD	AC
ALTERNAT	
ALTERNATEN	
FORM	
DERIV	
DERIVGLOSS	
SEMTAG	plant ⊃ cereals ⊃ cult=food
SEMGLOSS	хлеб
PART	NOMEN
ETYM	
REST	1) хлеб (на корню); ас бскірчец хлебороб; ас тогызы хлебоуборка; ас кизерге жать хлеб, убирать хлеб; 2) зерно; ср. тонас; ас тартарга перевозить зерно; ас тоолап парган зерно осыпалось; 3) еда, пища, угощение (включая вино); столга аарлыг ас тургызарга ставить на стол дорогое угощение; 4) саг., шор. ячмень; см. кбче; ас чарбазы крупа из ячменя; ас согарга обдирать ячмень (толочь в деревянной ступе, предварительно поджарив его в котле); ас чизерге быть в дружеских отношениях; общаться, дружить; ас пазы лучшее из яств; улуг ас вино (букв. большая пища); □ астың пазына сых полбас посл. нет ничего выше (дороже) пиши (хлеба).
NOTE1	CA

At the bottom of the window, the status bar shows: "10/16 SEMTAG field (V) Record 1323/21556 Times New Roman PSMT Pro LS 0".

Рис. 1. Семантическая информация о лексеме

Идея представления языковой семантики через фреймы (или, в более традиционной для российской лингвистики терминологии, предикаты) не является чем-то специфически новым. Предикатное представление лексической семантики было принято как в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» (ср. у Ю.Д. Апресяна: «В общем случае толкуемой единицей должно быть не отдельно взятое слово, а содержащее его выражение вида XPY , где P – толкуемое слово, а X и Y – переменные, сообщающие данному выражению форму предложения или словосочетания» [Апресян 1974: 97]; еще раньше – в работах А.К. Жолковского,

Н.Н. Леонтьевой и Ю.С. Мартемьянова, с 1960 г.), так и в различных направлениях генеративистики (несколько позже – примерно с 1963 г., поскольку генеративная грамматика далеко не сразу признала необходимость работы с семантическим уровнем языка). Пожалуй, наиболее подробная разработка «фреймовой» семантики сейчас принадлежит Ч. Филлмору и его сотрудникам, см.: Berkeley Framenet Project [BFP] (сам Ч. Филлмор вел исследования в этом направлении с 1982 г.)².

Вкратце современные лингвистические представления о «фреймовой» семантике можно охарактеризовать следующим образом. Слово естественного языка – знаковая единица, то есть двусторонняя единица, имеющая форму и значение. Отдельные значения многозначного слова рассматриваются при семантическом анализе как составные части отдельных единиц. По крайней мере для значительной части слов – лексических единиц (ниже мы вернемся к вопросу – для какой части) следует считать, что каждое из них описывает стандартизованное представление о некотором типе реальных ситуаций. Типизованная ситуация («фрейм») включает «участников ситуации», они же «семантические роли», связанные элементарными отношениями. Семантические роли делятся на «ядерные» («обязательные») – сущностно важные для ситуации, такие участники, без которых сама ситуация не может иметь места, и которые характеризуют в данном наборе именно этот тип ситуаций; и «неядерные» – не характеризующие специфически данный тип ситуаций (хотя, возможно, и необходимо присутствующие в нем). Пример – ситуация торговли; она включает в качестве ядерных роли покупателя, продавца, акт передачи (сам по себе может быть описан как фрейм с более элементарными участниками), предмет торговли («ресурс» в терминологии [Розенцвейг 1964]), деньги (или иной кодифицированный эквивалент обмена). «Неядерные» роли здесь – время, когда совершается сделка, место, где она совершается (роли, характеризующие любую ситуацию типа события или процесса), цель сделки (в принципе, может отсутствовать); о последнем типе «неядерных» ролей иногда говорят как о «внешних» ролях. Типы ситуаций могут быть расклассифицированы внутри тезауруса, соответственно, вступая в отношения включения, пересечения и подчинения между собой. Торговля – подтип ситуации обмена, в ситуации обмена не специфицирован как кодифицированный эквивалент второй ресурс; купля и продажа – подтипы ситуации торговли, в зависимости от того, покупатель или продавец рассматривается как главный герой ситуации; спекуляция – еще один подтип ситуации торговли, где участник «цель» включен как внутренний – торговля с целью получения неоправданно высокой прибыли (для нас неважно, что реально соответствующая ситуация, возможно, ничем не отличается от просто торговли – здесь речь идет об обычном значении слова).

Предполагается, что словарь каждого языка должен представлять собой базу данных с «фреймовыми» толкованиями для слов, включающую информацию о синтаксической интерпретации «семантических ролей» и (если требует грамматика языка) стандартном морфологическом выражении этой синтаксической интерпретации – то есть, возвращаясь к принятой у нас терминологии, информацию о модели управления слова.

² Более подробно о этом классе семантических теорий см. в: Лингвистика конструкций, 2010, 18–75.

Вообще-то, различие между традиционным лексикографическим толкованием и толкованием в предикатной форме носит скорее технический характер; в общем случае из традиционного толкования можно получить «фреймовое» автоматически; для русского языка для этого следует перевести инфинитив правой части толкования в личную форму и приписать справа и слева от нее переменные X и Y к ближайшим двум зависимым существительным, далее Z и т.п.; эксперимент был проделан С.А. Крыловым над толкованиями словаря Ожегова с помощью системы автоматического морфологического анализа, встроенной в СУБД Starling (система управления этимологическими базами данных, разработанная С.А. Старостиным, <http://starling.rinet.ru>) и дал вполне удовлетворительные результаты. Другое дело, что традиционная лексикография не требует в эксплицитной форме подробного описания модели управления слова, почему в словарях языков с менее развитой лексикографической традицией, чем русская, французская, немецкая или английская (а лучше всего – латинская и древнегреческая) зачастую моделью управления слова вообще пренебрегают, а «предикатная» лексикография специально заостряет внимание лексикографа на этой проблеме, эксплицитно рассматривая описание возможных типов управляемых единиц как основную часть толкования управляющего слова.

При «фреймовых» толкованиях слов кроме сказанного даются также для каждого фрейма ссылки на все слова, фреймы которых совпадают с данным или находятся с ним еще в каких-либо отношениях. Имея такой словарь, автоматическая система может производить «аннотирование» предложений любого текста, то есть относительно каждого выбранного слова («мишени») размечать в тексте обозначения «участников» соответствующего фрейма, что и моделирует процесс понимания предложения и, в дальней перспективе, текста. Соответственно, при наличии таких баз для нескольких языков можно смоделировать автоматический перевод с языка на язык.

Из изложенного видно, что легко поддаются «фреймовому» толкованию языковые предикаты, то есть слова, обозначающие действие, состояние или процесс. Со словами других типов возникают сложности, разрешение которых производится различными способами, ad hoc. Наибольшую трудность для осмысленной фреймовой интерпретации представляют так называемые предметные имена, так сказать, термы *par excellence*.

Мы не будем здесь специально уделять внимания частной проблеме в семантике естественного языка, а именно, связи различных типов значений многозначного предметного имени с его типичной синтаксической функцией, на которую впервые обратил внимание В.В. Виноградов [Виноградов 1977] (у имен типа «свинья» основное значение – конкретное, производное – метафорическое, и второе встречается практически исключительно в синтаксической функции предиката). В дальнейшем Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1980] дала уточненную классификацию типов «таксономического» и «характеризующего» значений; в системе фреймовых толкований у Филлмора «характеризующие» значения также обрабатываются особым образом.

Надо сказать, что их толкование вызывает сложности практически во всех семантических теориях (ср. традиционный для лексикографии вопрос, насколько словарное толкование должно включать энциклопедическую информацию).

Общий теоретически мыслимый подход к толкованию предметных имен таков: во всяком случае, для имен артефактов и иных предметов, регулярно участвующих в человеческой деятельности, явно можно использовать классы типа «материал», «инструмент», «помещение», «сосуд» и под. – каждый из таких

классов легко интерпретируется как фрейм (т.е. предикатно, с более элементарными участниками); понятно, что отнесение предметного имени к одному из таких классов отражает наиболее типичное его использование в человеческой деятельности. По-видимому (как показывают, во всяком случае, историко-семантические исследования), в реальных языках подобным же образом устроена и семантика ряда наименований природных объектов – например, названий растений и животных, частей тела («конопля – травянистое растение, используемое для изготовления веревок»); именно такая семантика приводит к тому, что в истории языков название конопли часто переходит в название крапивы и наоборот). Неудобство такого подхода к фреймовым толкованиям, очевидно, то, что предложения, описывающие ситуацию нетипичного использования объекта и потому не поддающиеся простому автоматическому «аннотированию», будут встречаться значительно чаще и поддаваться дополнительной типизации значительно меньше, чем предложения, описывающие ситуации отступления от словарных фреймов глагольного типа (вроде случаев с разнотипными опущениями участников или наложениями нескольких разных фреймов), просто в силу того, что глагольные предикаты – в сущности, продукт именно человеческой интерпретации ситуаций, деятельности человеческого разума, а множество предметных имен – понятийная сетка, с трудом налезаящая на множество объектов действительности, не являющееся само по себе чем-то специально приспособленным для человеческой деятельности, и потому значительно более разнообразное.

Соответственно этому, техническое решение, которое принимает команда Филлмора (и, по-видимому, наиболее естественное) – следующее. Создание фреймовой базы данных производится не «вообще», а для «аннотирования» текстов из определенного корпуса. При толковании предметных имен сначала выявляют наиболее частотные в данном корпусе предикаты, с которыми употребляется данное предметное имя, соответственно, выясняется, в каких фреймах значения этих имен типичным образом заполняют «семантические роли». Соответственно, для имени строится фрейм с данным типом фреймов в качестве «участника», а также, по возможности, с еще одним или несколькими «участниками», представляющими типизованную «качественную» характеристику (вроде «материала», из которого предмет изготавливается, или «цели», для которой он предназначен).

Собственно говоря, сам Филлмор не решается говорить о предикатных (фреймовых) толкованиях предметных слов, утверждая, что при аннотировании текста отдельным образом производится аннотация для мишени-носителя фрейма и мишени – «заполнителя слота», но в действительности толкования «заполнителей слотов», устроенные так, как было описано выше, легко записать как предикатные.

Такой подход, в общем, соответствует теоретико-семантическому представлению о «возможных мирах», в рамках которых только и может быть правильно проинтерпретирован смысл той или иной лингвистической единицы. Соответственно, тематически ограниченный корпус текстов может рассматриваться как реализация своего рода «платоновской идеи» некоторого возможного мира, внутри которого происходит понимание текста и слова текста получают толкование.

Разметка хакасского словаря (и впоследствии автоматических словарей других миноритарных тюркских языков) предназначена для предварительной работы с корпусом текстов, разнообразных по тематике; статистическая обработка текстов с выяснением сочетаемости слов планируется впоследствии, но видится как один из промежуточных результатов, а не исходный пункт работы. Поэтому пока мы

даем синтагматическую информацию в тэгах только для глаголов, а также очевидных операторов, в частности, имен действия, состояния и процесса. В дальнейшем планируется расширить этот подход к пометам; пока же мы ориентировались в целом на подход, декларированный в статье [Апресян и др. 2005: 193–214]. Согласно ему, инвентарь семантических тэгов (или дескрипторов), своеобразный семантический метаязык, должен обеспечивать содержательное и адекватное описание лексики языка, предметной и предикатной³, а также, в совокупности с морфологической и синтаксической разметкой, давать исследователю достаточную информацию о закономерностях поведения элементов всех лексико-семантических классов в текстах на естественном языке. Предметные тэги членят словарь языка с наивно-энциклопедической точки зрения, отражая некоторым образом систему представлений носителя языка об окружающем мире. Поэтому, к слову сказать, так удобно было использовать для разработки семантического инвентаря 5-й том [СИГТЯ], организованный по принципу тезауруса и содержащий разделы, соответствующие важнейшим сторонам природы, жизни и хозяйственной деятельности носителей древних диалектов пратюркского языка.

3. Об инвентаре семантических помет

Наша система семантических помет выглядит иерархически: тэги вступают в отношения включения, пересечения и объединения, а также отношения «Аргумент – Функция» между собой. Для символизации отношений между признаками мы воспользовались стандартной теоретико-множественной и логической символикой:

- \supset включение, помета, следующая за этим знаком, конкретизирует предыдущую ($hum \supset persn$, $hum \supset prof$); в словарной статье конкретизируемый признак может опускаться.

- \cap – пересечение признаков ($plant \cap cult$).

- $\&$ «и» – конъюнкция признаков ($period \& quant(time)$)

- \vee «или»- дизъюнкция признаков ($animal \vee hum$).

- Аргументы признаков-операторов ставятся в скобках после операторов ($part(body)$, $part(plant)$, $part(constr)$); скобки же размечают соподчинение связок.

- $|$ – отделяет сведения о валентностях предиката;

- $:$ двоеточие – отделяет заполнения валентностей ($\{Ag:hum, Pat:plant\}$).

- $=$ – разделяет пометы, принадлежащие разным значениям многозначного слова ($plant \cap cult = food$).

Соответственно, слово может попадать в несколько семантических классов (т.е. одно слово м.б. снабжено несколькими наборами помет – см рис. 1 выше (так же устроены пометы в НКРЯ)). Слова, принадлежащие к разным лексико-грамматическим классам, могут оказаться в одном семантическом классе:

HEADWORD ААЛ I село, селение; населённый пункт; аал; улус // сельский;

SEMTAG settl=aggr(hum)

³ Предметная лексика – названия живых существ, растений, гор, рек, овощей, фруктов и т.п., предикатная лексика – любые другие валентные лексемы, главным образом обозначающие действие, состояние или процесс, дескрипторами для которых будут ‘действие’, ‘деятельность’, ‘занятие’, ‘воздействие’, ‘свойство’, ‘интерпретация’ и такие их подклассы как ‘начало’ и ‘прекращение’, ‘каузация’ и ‘ликвидация’ [Апресян и др. 2005].

HEADWORD АҒАС (-зы) 1. 1) дерево; ... 2) древесина
SEM TAG plant=stuff

HEADWORD АС (-зы) II 1) хлеб (на корню); ... 2) еда, пища
cereals ∩ cult=food ⊃ SEM TAG plant

HEADWORD ЧИДІЛЕРГЕ /чиділ-/ кашлять;
disease | Pat:hum ⊃ SEM TAG physiol

HEADWORD ЧИДІЛ кашель;
disease ⊃ SEM TAG physiol

Ниже следует фрагмент инвентаря семантических помет для хакасской словарной базы, составленный с опорой на вышеприведенные источники; при некоторых пунктах даются примеры сложных обозначений:

а) Оппозиция собственные имена *onym* vs предметные имена *concr* vs имена предикатов *abstr*

Оnym ⊃ (*persn*; *patrn*; *famn*; *topon*) ⊃
имена *hum* ∩ *persn*
отчества *hum* ∩ *patrn*
фамилии *hum* ∩ *famn*
топонимы *landsc* ∩ *topon*

б) Тезаурусная классификация

I. Природные явления и объекты *nature*

1. Небо и небесные тела *astr*
2. Атмосферные явления; ветер, погода *weather*
3. Вода; моря, реки *landsc* ⊃ *water*

...

II. Сверхъестественное *supernat* /мифологическое *myth*
[джинны и пери *hum* ∩ *supernat*; драконы *animal* ∩ *supernat*]

III. Человек

1. Наименования лиц *hum* в том числе:

...

IV. Виды и области человеческой деятельности (*activity*)

///

...

VII. Меронимия

1. Части в том числе: *part()* (напр., *part(hum)*, *part(constr)*)

...

VIII. Топология

...

XIV. Каузативность и под. *Caus*

XV. Пространство, место и пространственные отношения

...

XVII. Качества *qual*

[*qual(hum)* человеческие качества, *qual(tool)* качества инструментов]

...

XXII. Числительные *num*

...

XXIII. Местоимения *pron*1. личные *pers* (*я, ≡pron он*)

...

4. Отношения семантической и словообразовательной разметок

Отдельно следует сказать о существенной для нашей базы особенности расстановки частеречных и семантических помет и различиях в их трактовке. Как известно, существуют некоторые отличия в способе выделения частей речи в тюркских языках различными и грамматиками, скажем так, тюркски и европейски ориентированными. Напомним, что одно и то же слово в тюркских языках может трактоваться как существительное, или прилагательное, или наречие в зависимости от синтаксической функции, выполняемой им в предложении (*мас тура* 'каменный дом' *кічиглер ойнапчалар* 'маленькие (малыши) играют'). Поэтому в нашей модели нет разных систем тэгов для традиционно выделяемых частей речи, как, например, в НКРЯ, разработчики которого пишут: «Лексико-семантическая информация имеет различную структуру для разных частей речи» (<http://www.ruscorpora.ru/corpora-sem.html>). В НКРЯ свою структуру помет имеют собственные, предметные и не предметные существительные, прилагательные, наречия, глаголы. Причем в систему семантических помет включена и грамматическая и словообразовательная информация: каузация и служебный статус у глаголов, диминутивы, аугментативы, сингулятивы и т.п. у имен.

В электронной хакасско-русской словарной базе для информации такого рода предназначено поле DERIVGLOSS, где представлено деление основы на словообразовательные форманты и даны стандартизованные грамемные имена этих формантов, в основном из инвентаря лексических функций Модели «Смысл <=> Текст».

Примеры:

Отметим, что такие операторы, как каузация (*caus*) используются и как имя словообразовательного типа, и как семантический тэг, т.к., с одной стороны, основы, содержащие словообразовательный каузативный аффикс, не всегда являются каузативами семантически:

HEADWORD аарладарга быть уважаемым

DERIVGLOSS тяжелый=Oper=Caus-

SEMTAG *Pass(inter∩posit)*

(семантическое развитие, очевидно, через «вызывать уважение») – а, с другой стороны, семантическая каузативность не всегда формально выражена в основе:

HEADWORD ХЫРАРГА /хыр-/ I отскабливать что-л.

DERIVGLOSS -

SEMTAG *Caus(disapp)*

HEADWORD ХЫРАРГА /хыр-/ II уничтожать, истреблять

DERIVGLOSS -

SEMTAG *Caus(disapp)*

Что касается таких традиционно выделяемых в грамматиках лексико-грамматических классов (и соответствующих им частей речи) как «местоимение» и «числительное», то мы предпочитаем не вычленять их из лексико-грамматического класса «имя». Набор их грамматических категорий и синтаксических функций совпадает с именным. Как и другие имена, местоимения и числительные могут употребляться в функциях актантов, атрибутов и предикатов.

Примеры:

ікі алтам два шага;
ікі ал салғам [я] получил **двойку**
ікі хоньхтығ **дважды** женатый

Пастан ол миннең хорьххан, ам ызоцах осхас чабас

Сначала **он меня** боялся, а теперь как теленок смиренный

Мына, оларның пірсі Алексей Кружков

Вот (этот) **один из них** Алексей Кружков

Ол Тойоңзар, ысхан нымьрт осхас, хара харахтарынаң хази көрібіскен, олох көрізін Арина Петровназар тастаан

Она проницательно посмотрела на Тойона [своими] как спелая черемуха черными глазами, **этим же** взглядом окинула Арину Петровну

Зато эти группы имен представляют собой специфические семантические классы (о местоимениях см. классическую работу [Якобсон 1972, 95–99]). Поэтому пометы «местоимение» и «числительное», включая их лексико-грамматические разряды (*pron* \supset *card* \supset *pers*, *num*), в хакасской словарной базе относятся к полю SEMTAG:

HEADWORD ОЛ мест. он, она, оно; тот, та, то

SEMTAG *dem* \supset *pers*=*pron* \supset *pron*

HEADWORD СИГІС восемь

SEMTAG *ord* \supset *num*

5. Некоторые примеры использования семантических помет

Самый распространенный тип запроса к семантически размеченной словарной базе – это нахождение по данному семантическому признаку слова или группы слов. Пользователь получает множество лексем, характеризующееся той или иной степенью близости значений (синонимический ряд, гипероним с его гипонимами, антонимы, конверсивы, семантическое поле в версии Ю.Н. Караулова, набор семантических функций от данного слова в версии Мельчука–Жолковского–Апресяна или лексико-семантическую группу в версии Э.В. Кузнецовой).

Второй тип запросов служит решению более сложных научно-исследовательских задач. Это, например, определение лексико-грамматической сочетаемости слов, снятие семантической неоднозначности многозначных слов и т.п.

5.1. *Задача полуавтоматического снятия семантической неоднозначности глаголов на основе сем. характеристик актантов*

Задачи снятия семантической неоднозначности глаголов исходя из семантической разметки контекста, а именно с помощью данных о глагольных моделях управления, в которых актантам глагола проставлены семантические тэги, т.е. с помощью т.н. «семантических фильтров» [Кустова, Толдова, 2009, 258–276].

В настоящий момент лексические омонимы и просто многозначные слова в словарной базе различаются римскими и арабскими цифрами в поле FIELD 1. Теперь мы собираемся различать их еще и с помощью семантических помет, как самих глаголов (в словаре), так и их актантов (в размеченных текстах корпуса).

Примеры глаголов-омонимов:

КИЗЕРГЕ /кис-/ I 1) резать, разрезать, срезать, отрезать что-л.; іпек кизерге резать хлеб; пычахнаң кизерге резать ножом;

кис- *impact* | Ag: *Pers*; Pat: *concr*; Instr: *tool*

іпек *food*
пычах *instr*

КИЗЕРГЕ /кис-/ II 1) надевать что-л.; өдік кизерге надевать обувь, обуваться;
2) носить что-л.: тон кизерге а) надевать пальто;

кис- *put* | Ag: *pers*; Pat: *cloth*
тон *cloth*
өдік *cloth*

КИЗЕРГЕ /кис-/ III переходит что-л.; переправляться через что-л.; суғ кизерге переправляться через реку; чол кизерге переходит через дорогу; чазағ кизерге переходит вброд.

кис- *move* | Fact: *Pers&Anim*; Loc: *Space*
суғ *water* \supset *landsc*
чол *space* \cap *transp*

Соответственно, автоматический парсер дает форме глагола с основой *кис-* три варианта разбора, отличающихся номером и переводом глагола, взятыми из словаря. Можно построить фильтр, который будет проверять соответствие семантических помет актантов в словарной статье глагола семантическим пометам имен, встретившихся в том же предложении, что и глагол, в тексте. Как мы видим, в примерах предложений, приведенных в словаре при каждом глаголе, такое соответствие соблюдается. Если при каком-то из вариантов анализа совпадения нет, такой вариант анализа отбрасывается. Т.е., может быть выведено правило вида: «Если актант глагола *кис-* выражен именем, принадлежащим к сем. классу “одежда”, то в данном контексте значение этого глагола – ‘надевать’». В дальнейшем правило может быть обобщено для целого класса однотипных глаголов; выделение таких классов для наших корпусов представляется делом будущего.

5.2. *Задача полуавтоматического снятия семантической неоднозначности многозначных имен на основе их лексической сочетаемости*

Разрешение омонимии в группе имен «час I “слеза” [*physiol* \cap *water*]; II возраст, год, лета [*quant(time)*]; III 1) час // часовой [*period&quant(time)*]; 2) часы [*device*]; IV 1) молодой, зелёный [*age=**color(plant)*]; 2) свежий [*qual(food)*]; V сырой [*qual(concr)*]; VI весна [*season*]» не осуществимо автоматически для всех значений многозначного слова (при том, что слово III пополнило эту группу тюркских омонимов, будучи заимствовано из русского – но не обладая формальными признаками русизмов).

По признаку лексической сочетаемости с числительными лучше всего определяются значения ‘год’ и ‘час’ (*апсахха тоғызон час* старику девяносто лет; *пала тис час толдырды* ребёнку исполнилось пять лет), также они встречается в контексте слов с сем. тэгом *time* (*иртен чими часта* утром в семь часов) – зато различие между ними практически невыявимо; значение ‘часы’ (единственное среди них с пометой, входящей в класс *concr*) выявляется, например, в контексте слов с пометой *stuff* (*алтын час* золотые часы). Значение ‘зелёный’ можно присвоить слову *час* в контексте слов с сем. тэгом *plant*, *plant:part* (*час от* молодая трава; *час от чили пүктелче*, *час хамыс чили мондылча фольк.* как зелёная поросль изгибается, как молодой камыш качается (*о пластике движения молодой девушки*)), однако значительно сложнее вычленить значения *час* ‘свежий’, т.к. это может быть и пицца (*час халас* свежий хлеб), и ребенок (*час пала* новорождённый младенец) – слова, принадлежащие к различным семантическим группам; такая же ситуация и со значением ‘влажный’ – древесина, шкура, облака (*час агас* сы-

рая древесина (как строительный материал); *час теер* сырая шкура (только что снятая с животного); *час пулуттар* тяжёлые, кучевые облака (дождевые или снеговые)).

5.3. Отражение числа в глаголе при согласовании подлежащего и сказуемого

В хакасском языке согласование подлежащего и сказуемого в числе зависит от того, чем они выражены. Если подлежащее в единственном числе, сказуемое всегда с ним согласовано (ед. число не маркировано). Если подлежащее во множественном числе, то его согласование имеет некоторые особенности [ГХЯ 1975, 303-304]. Согласование по числу обязательно лишь в том случае, если подлежащее выражено местоимениями 1 и 2 л. мн.ч. В большинстве остальных случаев, когда подлежащее выражено 3-м лицом, согласование его со сказуемым происходит факультативно: *Олар тогынча / тогынчалар* 'Они работают'; *Пис (2 л. мн.ч.) часкалыгыбыс, я?* 'Мы счастливые, да?' На последнем примере можно наблюдать забавный случай автоматического снятия лексической омонимии: слову *пис* морфологический анализатор автоматом припишет 2 перевода: личное местоимение *мы* и существительное *шило*, а по признаку Pers2 Pl сказуемого можно смело выбрать из двух омонимов местоимение *мы*.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1967 – Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 256 с.

Апресян 1974 – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Наука, 1974. – 366 с.

Апресян и др. 2005 – Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л. и др. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 193–214.

Апресян и др. 2007 – Апресян Ю.Д., Дяченко П.В., Лазурский А.В., Цинман Л.Л. О компьютерном учебнике лексики русского языка // Русский язык в научном освещении. – 2007 – № 2 (14). – С. 48–112.

Арутюнова 1980 – Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука. – С. 156–249.

БХРС 2006 – Большой хакасско-русский словарь / Под ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1115 с.

Виноградов 1977 – Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162–189.

ГХЯ – Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А.Баскакова. – М., 1975. – 418 с.

Кретов 2009 – Кретов А.А. Анализ семантических помет в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006 – 2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 240–257.

Кустова, Толдова 2009 – Кустова Г.И., Толдова С.Ю. НКРЯ: семантические фильтры для разрешения многозначности глаголов // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 258–276.

Лингвистика конструкций 2010 – Лингвистика конструкций / Изд. Е.В. Рахилина. – М., 2010. – 584 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка ([http:// www.ruscorpora.ru/corpora-sem.html](http://www.ruscorpora.ru/corpora-sem.html))

Розенцвейг 1964 – Розенцвейг В.Ю. Лексика имущественных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 8. – М., 1964. – С. 104-108.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

Якобсон 1972 – Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / пер. с англ. А.К. Жолковского // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.

A.L.E. 1973 – Atlas Linguarum Europae sous la rédaction de A. Weijnen, rédacteur-en-chef Mario Alinei, Manuel Alvar, R.I.Avanesov et al. Première questionnaire (onomasiologie, vocabulaire fondamental). Secrétariat de la Rédaction de l'A.L.E., Nimègue 1973.

BFP – Berkeley Framenet Project (<http://framenet.icsi.berkeley.edu/framenet>)

Erdal 1991 – Erdal M. Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I and II. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991. – 874 p.

Fillmore 1982 – Fillmore Ch. Frame semantics // Linguistic in the Morning Calm. – Seoul-Hanshin, 1982. – P. 111–137.

Dybo A.V., Sheimovich A.V., Krylov S.A. Creation of semantics and derivation tags in the electronic Khakas-Russian dictionary

Summary. This paper describes an effort to annotate a Khakass language corpus semantically and derivationally. It presents a preliminary version of the inventory of tags for semantic annotation. Unlike most semantic classification systems, this inventory takes into consideration both paradigmatic and syntagmatic characteristics of the word's semantics. This approach is based on Ch. Fillmore's idea of Frame semantics which interprets the word meaning through semantic frames (or predicates, in terms of Russian linguistics) containing frame elements (semantic roles), as well as on ideas of Lexical semantics and the Sense – To - Text model by Yu. Апресян and I. Melchuk.

The system of semantic tags is hierarchical: its elements enter the relations of inclusion, overlapping, integration as well as “argument – function” relation. We show some examples of tasks for which a semantically tagged corpus could be used. The main one is disambiguation of lexical and grammatical homonymy. The paper demonstrates several examples of semi-automatic disambiguation of homonymy: disambiguation of homonymic verbs using semantic characteristics of their arguments (actants); disambiguation of homonymic names using their cooccurrences; and disambiguation of grammatical homonymy by means of agreement of subjects and predicate s in number.

The work follows the framework of the RAS corporate project in regards to the development of corpora for languages of the Russian Federation, including Turkic minority languages.

Key words: corpus of a language, semantic tagging, etymologic tagging, inventory of semantic tags, frame semantics, lexical homonymy, grammatical homonymy, disambiguation of homonymy

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О ДВУХ НОВЫХ СПИСКАХ СОЧИНЕНИЯ КАДЫР АЛИ-БЕКА

Р. Алимов, г. Мардин (Турция)

Резюме. В ходе исследовательской работы по выявлению неизученных прежде рукописей на чагатайском языке нами были обнаружены два новых списка сочинения Кадыр Али-бека. Оба они, как и ныне известные, дефектны. обстоятельное знакомство с данными копиями заставляет считать их не просто неполными, а фрагментарными. Они хранятся в отделе тюркских рукописей Британской библиотеки в Лондоне, и восходят, видимо, к списку, аналогичному Санкт-Петербуржскому.

Ключевые слова. Золотая Орда, чагатайский язык, исторические памятники, Джамии ат-Таварих, Кадыр Али-бек

Сочинение Кадыр Али-бек бин Хошум-бек Джалаира, более известное под условным названием «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей»), является одним из важных источников по истории периода распада Золотой Орды и пост-ордынских государств. «Джами ат-Таварих» не менее ценен и как памятник, имеющий большое значение в истории письменных традиций Средней Азии и Поволжья. Большую часть сочинения составляет перевод отдельных разделов одноименного трактата известного средневекового автора Рашид ад-Дина. Сочинение также содержит вышедшую из-под пера самого автора оригинальную часть, повествующую о поздних правителях Золотой Орды и государств-преемников. Панегирик в честь царя Бориса Годунова в предисловии, где, в отличие от переводных частей, отчетливо и ярко представлены способности автора как литератора, также написан самим Кадыр Али-беком.

Среди исследователей довольно широко распространено убеждение, что работа Кадыр Али-бека является сокращенным переводом или пересказом вышеназванного исторического труда, однако сопоставительный анализ текстов обоих источников показал, что произведение тюркского автора состоит главным образом из подборки переводов начальных параграфов глав книги Рашид ад-Дина, где приводятся сведения о родовом древе, семье, детях и потомках того или иного исторического лица. Но справедливости ради стоит отметить и то, что в начальных главах автор местами все же предпочитает сокращенный пересказ оригинала.

Произведение Кадыр Али-бека до настоящего времени было известно в двух списках и одном фрагменте. Археографические данные, палеографические приметы и языковые особенности этих списков подробно представлены в работах таких исследователей, как А. Рахим, М. Усманов, Р. Сыздыкова, М.Х. Абусейтова и др., поэтому мы остановимся только на наиболее важных особенностях данных копий, а также некоторых деталях, упущенных, на наш взгляд, исследователями. Первый список рукописи известен как Санкт-Петербургский или Хальфинский, в честь И. Хальфина, профессора Императорского Казанского университета, которому принадлежала рукопись до ее введения в научный оборот. Рукопись ныне хранится в библиотеке Востфака Санкт-Петербургского университета под инв. номером М₅О-59 [ВФСР]. Текст факсимильно издан Н. Березиным в 1854 г., во втором томе серии «Библиотека восточных историков» (Рис. 1). Данное издание воспроизводит только основной текст сочинения, тогда как на полях многих страниц самой рукописи имеются приписки, относящиеся к тексту другого средневекового сочинения, точнее – «Родословной тюрков» Абуль-гази Бахадур-хана. Следует отметить, что И.Н. Березин собирался издать их отдельной публикацией в третьем томе своей серии, но так и не смог осуществить свое намерение; см.: [Березин 1954: VII].

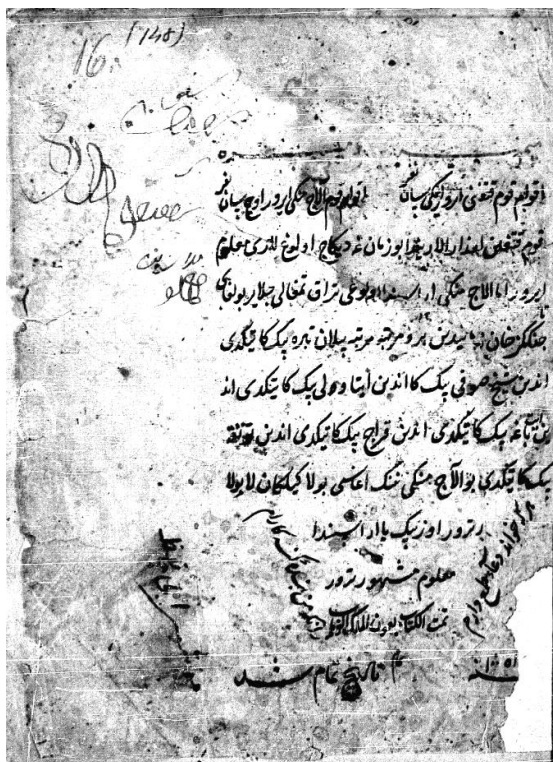

Рис. 1. Санкт-Петербургский список (фрагмент)

В издании И.Н. Березина также не даны завершающие строки последней страницы. Они не упомянуты и в работах и других исследователей творчества Кадыр Али-бека. Колофон с датировкой Санкт-Петербургской рукописи состоит из следующих строк:

Оригинал	Транскрипция
الوهاب المالک بعون الکتاب تمت شد تمام تاریخی تمام ۱۰۵۱ سنه دارم طمع دعا خواند که هر کارام کنه بنده من انکه زی	tāmmāt аль-китаб би-ъавн аль-мāлик аль-ваххāб sānā-и 1051. тамām. tāрихи тамām шод хār ки хāнад дуъа тамаъ дārām зи āнки мāн бāндā-и гунахкārām

Перевод: ‘Книга закончена с помощью властителя (всего сущего) и дарующего. Год 1051. Конец. Его история закончена, завершена. Я жду благословения от каждого, кто прочтет (ее), так как я грешник’.

Завершающие строки подобного содержания часто встречаются в рукописях, написанных на чагатайском языке. Внизу конечной страницы, на ее крайней правой стороне тем же почерком начертано имя: *علي شير ابي حافظ* (Али Шир Аби Хафиз). Несмотря на то, что в тексте нет дополнительных подтверждений, мы склонны думать, что это имя переписчика данного списка, а не его владельца.

Другой список находился у известного в свое время татарского муллы и просветителя Г. Галеева-Барудий, который подарил его вместе с другими имеющимися у него арабографическими рукописями Казанской библиотеке Восточных книг. Данный список, называемый казанским, хранится теперь в Восточном секторе отдела рукописей и редких книг библиотеки Казанского университета под инв. номером Т-40 [КБВК].

Дата составления первого списка 1051 г. по хиджре (соответствует 1641 г. григорианского календаря). Работа переписчика сборника-меджмуа, куда был включен второй список рукописи, была завершена в год свиньи, пятого рамадана, во вторник 1144 г. (4 марта 1732 г.): *...tārīh Toñuz yilī 1144 sene bolğanda {māh-i} Ramažān ayiniñ beş yañisi Sešenbih kün tüş vaqtında uşbu kitābñi yazıp tamām boldi. Erteñki namāz oqup olturdım tā öyle namāzınča tā zāhir namāzın qılıp olturdım, namāz-i digerinçe bu hañni yazdım. Qış ėrdi, qalemim qamiş ėrdi*’. Второй список “моложе” его на 91 год. На это указывает не только вышеприведенный колофон переписчика, но и отдельные датирующие приметы лингвистического материала рукописи.

Благодаря статье Али Рахима (Абдрахимов Али Шакирович – *РА*) стало известно об еще одном, ныне утраченном, списке сочинения Кадыр Али-бека. Данный образец представлен, к сожалению, только одним листом. Судя по орфографии отдельных слов и собственных имен, список был создан раньше казанской копии. Данный лист, содержащий фрагмент о жизни хана Хаджи Гирея, был замечен А. Рахимом в одном восточном сборнике, который был найден в татарском селении Кышкары.

Ни один из известных списков сочинения не является полным. Все они имеют различные дефекты: в каждом из них есть утерянные листы, некоторые страницы перепутаны при переплете, существуют повреждения в страницах, что затрудняет чтение отдельных мест. Однако с уверенностью можно сказать, что недостающие листы и лакуны одного из списков удачно восполняются текстом другого.

Несмотря на то, что последний состоит только из одного листа, наличие трех копий рукописи говорит в пользу того, что работа Кадыр Али-бека в свое время была если не популярной, то, по крайней мере, растространенной среди мусульманского населения Поволжья.

Данное мнение подтверждают также два новых списка рукописи, которые не были еще введены в научный оборот. В ходе исследовательской работы по

выявлению не изученных прежде рукописей на чагатайском языке нами были обнаружены два новых списка сочинения Кадыр Али-бека. Оба они, как и предыдущие, дефектны. обстоятельное знакомство с данными копиями заставляет нас считать их не просто неполными, а фрагментарными. Они хранятся в отделе тюркских рукописей Британской библиотеки в Лондоне.

Еще одна восточная рукопись в каталогах европейских библиотек зарегистрирована как относящаяся к сочинениям нашего автора. Так, Эдгар Блоше, составитель каталога восточных рукописей, хранящихся в Национальной библиотеке Франции, приписывает Кадыр Али-беку авторство одной рукописи, написанной на «татаро-ногайском» языке и находящейся в вышеупомянутой библиотеке. Но текстологические наблюдения и детальное изучение содержания рукописи показали, что она на самом деле принадлежит перу другого средневекового тюркского автора [Blochet 1931].

1. Первый лондонский список (Рис. 2).

До сегодняшнего дня сей список рукописи Кадыр Али-бека, как мы уже говорили, был лишен внимания исследователей, несмотря на то, что он был описан в Каталоге тюркских рукописей Британского музея, составленном Чарльзом Рье [Rieu 1888]. Данные о рукописи содержатся в разделе «Additional» под номером 11, 726. По настоящее время он хранится в Лондоне, в Британской библиотеке под инв. номером “Department: O. V.P., Catalogue: Add(itional) 11 726, Order: PS2/3706. Author: - Title Excerpta Ex Jamia-Al-Tawarih” [ЛС 1].

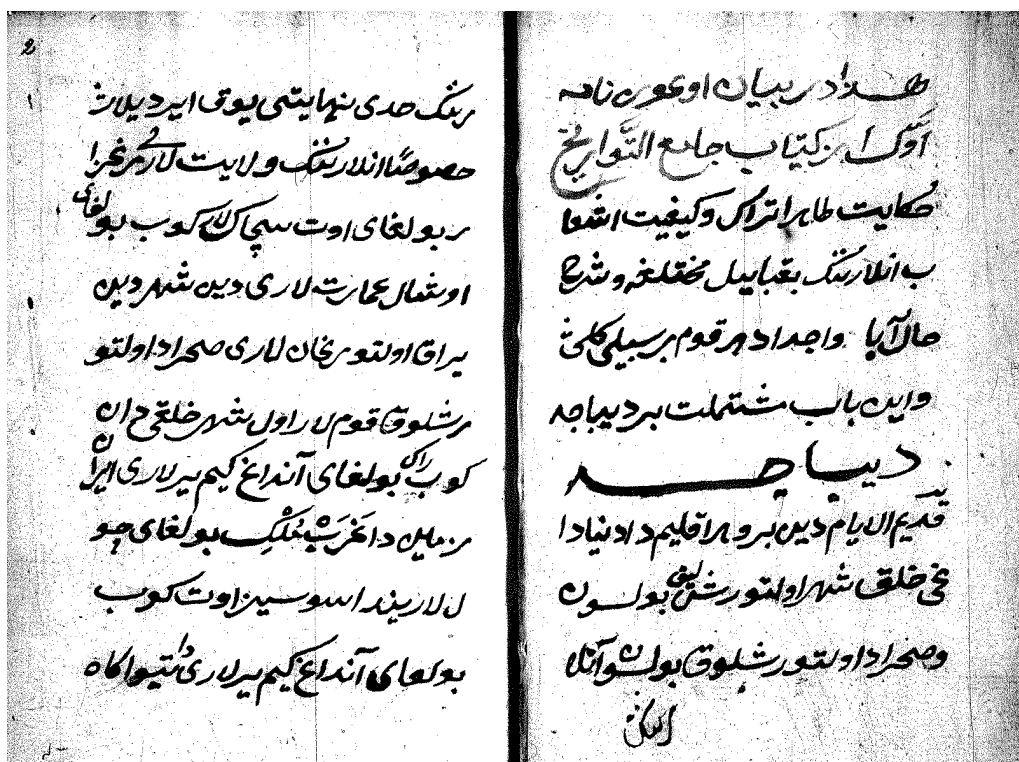

Рис. 2. Первый лондонский список (фрагмент)

Рукопись имеет обложку из кожи с тиснеными узорами на поверхности. Текст нанесен на качественную разлинованную бумагу голубого цвета неболь-

шого формата (176x114x15 мм). Бумага с филигранью, европейская, относится к первой половине XIX в. На последней странице рукописи записано имя E. Henderson. На предыдущей странице имеется другая запись – «Purchased of Rodd, 9 May 1840». Очевидно, данный список был завершён не позднее первой половины XIX века. Текст переписан не очень изящным «таликом», но почерк переписчика довольно аккуратный и разборчивый. На каждой странице по десять строк, расположенных на приблизительно равном расстоянии друг от друга. Внимания и усердия переписчика, прослеживаемого в тексте Санкт-Петербургского списка, в этой копии не наблюдается. Поэтому можно полагать, что она была воспроизведена для личных нужд.

В рукописи 51 лист, она состоит из трёх разных сочинений, переплетённых в один сборник. Из них страницы 1b–26a носят название «Хазā дер-бейāн Огуз-нāме аввал аз-китāб-и джāми ат-тавāрих» и принадлежат сочинению Кадир Али-бека.

Текст страниц 26a–29a является органичным продолжением первой части сборника, но его содержание отличается от текстов соответствующих частей других списков. Почерк писца не отличается от характера письма начальных страниц, поэтому можно с уверенностью предположить, что первые две части сочинения принадлежат перу одного и того же автора.

Страницы 30b–43a сборника являются фрагментом произведения «Джихан-наме» неизвестного автора и носит заглавие «Хазā кысса-и Огуз-нāме», «Джихāн-нāме китāбында накл кыладур. Данный фрагмент заканчивается нарративом о завоевании русскими Казани. Текст на османском языке, встречаются небольшие вкрапления, присущие татарскому языку. Страницы 44b–51b сборника носят заголовок «Хазā ми'рāдж аль-наби ъалайхи ас-салавāt ва ас-салām». Здесь в начальной части содержится ода-касыда, остальная часть состоит из «Мираджнаме» (вознесение пророка Мухаммеда), эпической поэмы на османском языке. Страницы 29b–30a, 43b–44a сборника пустые.

В рукописи не приведены сведения ни об авторах текстов, ни переписчиках. Однако в аннотации к рукописи имя Кадыр Али-бека упоминается в качестве её автора. Там же Ч. Рёе упоминает сходство текста описываемой рукописи с текстом факсимильного издания И.Н. Березина. Отсюда становится понятно, что Ч. Рёе не только знал о существовании Санкт-Петербургского списка сочинения Кадыр Али-бека, но и имел возможность его тщательно изучить. Если принять во внимание тот факт, что имя Кадыр Али-бека не упомянуто в колофоне Санкт-Петербургского списка и поэтому в издании И.Н. Березина составитель обозначен только как «джалаирец из рода гребне-тамгового», то прямое и точное указание автора сочинения со стороны Ч. Рёе вызывает особый интерес. Исследователь утверждает, что работа над настоящей рукописью была завершена в 1005 г. по хиджре (1597–1598 г. по григорианскому календарю), а местом написания был город (Хан)-Кирмен (ныне – г. Касимов). Однако маловероятно, что вышеприведённое число отражает дату завершения книги, так как Борис Годунов, кому и был посвящён труд и в честь кого была написана хвалебная речь в предисловии, стал царём в 1598 г., а Ораз Мухаммед, чьё назначение как главы Касимовского ханства детально описывается в конце сочинения, воссел на трон лишь в 1600 г. С другой стороны, 1005 г. по хиджре может расцениваться также как время, когда автор приступил к написанию своего произведения. Можно предположить, что сведения, приводимые Ч. Рёе в своём каталоге, основаны на не дошедших до нашего времени, но существовавших на тот период достовер-

ных документах, подтверждающих авторство и, может быть, дату завершения сочинения.

Как мы уже говорили, список неполный, точнее фрагментарный. Текст страниц 1b-26a рукописи в первых двух списках представлен в главе فصل باچمید (Предисловие), которая соответствует страницам 9a-12б Санкт-Петербургского и 3a-8б (до строки б) Казанского списков.

В страницах 26a/3–29a повествуется о завоевании Огуз-ханом Китая, Тибета, а затем Самарканда и Бухары, о его приходе в Иран, а также племени Кыят. Данный фрагмент относится к «Родословной тюрков» Абуль-Гази Бахадур-хана. В Санкт-Петербургском списке подобный текст приводится на полях листа 10a-б. Очевидно, автор настоящего списка включил в основной текст своей работы указанные приписки. Не вызывает сомнений и то, что оригиналом для данной копии являлся Санкт-Петербургский список, тем более что тексты этой части в обоих экземплярах совпадают полностью, если не брать во внимание незначительные языковые правки переписчика Лондонского фрагмента.

2. Второй лондонский список (Рис. 3).

В Британской библиотеке под инв. номером Add(itional) 11, 725 хранится другая арабографическая рукопись на тюркском языке, содержащая фрагмент сочинения Кадыр Али-бека [ЛС 2].

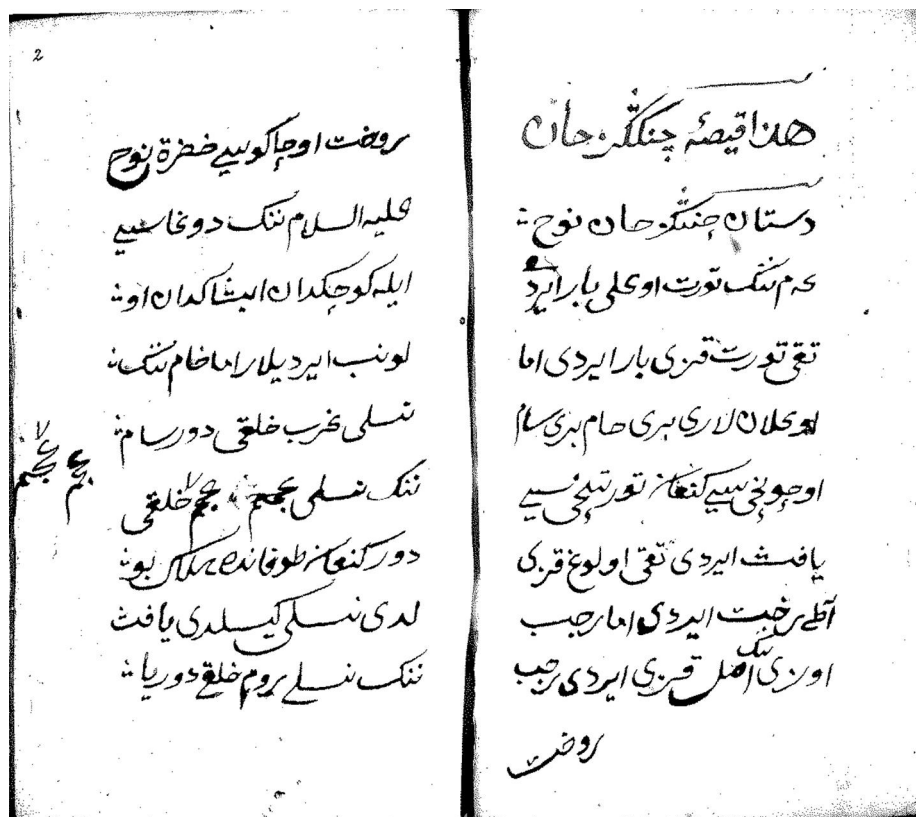

Рис. 3. Первые страницы второго лондонского списка

Обложка рукописи из кожи с тиснеными узорами на поверхности. Рукопись имеет те же размеры, что и рукопись, о которой мы говорили выше, т.е. 176x114x31 мм. Бумага европейская голубого цвета, с филигранью. Относится к

первой половине XIX в. На последней странице рукописи имеется такая же запись с датой в виде «Purchased of Rodd 9 May 1840». Схожесть использованной бумаги, ее размеров, почерков письма и записей на конечных страницах каждого из них, заставляют думать, что эти две рукописи являются дополняющими друг друга сборниками, с одной и той же датой, принадлежащими перу одного и того же переписчика.

Текст написан почерком *талик*, почерк переписчика разборчивый. На каждой странице имеется по девять расположенных на равном расстоянии друг от друга строк. Названия глав и собственные имена обозначены красными чернилами. Этот текст во всех отношениях (почерк, орфография, языковые приметы) очень схож с текстом предыдущего фрагментарного списка. Поэтому существует весьма большая вероятность того, что они являются частями одного списка. Против этого допущения говорит то обстоятельство, что количество строк отличается: в одном списке их по десять на каждой странице, в другом – на одну меньше. В худшем случае это означает, что они были переписаны одним и тем же переписчиком если не разом, то через определенное время.

В данной рукописи 134 листов, в один сборник переплетены три разных сочинения. Из них страницы 1b–70a носят название «Хазā кысса-и Чингиз хāн». Они являются частью известного сочинения под названием «Ахвāl-и Чингизхан ва аксак Темир», типографическая версия которого была отпечатана И. Хальфиным еще в 1819 году. Страницы 70b–76a содержат отрывок из «Родословной тюрков» Абуль-гази Бахадур-хана. Фрагмент начинается фразой: *Dahī Šejere-i Türkī Hūvārezmīde mušannef, Abū al-ġāzī Bahādūr hān ušandaq naql qīladur* (Еще в (книге) Родословная тюрков (хана) Хорезмийского написано. Абуль-гази Бахадур Хан так рассказывает). Третья, последняя часть сборника, включающая страницы 76a–134a, состоит из сочинения Кадыр Али-бека. Фрагмент включает в себе сведения о жизни Чингиз-хана, его предках, женах, сыновьях и дочерях. Текст, расположенный в страницах 76a–121a, за исключением небольших различий языкового характера, в целом тождественен текстам других экземпляров. Текст же следующей страницы вплоть до пятой строки страницы 122b взята из «Родословной тюрков» Абуль-гази Бахадур-хана. Как и переписчик предыдущего списка, автор данного экземпляра также включил в основной текст маргиналии на полях Санкт-Петербургского списка. Последующие строки вплоть до страницы 124b содержат вставной текст, по-видимому, от переписчика о завоевании Чингиз-ханом Бухары и его диалог с бухарскими муллами об условиях исламской веры. Данный эпизод не встречается в двух основных списках, поэтому не может принадлежать автору сочинения. Приведенная в тексте интерполяция – это своего рода рассказ, целью которого, как нам кажется, является легитимация власти Чингиз-хана и его потомков в глазах мусульман. Содержание текста вымышленное, противоречит историческим данным, поэтому мы решили представить его здесь полностью: [122b].

⁵Čeᅅgiz hān kišveristān-i Buᅅārā ᅅalqīna ⁶kiši yiberip aytdi-kim maᅅa bir dānišmend ⁷molla kiši yiberünler, andin bir neče söz-⁸ler suray turur <men> tēp. Buᅅārā ᅅālqī Qāzi Ešref tēgen birlen yana bir [123a] ¹vā‘izni yiberdiler. Čeᅅgiz hān alar-²din sordī-kim sizler nečük müslümān-³sizlar tēp. Alar ayttılar kim müslümānlar ⁴Hūdāyniᅅ bendesi tururlar. Hūdāy bir ⁵surur ve nē meᅅel, nē mānend turur. ⁶Čeᅅgiz hān ayttī: Men hem Taᅅrini⁷ bir bilürmin. Ve taᅅi ayttılar peyġamber Taᅅri-⁸nüᅅ elčisi turur. Taᅅri ta‘ālā özi ⁹emrni ve nehyni bendelerige aytmaq üçün [123b] ¹yiberip

turur. Çeңgiz hān hem bu sözge 2qā'il boldu. Andin soñ her künde beş 3vaqt namāz oqur Tañrıǵa bendelik 4qılırmız tédiler. Anı hem yaǵşı kördi. 5Andin soñ on bir ay ašnı her vaqt 6h'ālasağ yiyermiz. Āmmā bir ay kündüz 7aš yimesmiz, āmmā keçe yiyermiz tédiler. 8Munı hem hōš kördi. Andin soñ 6Hüdāyniñ Mekke atlıǵ evi bolur. Eger [124a] 1quvvetimiz yetse aña barurmız tédiler. 2Çeңgiz hān aña qāil bolmadı. Aytdı-kim 3tamām-i 'ālem Hüdāyniñ yurtı turur. 4Bir yerni taǵşış qılıp barmaq nē turur 5tēdi. Andin soñ alarǵa ruǵşat 6bērdi ve Buǵārāniñ ahāli ve mevālisi 7hāndin tarǵan yarlıǵı tilediler. Hān hem 'ināyet yüzündin ol ǵalqǵa tarǵan yarlıǵı bērdi. Buǵārādın köçüp [124b] 1Semerkand tapa bardı ve Semerkandnı aldı”.

“Чингиз-хан послал человека к народу провинции Бухары и приказал (через него) прислать одного ученого муллу, так как у него имелось несколько вопросов, которые он хотел (ему) задать. Народ Бухары прислал кади Эшрефа, вместе с ним и одного проповедника. Чингиз-хан спросил у них: “Мусульмане, какие вы? Они ответили, что мусульмане – это рабы Божьи. А Бог один, он несравненен и бесподобен. Чингиз-хан сказал: Я тоже знаю Бога как единого. Они еще сказали что, пророк – это посланник Бога”. Всевышний Бог повеления и запреты свои посылает своим рабам через него. Чингиз-хан одобрил эти слова. После они сказали, что они поклоняются Богу, молясь пять раз в день. Он счел хорошими и эти слова. Потом они сказали, что одиннадцать месяцев кушают еду когда хотят, но один месяц (в году) днем не кушают, кушают ночью. И это ему понравилось. Потом они сказали, что у Бога есть дом, называемый Меккой, если сил хватает, то мы едем туда. Чингиз-хан не признал это. Он сказал: Дом Бога – весь мир. Что это значит, назначить (для молитвы) одно место и (ради этого) идти туда. Потом он дал им разрешение (уйти). Народ и повелители Бухары пожелали от хана тарханного ярлыка. (Чингиз-)хан из-за милости дал этому народу тарханный ярлык. Он откочевал из Бухары в направление Самарканда и взял Самарканд.”

Конец текста данного списка на странице 134а. Он соответствует концу 14-й строки страницы 36б казанского и 5-й строки страницы 89б Санкт-Петербургского списка и заканчивается фразой: Özi leşkeri bilen Nikyas tapa yüzlendi ‘Он направился со своей армией в сторону Никяса.’

Наличие приписок Санкт-Петербургского списка в основном тексте рассматриваемой копии, а также сходство текстов обоих списков позволяет нам с уверенностью считать, что и второй лондонский список переписан с вышеназванного списка.

В коллекции тюркских рукописей Национальной Библиотеки Франции в Париже под инв. номером Suppl. Turc 758, R. 24965 хранится еще одна рукопись под названием «Терджеме-и Тюрки Джами-и Рашиди» [НБФ]. Оригинал рукописи датируется 1005 г. хиджры (1597), а сам список – 1258 г. х. (1842). Размеры бумаги 355X230 мм, в основной части текста по тридцать строк на каждой странице. Состоит из 276 листов. Выполнен письмом *насх*. В каталоге Э. Блоше автором рукописи указан Кадыр Али-бек. Однако после тщательного ознакомления с текстом рукописи нами было выявлено, что данный список есть копия сочинения другого средневекового тюркского историка – Салар-бабы Кул-Али Харидари, а не Кадыр Али-бека. Другая копия сочинения Салыр-бабы Кул-Али Харидари, основная часть которого также является переводом труда Рашид ад-Дина хранится в Национальном институте рукописей Академии наук Туркменистана, под инв. номером 5263. Непонятно, на чем основывался Э. Блоше, когда указал автором

сочинения Кадыр Али-бека; тем более, тексты работ Кадыр Али-бека и Салар-баба не совпадают вообще.

Таким образом, можно сделать вывод, что два фрагментарных списка из Лондона могут быть разрозненными частями единой когда-то рукописи. Не вызывает сомнений, что архетипом как для данных списков, как и для несуществующего списка, фрагмент которого был найден в деревне Кышкары, послужил список сочинения Кадыр Али-бека, хранящийся ныне в Санкт-Петербурге.

ЛИТЕРАТУРА

Березин 1854 – Березин И.Н. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным, профессором Казанского университета. Том II. Часть 1. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. – Казань: Типография губернского управления, 1854 – VII, [83] с.

ВФСИБ – Рукопись сочинения Кадыр Али-бека, инв. номер М₅О-59, Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского Университета.

КБВК – Рукопись сочинения Кадыр Али-бека, инв. номер Т-40, Восточный сектор отдела рукописей и редких книг библиотеки Казанского университета.

ЛС 2 – Рукопись, инв. номер 11, 725, Британская библиотека.

ЛС 1 – Рукопись, инв. номер 11, 726, Британская библиотека.

НБФ – Рукопись, инв. номер Suppl. Turc 758, R. 24965, Национальная Библиотека Франции.

Blochet 1931 – Blochet E. *Bibliothèque Nationale. Catalogue des Manuscrits Turc.* Tom II, Supplement 578-1619. – Paris: Bibliothèque Nationale, 1931. – 314 p.

Rieu 1888 – Rieu Ch. *Catalogue of the Turkish Manuscripts, 1820-1902.* – London: British Museum. Department of Oriental Printed Books and Manuscripts, 1888. – 345 p.

Alimov Rysbek. Two newly discovered copies of works of Kadir Ali Bek

Summary. In the course of work aimed at discovery of non-studied Chagatai texts, we have found two earlier unknown copies of works of Kadir Ali Bek. Both of them are not fully preserved, similar to all previously known texts. Our research on these manuscripts showed that they are also fragmentary. These texts are kept in the Department of Turkic manuscripts of the British Library in London. They might go back to a copy that resembles the Saint-Petersburg one.

Key words: The Golden Horde, Chagatay language, historic manuscripts, „Jāmi‘ al-Tawarikh“, Kadir Ali Bek

ШЕЙХ ХУДАЙДОДА ВАЛИ И ЕГО ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Кандахар А.Х., г. Навои (Узбекистан)

Резюме: Статья посвящена характеристике духовного наследия крупнейшего представителя исламского религиозного течения мистицизма религиозно-суфийской школы Ахмеда Яссави. Рассматривается его воздействие на социально-политическую, духовную жизнь страны в периоды правления Мирзо Бабура, Мухаммада Шейбанихана и Убайдуллахана. Исследуется труд ученика Шейха Худайдод Вали Мавлоно Сайида «Манакиби Шайх Худайдод Вали» (Жизнь и деятельность Шейха Худайдод Вали), написанный со слов самого Шейха Худайдод Вали.

Ключевые слова: суфизм, Кермине, шейх, манакиб, духовное наследие, агиографические источники

Крупнейший представитель исламского религиозного течения мистицизма религиозно-суфийской школы Ахмеда Яссави Шейх Худайдод Вали родился в 1461 г., получил начальное образование в Кермине, затем обучался в медресе Гиждувана, Самарканда, Бухары; в результате он достигает самых высоких вершин в изучении течений исламского мистицизма, получает сан духовного наставника. Последние годы жизни Великого шейха Худайдод Вали прошли в окрестностях Самарканда, в 1532 г. он скончался в местности Газира (Жамбайского тумана), где и был похоронен. Сегодня эта местность облагорожена и превращена в место паломничества.

Великий шейх Худайдод Вали имел заметное влияние на социально-политическую и духовную жизнь Бухары XVI в. В исторических источниках говорится о его влиянии на тимурида Мухаммада Бабура, Мухаммада Шейбанихана и Убайдуллахана, которые избрали его своим духовным наставником и советовались с ним по различным политическим вопросам. В частности, о событиях 1512 г. в произведении Шейха Азизона «Ламахот» говорится следующее: «Потомок Амира Темура Курагана Бабур Мирзо с помощью шиитов Ирана занял престол Самарканда. С целью вернуть престол Убайдуллахан с войском из степей кыпчакских направляется в Мавераннахр. Получив весть об этом, Бабур Мирзо отправляет одного из своих эмиров к Великому Шейху Худайдоду Вали с просьбой, чтобы он благословил и выступил на его стороне в качестве духовного наставника». Тогда Шейх Худайдод и его последователи ответят, «кто более последовательный мусульманин, пусть тот и будет падишахом». Мирзо Бабур признав свои ошибки, совершенные им по сложившимся обстоятельствам, признает, что «Убайдуллахан более нас мусульманин», и откажется от престола Мавераннахра [Ламахот

2007]. Духовному лидеру, проповедующему суннизм Шейху Худайдоду Вали не нравилось, что Мирзо Бобур с помощью шиитов занял престол Мавераннахра.

Жизнедеятельность и духовные взгляды Шейха широко освещаются в труде «Манакиб». Произведение «Манакиб Шейха Худайдод Вали» было написано при жизни самого Шейха его учеником и последователем Мавлоно Сайидом в XVI в. Подлинник рукописи произведения не сохранился, но переписанный в 1331 г. хиджры (1910 г. по христианскому летоисчислению) по традиционному методу секретарем Мухаммадом Ашур Нурмухаммадом вариант рукописи хранится в личной библиотеке доктора технических наук, профессора Самаркандского государственного архитектурно-строительного института С. Раззакова, являющегося потомком Шейха Худайдод Вали.

Произведение состоит из 247 листов, на каждом листе расположено по 15 строк текста. Текст написан черными чернилами на желтовато-светлой самаркандской бумаге. Отдельные страницы пожелтели. Выделенные в тексте слова и выражения написаны красными чернилами. Отдельные страницы имеют поля, куда вписаны рубаи. На последней странице произведения имеется следующая запись: «(данное произведение) переписано Мухаммадом Ашур ибн Нурмухаммадом в 1331 году хиджры». Произведение написано в присутствии агиографическим источником жанре, когда события излагаются от имени Шейха и одновременно оговаривается, толкуются – «им было приказано» или «они сказали».

В целом произведение написано на персидском языке, но в нем встречаются тюркские и арабские изречения. В тексте под заголовками саъж, бейт, хикмат, газель, накл, хикоят размещены художественные творения Шейха Худайдод Вали, написанные им на тюркском и персидском языках. Центральный образ стихотворений – влюбленный, воспевающий свою любовь к Аллаху. Например:

Эй, твоя любовь заставила меня остро нуждаться в ней,

И отречься меня от всех, и надоедать всем.

Эй, я в твоём недуге, возможно, останусь навсегда,

Ведь это прелесть счастья меня сделала своим рабом [Шайх 2001: 8].

Сведений о том, что поэтическое наследие Шейха Худайдод Вали было приведено в форму отдельного сборника нет, но его стихи были включены в состав «Манакиба». Встречающиеся в этом источнике стихи написаны на тюркском и персидском языках и свидетельствуют о том, что Шейх свободно владел обоими языками. Поэт и писатель Фитрат в своих исследованиях также говорит о том, что Шейх Худайдод Вали был двуязычным: «Шейх Худайдод Вали являлся поэтом просветителем и пользовался псевдонимом Худайдод. Писал стихи и афоризмы на персидском и тюркском языках» [Фитрат 2000: 36]. В основном его стихи представлены газелями, но в его наследии можно встретить туюги и рубаи.

В «Манакиба» отношение Шейха Худайдод Вали к поэтическому искусству объясняется следующим образом: «Я в свои двадцать три года от роду благословил Хазрата Азизона Джалалиддина и, направив его на путь истинный, стал увлекаться поэзией, к которой ранее не имел особого интереса. Вот уже на протяжении пятидесяти лет занимаюсь сочинительством и

желаю, чтобы те, кто прочитают мои сочинения и стихи, имели возможность получить для себя что-либо полезное» [Шайх 20011: 12].

Также в этом труде, где приводятся сведения о детстве и юности Шейха Худайдода Вали, которые прошли в Кармине, о годах его учебы в медресе Бухары и Гиждувана с его собственных слов приводятся следующие факты: «В годы моей учебы в Гиждуване на протяжении трех лет носил один тулуп. Ни штанов не было, ни чапана не было, не имел даже возможности найти ворот рубахи, чтобы нацепить себе на шею, чтобы не подумали, что я без рубахи. Свое бедственное положение приходилось скрывать от всех, но занятия не пропускал» [Шайх 20011: 15]. Это свидетельствуют о том, что Шейх Худайдод Вали даже в бедственном положении не терял интереса к занятиям и продолжал свое обучение.

Он прекрасно знал бедственное положение простого народа и проявлял инициативу в улучшении его духовного и культурного положения. Например: «он говорил, если начнем осваивать пустынные земли и облагораживать их, выращенные там дыни захочет испробовать каждый, и решившись следовать Худованду, надо заниматься крестьянством. Крестьянство выручит нас» [Шайх 20011: 29]. Упоминаемые в этом источнике земли сегодня превращены в цветники, и нет сомнений в том, что это земли вокруг Кармине.

Целью земледелия было полученный урожай распределить между нуждающимися людьми, а на прибыль создать фонды, которые использовались бы для выдачи различных пособий прихожанам мечети. Говорится: «Иногда думаю, посеять пшеницу вместе с бахчевыми, урожай пшеницы собрать в одно место и самому встать на какую-нибудь возвышенность, позвать свой народ и не упуская никого из виду распределить ее между ними и любоваться их счастьем» [Шайх 20011:].

Шейх Худайдод Вали очень заботился о благополучии народа и благоустройстве страны, созвав к себе своих учеников, занимался уборкой территорий, очищением и углублением арыков, и в те еще далекие времена занимался экологическим воспитанием народа. Заслуживает внимание следующее: «Он говорил, приказал я Хазрату Эшону очистить хлопковые поля от сорняков и других бесполезных растений, но ни в коем случае не сжигать их, а собрать в одно место и закопать все. В сторону берега прорыть арык, очистить улицы от сорных трав и навоза» [Шайх 20011: 106]. При анализе вышесказанного можно выявить следующие два социальных процесса того времени.

Во-первых, трудовое население нашего края и в то далекое время занималась выращиванием хлопчатника, и представители просвещения не оставались в стороне и принимали активное участие в этом.

Во-вторых, важнейшая проблема, волнующая человечество и в наши дни – экология, сохранение окружающей среды в деятельности Шейха Худайдода Вали занимала важнейшее место.

Подобных примеров из вышеуказанного труда можно привести много. Особенно важное место в деятельности Шейха Худайдода Вали занимает оказание помощи нуждающимся: «в некоторые времена, когда мы были в Карманийском вилояте, один из друзей задолжал, и его долг возрос до тысячи танге, и он был не в состоянии расплатиться с долгом. И я не увидел друга, который мог бы помочь ему. Тогда я нашел людей, у которых он задолжал, оценил все свои вещи, казан, кувшин для омовения, вещи своей жены и детей, оценил их и вырученные деньги раздал кредиторам, и выручил своего товарища» [Шайх 2011: 26].

В местах, где проживал Шейх Худайдод Вали он настрого приказал организовать первоочередную выдачу пособий, продуктов питания голодным, нуждающимся женщинам и детям, инвалидам. Боролся с мошенничеством и воровством. «Приказываю, чтобы к нам не являлись люди, занимающиеся надувательством, т.е. мошенничеством, воровством и вообще противоправными делами», не оказывал никакой помощи провинившимся. Но наказание было временным, и когда люди становились на путь праведный, наказания с них снимались.

В труде говорится: «В присутствии Шейха Худайдод Вали были люди различных национальностей: и азербайджанцы, и турки, и персы, и арабы, и все имели равные права и относились друг к другу очень уважительно» [Шайх 20011: 80].

Шейх Худайдод Вали объяснял своим мюридам, что «ученость является сплавом практики и науки». Поэтому он лично сам проводил и теоретические и практические занятия, постоянно контролировал знания учеников. В частности, в источнике приводится пример беседы учителя и ученика, где говорится следующее: «Чему обучает логика? ... Логика это оружие, средство, защищающее память от ложных мыслей» [Шайх 2011: 72].

Также Шейх учил своих учеников быть всегда среди народа, среди друзей – в отрыве от народа человек становится уязвимым, слабым. Говорят: человек вне общества никогда не достигнет совершенства [Шайх 2011: 38].

Еще один пример приводит Мухаммад Олим Шейх Азизон в своем труде «Ламахот»: «Великий Шейх Худайдод, проходя мимо медресе Улугбека в Самарканде, залюбовался учащимися, ведущими горячий спор по астрономии, и во всей внешности ученого проявлялось огромное уважение к ученикам» [Абдухамидов 2007: 86].

Из вышеприведенных примеров следует, что Шейх Худайдод Вали при любых обстоятельствах считал своим долгом помогать голодным, нуждающимся женщинам и детям, инвалидам, что в глазах простого народа выражалось огромное к нему уважение. Правители пользовались этим в достижении своих политических целей и, назвав Шейха Худайдод Вали своим пиром, использовали его авторитет. Это свидетельствует о том, что в XV–XVI вв. Шейхом Худайдодом Вали были привнесены некоторые новые тенденции в основные идеи религиозно-суфийской школы Ахмеда Яссави.

Всестороннее изучение духовного наследия Шейха Худайдод Вали является важнейшей задачей ученых историков.

Литература

Абдухамидов А. Хазрат Шайх Худайдод Вали манокибининг таржимаси хакида / Шайх Худайдод Вали ижодининг маънавий-маърифий кадрятлари юксалтиришдаги урн ива ахамияти. – Самарканд, 2006.

Ламахот 2007 – *Мухаммад Олим Шайх Азизон*. Ламахот. Яссавия тариқати пирлари мақомоти / Форсчадан К.Каттаев ва А.Нарзуллаевлар таржимаси. – Самарканд. 2007. – Б. 158.

Фитрат Абдурауф. Танланган асарлар. II-жилд. Илмий асарлар. – Т.: Маънавият, 2000.

Шайх 2011 – *Хазрати Азизон Шайх Худайдод Вали* Мақомотлари ёки Мақомот / Форсчадан Муталлиб Ҳазратқулов таржимаси. – Т.: Мовароуннахр, 2011.

Kandahar Anvar Hasanovich. Sheikh Hudoydoda Valle and Spiritual Heritage

Summary. The article investigates the spiritual heritage of the greatest representative of the Islamic religious movement mysticism, religious and Sufi schools Ahmed Yassaviy. Thoroughly discusses the issues of its impact on the socio-political and spiritual life of the country during the reign of Mirzo Bobur, Muhammad Sheybanihana and Ubaydullahana. We investigate labor student Hudoydoda Wali Sheikh Sayyid Mavlon "Manokibi Hudoydod Shaikh Wali" (The life and work of Sheikh Wali Hudoydoda), written with the words of Sheikh Wali Hudoydoda.

Key words: Sufism, Kermine, sheikh, manakib, spiritual heritage, hagiographical sources, training

**РОЛЬ ТАРИКАТА НАКШБАНДИЙЙА В МЕНЕМЕНСКОМ
ИНЦИДЕНТЕ 1930 ГОДА**

М. А. Козинцев, г. Санкт-Петербург

Резюме. В статье рассматривается одна из трагических страниц истории Турции, связанная с мятежом, произошедшим в административном округе Менемен провинции Измир 23 декабря 1930 г. В ответ на акцию фанатиков власти прибегли к масштабным репрессиям против суфийских братств по всей стране. Автор обращается к религиозной составляющей события и стремится показать роль, которую играли некоторые лидеры тариката Накшбандиййа в подготовке и осуществлении мятежа.

Ключевые слова: тарикат Накшбандиййа, менеменский инцидент, суфийские братства, кемализм, история Турции

История Турции XX в. предоставляет в распоряжение исследователя значительный материал, касающийся политической деятельности религиозных организаций. Немалая часть этого материала приходится на тарикат Накшбандиййа, традиционно являвшийся крайне активным в политическом и социальном плане суфийским братством.

Известно, что тарикат, среднеазиатская ветвь которого проникла в Османскую империю ещё в XV в. [Акимушкин 1991: 187], быстро обзавёлся сторонниками среди политической и духовной элит государства и непрерывно наращивал своё влияние на протяжении нескольких веков. Анализ исторических событий показывает, что наряду со значительным вкладом в распространение ислама и поддержку религиозной мысли Турции, лидеры данного тариката порой оказывали негативное влияние на социальные процессы в стране. Описывая характер этого влияния, И.-З. Эюбоглу отмечает следующее:

«На протяжении веков члены тариката Баха' ад-дина Накшбанда, находившиеся в разных частях Анатолии, противодействовали любым прогрессивным инициативам, а также, прямо или опосредованно, провоцировали крупные восстания. Как в начале национально-освободительной борьбы, так и в последующие годы они подстрекали население к участию в восстаниях – восстании Шейха Саида (1925) в Восточной Анатолии и инциденте в Менемене на западе страны. Их деятельность была нацелена на возрождение султаната, халифата и шариатского государства. Для членов Накшбандиййи, которые представляют собой ярых сторонников шариата, кроме последнего, не существует никакого закона» [Eyuboğlu 1993: 230].

В качестве наиболее яркой иллюстрации того, как происходило и чем заканчивалось открытое противостояние радикально настроенных религиозных сил с властями в период правления Ататюрка, как турецкие, так и отечественные исследователи чаще всего приводят восстание, произошедшее в 1930 г. в

округе Менемен провинции Измир. В Турции это событие также известно под названием «Происшествие с Кубилаем» (тур. Kubilay Olayı) – по имени офицера Мустафы Фехми Кубилая, первым отправившегося на подавление мятежа. Оно подробно освещалось в прессе и описано в ряде турецких исторических исследований. К примеру, С. Акшин, рассматривая политику властей по внедрению многопартийной системы, указывает на то, что возврат к прежнему однопартийному порядку обычно вызывал всплеск насилия в регионах, где были популярны созданные кемалистами оппозиционные партии [Akşin 1998: 191].

В отечественной науке менеменский инцидент дважды упомянут Д.Е. Еремеевым – в книгах «На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках)» и «Становление республиканской Турции (1918–1939 годы)». В обоих случаях причиной трагических событий называется сложная экономическая обстановка в стране. «Развитие капиталистических отношений в Турции неизбежно вело к социальным катаклизмам. А в 30-е гг. на слабой турецкой экономике пагубно сказались и последствия мирового экономического кризиса» [Еремеев 1980: 162]. Кроме того слышались отголоски неудачных экспериментов М.К. Ататюрка по внедрению в стране двухпартийной системы, имевших своим итогом сохранение прежнего порядка и политические репрессии. В сложившейся ситуации население, которое и без того испытывало разочарование в экономической политике правительства, оказалось лишено «возможности легально протестовать против экономических и социальных неурядиц» [Еремеев 2004: 179], что вылилось, по мнению Д.Е. Еремеева, в менеменский мятеж.

В отличие от Д.Е. Еремеева, который ставит на первый план социально-экономический аспект, Н.Г. Киреев подчёркивает его идеологическую составляющую, отмечая, что «формирование государственной идеологии ... началось с крутого поворота к светскости» [Киреев 2007: 169]. Этот поворот произошёл не сразу – в начале 20-х гг. М.К. Ататюрк предпринял ряд попыток заручиться поддержкой влиятельных суфийских лидеров. Причина была вполне понятна: «на протяжении всей истории Османской империи тарикаты выполняли важные религиозные и социальные функции. На психологическом уровне они обладали мистическим и эмоциональным значением для простых подданных ... а также обеспечивали своим членам защиту и возможность повышения социального статуса» [Шлыков 2011: 102]. До 1925 г. правительство, стремясь прежде всего «обеспечить социальную стабильность в Восточной Анатолии» [Шлыков 2011: 104], оказывало внушительную финансовую помощь ряду обитателей. Однако последовавшие вскоре массовые выступления курдов (1924), а затем – восстание Шейха Саида (Накшбанди. – М. К.) повернули вектор кемалистской политики в противоположную сторону; «Мустафа Кемаль начинает кампанию против тарикатов» [Шлыков 2011: 104]. Считается, впрочем, что наступление на «народный ислам» и без того было делом времени, поскольку его институты не сочетались ни с принципами нового государства, ни с авторитарной политикой властей [Шлыков 2011: 105]. Стали массово закрываться обители, а вместе с их ликвидацией – также и вакфы, на средства которых они существовали. Таким образом, суфийские братства вынуждены были либо самораспускаться, либо уходить в подполье; их лидеры стремительно утрачивали бывшее влияние и социальный статус, многие подверглись преследованию. Притесняемые властями, они испытывали ненависть к новому государственному устройству, правительству и проводимым реформам. Однако далеко не все были настроены на противостояние, особенно открытое. Несмотря на то, что некоторые тарикаты (Бекташийя, Мевлевийя)

традиционно были влиятельной политической силой, большинство из них предпочитали избегать открытого вмешательства в государственные дела, в то время как «Накшбандийя так и осталось единственным братством, которое считало не только допустимым ..., но и обязательным вступать в контакт с властями, чтобы ... влиять на их политику в отношении народных масс» [Акимушкин 1991: 188]. Таким образом, тарикат, имевший наибольшее число сторонников, оказался в числе активных противников политики Ататюрка.

Кроме того, неудачи политики М.К. Ататюрка в сочетании с отменой и порицанием привычных норм религии естественным образом вызывали недовольство широких слоёв населения, основная часть которого была неграмотной. Прежние авторитеты, в первую очередь местные духовные лидеры, всё ещё продолжали играть важную роль в сознании формирующейся турецкой нации. Такое положение было актуально как для городов, сохранявших черты османского устройства, так и для сельской местности. Причём если в крупных городах правительство сумело в короткий срок провести всесторонние преобразования, то в провинции долгое время слышны были отголоски прежних устоев и социальных связей. Одной из главных причин тому была нехватка обученных кадров – учителей, врачей, управленцев. Многие города Западной Анатолии всё ещё лежали в руинах после недавно завершившейся национально-освободительной борьбы [Çetinkaya 1986: 10]. Тем не менее нельзя утверждать, что периферийные области были полностью оторваны от центра, как не следует приписывать их жителям чрезвычайное тяготение к старому порядку. Но нужно учитывать также и то, что в различных регионах молодой Турецкой Республики продолжала действовать невидимая на первый взгляд власть духовных авторитетов, способная подчинять себе доверчивых граждан.

Несмотря на то, что в отечественной литературе инцидент, произошедший в округе Менемен, в общих чертах освещён, роль тариката Накшбандийя в нём прежде не становилась предметом отдельного рассмотрения.

Полезным источником для оценки этой роли выступает «Журнал протоколов ВНСТ», в 25 томе которого содержатся материалы допросов участников мятежа. Кроме того, стоит упомянуть книгу турецкого писателя и журналиста Х. Четинкая [Çetinkaya 1986], посвящённую менеменскому инциденту и тарикатам. Эти источники позволяют проследить настроения в турецком обществе рубежа 20–30-х гг. и понять, какое влияние оказали местные духовные авторитеты при подготовке и осуществлении мятежа.

Описывая мятеж, Х. Четинкая с самого начала указывает на то, что он имел организованный характер. Подготовка проходила в несколько этапов. Суммируя сказанное, можно условно разделить её на две части – предварительную и непосредственную.

Предварительная подготовка заключалась в укоренении ячейки тариката в регионе. Сам идейный вдохновитель и руководитель восстания, Шейх Эсад, проживал в Стамбуле, где сумел собрать вокруг себя представителей старой османской интеллигенции, имевшей влияние ещё во времена Абдул-Хамида II. Эти люди, близкие суфийским учениям, считали себя хранителями подлинного благочестия и разума и называли своего лидера «Вершиной вершин» (осм. Kutb-ül-aktab) [Çetinkaya 1986: 18]. В окружении этого сообщества, сплотившегося вокруг Шейха Эсада, воспитывался и его сын Мехмед Али, воспринимавшийся всеми как «принц». Однако Шейх Эсад не намеревался ограничиваться приобретённым влиянием. Своей целью он поставил закрепление в Эгейском регионе, для чего направил в Манису – крупный центр регио-

на, своего наместника по имени Лаз Ибрагим, занимавшего ранее пост управляющего Менеменским военным госпиталем.

Стоит помнить, что к тому времени в Турции уже вышел запрет на ношение религиозной одежды вне богослужений, а также были отменены все многочисленные религиозные и квазирелигиозные звания и титулы. Х. Четинкая так описывает обстановку в городе: «Маниса ещё хранила на себе налёт османского прошлого. Все обитатели (текке, завии) хоть и были закрыты, но тайно продолжали функционировать. Республика Ататюрка смелá ... отжившие институты, но в это же время безумец по прозвищу Шейх Эсад назначал Лаза Ибрагима верховным наместником» [Çetinkaya 1986: 18]. Последний обосновался в Манисе и начал успешно распространять учение тариката, снискав популярность среди подростков из числа подмастерьев. Будучи необразованными, эти подростки искренне верили всему, что им внушал Лаз Ибрагим, а один из адептов, Мехмед Гиритли, сыгравший впоследствии главную роль в восстании, даже объявил себя мессией. Его собратья выразили желание на деле проверить это заявление.

В дальнейшем сообщники несколько раз собирались в домах друг у друга. Последнее такое собрание состоялось 6 декабря 1930 г.; на нём был составлен окончательный план действий. Было решено организовано, с оружием в руках, начать мятеж в Менемене.

Всего подростков было шестеро, а их предводителем стал ложный мессия Мехмед Гиритли, которого остальные называли также дервишем. Сначала мятежники кочевали из деревни в деревню, останавливаясь у родственников. Известно также, что в окрестностях селения Сюмебюлю они соорудили лачугу, в которой все вместе тайно совершали зикр. Они прибегали к тщательной конспирации, не посвящая в свои намерения никого из родственников.

23 декабря на рассвете мятежники вошли в окружной центр, городок Менемен. Мехмед Гиритли и его сообщники были в одежде охотников. Первым делом они отправились в мечеть, где сорвали и забрали с собой висевшее над михрабом зелёное знамя.

Видевшие восставших местные жители поначалу приняли их за охотников и находились в замешательстве от происходившего. А после и вовсе испугались, когда «дервиши» стали угрожать всем, кто был в мечети, оружием. Очевидец тех событий, Осман Юртсевер, позднее заявлял, что «жители Менемена ни малейшего понятия не имели, что тогда происходило» [Çetinkaya 1986: 21]. Он описывает мятежников, как молодых людей, ещё практически детей, однако яростных, неистовых фанатиков, с налитыми кровью глазами. В руках у их предводителя Дервиша Мехмеда (Гиритли) (его имя О. Юртсевер, как и другие свидетели, узнал в ходе следствия), было ружьё.

Мехмед Гиритли устрашал людей у мечети выстрелами, которые в то же время привлекали народ городка. Когда у мечети скопились любопытные, он объявил, что Менемен окружён, а его сообщники требовали, чтобы все собрались у зелёного знамени. Вмешавшийся капитан жандармерии, поняв, что силы неравны, удалился. Мятежники тем временем уже объявили о создании халифата. После этого толпа начала расходиться, остались лишь особо любопытные. С собой мятежники силой увели нескольких подмастерьев. Капитан жандармерии, осознав, что ситуация принимает опасный оборот, поспешил сообщить о происходящем в расположение командования 47 пехотного полка. Для усмирения фанатиков на место прибыл с отделением солдат М.Ф. Кубилай, проходивший службу в качестве лейтенанта запаса. Дервиш Мехмед

практически сразу открыл огонь и смертельно ранил Кубилая, после чего народ начал в панике разбегаться, а самопровозглашённый мессия набросился на труп лейтенанта и ножом отделил его голову от тела. Квартальный сторож Хасан попытался оказать мятежникам вооружённое сопротивление, однако вскоре сам был убит, сумев ранить двоих. Затем подобным образом погиб второй сторож, Шевки. Солдаты, в свою очередь, также открыли огонь по убийцам и мятежникам, но никак не сумели их остановить – патроны в их винтовках были учебными. Для лжемессии Мехмеда это было знаком: он незамедлительно объявил, что его «пули не берут». Однако подоспевшие вскоре подкрепления быстро переломили ситуацию: в результате обстрела боевыми патронами Дервиш Мехмед и два его сообщника были буквально изрешечены; ещё двое мятежников пытались бежать, но были пойманы [Çetinkaya 1986: 22–24].

Материалы допросов задержанных, приведённые в «Журнале протоколов ВНСТ», содержат богатые сведения о внутренней организации и отношениях между суфиями в тарикате.

Например, подробно описывается твёрдость и полная решимость Дервиша Мехмеда при подготовке и проведении акции. Не имея точных предписаний, он стремился посвящать зикру всё своё время и принуждал к этому своих последователей, многие из которых, с лёгкостью поверив в его богоизбранность, следовали за ним. В сооружённой самими «суфиями» хижине они провели 15 дней, практически непрерывно совершая зикр. Обвиняемые неоднократно подтверждали в своих показаниях, что находились под действием наркотиков, которые постоянно курили во время радений [ТВММ ЗС 1931: 11]. Доверчивые местные жители, узнав о том, что поблизости расположились дервиши, снабжали их едой. «Поддержка» местных жителей в самом Менемене также проистекала от незнания реальных целей мятежников. Один из обвиняемых на допросе сказал следующее: «Мехмед объявил о том, что он мессия, что они не принадлежат ни к какой организации. Сказал, что их цель – спасение ислама, и они будут здесь совершать зикр. Некоторые из услышавших это жителей выразили одобрение и присоединились к ним» [ТВММ ЗС 1931: 12]. Он подтвердил случившееся вскоре убийство Кубилая, а также то, что Дервиш Мехмед первым применил оружие. По словам другого допрашиваемого, пособники Мехмеда до последнего не знали, куда и для чего направляются [ТВММ ЗС 1931: 15–16]. Из общего содержания протоколов можно заключить, что Дервиш Мехмед избрал такую тактику не случайно: после того как некоторые сообщники бежали, он стал бдительно следить за оставшимися [ТВММ ЗС 1931: 10]. Держать их в подчинении помогало частое совершение зикра, а также наркотики, которые активно употреблялись как во время радений, так и в часы отдыха.

Реакция властей на акцию фанатиков была жёсткой. Чтобы определить наказание для мятежников, был организован Военный трибунал (осм.-тур. *Divan-ı Harp Mahkemesi*). Участники мятежа были приговорены к смерти и казнены. По приговору суда казнён 31 человек. Самым молодым, не достигшим совершеннолетия, а также престарелым (всего 6 человек) казнь была заменена 24 годами тюрьмы. Ещё 41 осуждённому были назначены различные сроки (от 15 лет до 1 года). 27 обвиняемых были оправданы [ТВММ ЗС 1931: 2–4].

Несмотря на то, что жители Менемена не оказали массовой поддержки восставшим, во время разбирательства нашлось немало тех, кто одобрял их действия.

Мустафа Кемаль был потрясён случившимся, а сообщения о том, что действия восставших были встречены одобрительно местным населением, и вовсе привели его в ярость. Он приказал сровнять с землёй городок Менемен и уничтожить братство Накшбандиййа.

Итог, который имели в совокупности все судебные процессы по делу в Менемене заключался в признании членов всех тарикатов – в первую очередь Накшбандиййи, который «был в целом сочтён виновным» [Киреев 2007: 220], – врагами принципов светского государства, а следовательно, и Республики.

В ходе последовавших репрессий в тюрьме среди прочих оказалось несколько видных суфийских шейхов. Одним из них был тот самый стамбульский халидийский (ветвь Накшбандиййи) шейх Мехмед Эсад Эрбилли; он вскоре скончался в заключении (предположительно был отравлен), а его сын был казнён. Существует мнение, что правительство срежиссировало все события именно с целью ликвидировать данного влиятельного суфийского лидера [Weismann 2007: 152].

Другим шейхом был Абдул-Хаким Арваси. Выйдя из тюрьмы, он закрыл свою обитель, действовавшую в стамбульском районе Эюп с конца Первой Мировой войны, однако продолжил суфийскую деятельность, занявшись написанием книг на религиозную тематику. Его взгляды оказали влияние на многих интеллектуалов Турции, например, на чрезвычайно популярного в 20–30-х гг. поэта Неджипа Фазыла Кысакюрека (1904–1983), одного из реформаторов турецкой поэзии. Сегодняшним преемником обители Абдул-Хакима Арваси можно считать джамаат Ышыкчи (тур. *Işıkçılar Semaati*), также действующий в Стамбуле, в районе Эюп [Weismann 2007: 152].

В завершение стоит заметить, что действия мятежников не отражали позиции всех членов братства Накшбандиййа, действовавших в обителях, разбросанных по многим регионам Турции. Однако подобные акции, вне всякого сомнения, были крайне опасны и могли в любой момент перерасти в крупномасштабное восстание. Подобно курдскому восстанию под руководством Шейха Саида, менеменский мятеж был жёстко подавлен. Хотя власти действовали максимально решительно, запретив сразу все тарикаты, проблема, в сущности, не была решена – недовольство ушло в подполье вместе с руководителями закрытых обителей и их последователями.

При всём этом, в попытке исправить сложившееся положение, репрессии не были единственным рычагом воздействия властей. Вскоре после инцидента в стране стали открываться «народные дома» – центры ликвидации безграмотности и распространения идей кемализма. По мнению С. Акшина, возросшее внимание М.К. Ататюрка к вопросам культуры в последующие годы следует связывать именно с потрясением, которое он испытал от известий о животной жестокости мятежников в Менемене [Akşin 1998: 191].

Литература

Акимушкин 1991 – *Акимушкин О. Ф.* Накшбандийа // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 187–188.

Еремеев 1980 – *Еремеев Д. Е.* На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). – М.: «Наука», 1980. – 238 с.

Еремеев 2004 – *Еремеев Д. Е.* Становление республиканской Турции (1918–1939 годы). – М., 2004. – 220 с.

Киреев 2007 – *Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с.

Шлыков 2011 – *Шлыков П. В.* Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. – М.: Изд. дом Марджани, 2011. – 560 с.

Ақşин 1998 – *Ақşин S.* Ана Çizgileriyle Türkiye'nin Yakın Tarihi (1789–1980). – Ankara, 1998. – 262 s.

Çetinkaya 1986 – *Çetinkaya H.* Kubilay Olayı ve Tarikat Kampları. – İst.: Boyut Yayınevi, 1986. – 257 s.

Еyубоғлу 1993 – *Еyубоғлу İ. Z.* Günün Işığında Tasavvuf Tarikatlar Mezhepler Tarihi. – İst.: DER Yayınevi, 1993. – 493 s.

TBMM ZC 1931 – Menemen hadisesini ika ve teşkilâtı esasiye kanununu cebren tağyire teşebbüs edenlerden 37 şahsın ölüm cezasına çarpılması hakkında 3/564 numaralı Başvekâlet tezkeresi ve Adliye Encümeni mazbatası // TBMM Zabıt Ceridesi. Cilt 25. Sıra 58. Ankara, 1931. – 91 s.

Weismann 2007 – *Weismann I.* The Naqshbandiyya: Orthodoxy and activism in a worldwide Sufi tradition. – London and New York: Routledge, 2007. – 208 p.

Kozintcev M. The Naqshbandiyya's role in the Menemen incident of 1930

Summary. The article addresses one of the tragic events of the Turkish history, namely the riot in the Menemen district, Izmir province, on December 23, 1930. A group of young fanatics inspired by radical religious leaders of the Naqshbandi tariqa started a rebellion aimed at destruction of the Republican form of government and re-establishing a sharia state and a sultanate. In response to the fanatics' revolts, the government had to resort to mass repressions against the Sufi brotherhoods across the country. The author of the article focuses on the religious component of these events and seeks to highlight the role of certain religious leaders in inciting the uprising as opposed to the conventional view of the Russian historical studies, their approach being mostly based on social and economic analysis.

Key words: the Naqshbandi tariqa, the Menemen Incident, Sufi brotherhoods, Kemalism, Turkish history

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-ЗООНИМАМИ В КАЗАХСКОМ, АРАБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.А. Гаджиева, г. Москва

Резюме. Статья посвящена коннотациям и переносным значениям зоонимов, входящих в фразеологизмы казахского, арабского и русского языков. Изложенные факты позволяют сделать вывод о том, что формирование вторичных значений у названий животных обусловлено своеобразием культур, быта, образа жизни и верований создавших их народов.

Ключевые слова: казахский язык, арабский язык, русский язык, зооним, фразеологизм, коннотация, сопоставление

Во многих языках мира фразеологизмы с компонентами-зоонимами обладают особыми эмоционально-оценочными значениями и являются ярким примером отражения национально-культурного сознания. Как известно, формирование коннотационных значений зоонимов обусловлено особенностями восприятия животных представителями различных культур, их мировидением и бытом.

Скот, являясь главным богатством у многих народов, с одной стороны, служит источником питания и сырьем для одежды и жилища, с другой – выполняет транспортные и прочие функции, а исторически выступал как средство обмена на предметы первой необходимости с соседними народами. Это нашло свое отражение и в кораническом айте: «Мы сделали его (то есть *скот*) подвластным им: на одних животных они ездят, другими питаются» [Коран 1999: 36:72].

Очень точно указал на важность домашних животных в жизни казахов Ч. Валиханов, который писал, что «кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие у них начинается фразой: “Здоров ли твой скот и твоё семейство?”. Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников больше, нежели целые страницы описаний» [Кляшторный, Султанов 1992: 324].

В большей степени ФЕ с компонентами-зоонимами выражают те или иные черты характера человека, символизируют красоту, ум, особенности его поведения и действий. Например, эпитеты о женщине передают фразеологизмы: каз. *қаз мойын* (букв. гусиная шея) ‘стройная, гибкая, длинная’;

русск. *лебединая шея*; араб. *tamshuqatu-l-qaua:m miṭla-l-faras* (букв. стройная станом словно лошадь) ‘стройная словно лошадь’. Интересным фактом является то, что изначально эпитет *қаз мойын* предназначался лошади. Так описывается лошадь с красивой изогнутой шеей.

В традиционной казахской культуре много фразеологизмов с компонентом-зоонимом *ат* ‘лошадь’. Лошадь для казаха является в некотором смысле священным животным, незаменимым помощником в быту и хозяйстве. На протяжении веков богатство у казахов измерялось количеством лошадей, а самых почитаемых гостей потчевали деликатесной пищей из мяса лошади – *казы, карта, жсал, жая*. Лошадь является главным животным в национальных конных играх – *қыз қуу, бәйге, көкпар*. Еще знаменитый арабский поэт IX в. аль-Джахиз говорил: «...Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли» [Кляшторный, Султанов 1992: 326]. Фразеологизмы с компонентом *ат* ‘лошадь’ у казахов имеют положительную оценочную коннотацию: *ат жалын тартып міну* (букв. сесть на лошадь, взявшись за гриву) ‘возмужать, повзростеть’; *ат құлағында ойнайды* (букв. играет на ушах лошади) ‘очень ловкий и шустрый человек’; *атқа жеңіл телпекбай* (букв. легок на лошади) ‘легок на подъем’. Отрицательная характеристика деятельности человека чаще всего выражается действиями через нанесение вреда или совершения каких-либо деструктивных действий в отношении лошади. Например: *ат кекілін (құйрығын) кесісу* (букв. взаимно подрезать челки или хвосты лошадей) ‘враждовать, разорвать отношения’; *ат сабылтты* (букв. измучить лошадь) ‘испытывать хлопоты, неудобства, измучиться’; *ат бауырына алды* (букв. положить под лошадь) ‘избить, всыпать’.

Лошадь занимает особое место и в жизни арабов. Арабы, сравнивая человека с *faras* или *ḥiṣa:n* ‘лошадью’, говорят: *absar min al-faras* (букв. зрячее лошади) ‘человек с хорошим зрением’; *miṭla-l-faras* (букв. словно лошадь) ‘сильный, решительный человек’; *yajri miṭla-l- ḥiṣa:n* (букв. скачет словно жеребец) ‘быстроногий человек’.

Зоонимы *faras* и *ḥiṣa:n* ‘лошадь’ в большом количестве встречаются в арабских пословицах и поговорках. Например: *inna -l-jaiṣad qad ya'taru* ‘Породистый конь и тот иногда спотыкается’ (о человеке, от которого в основном исходят благие дела, но иногда бывают и промахи) или *inna-l-jawa:d 'aynu-hu fura:ru-hu* ‘Сущность скакуна определяется по его зубам’ (о человеке, чья внешность наглядно, без проверки указывает на внутреннее состояние).

В русском языке лошадь типичный символ трудолюбия, благородства и силы: *укатали сивку крутые горки, ломовая лошадь, рабочая лошадка, устал как лошадь, въехать на белом коне, ход конем*. В то же время фразеологизмы с компонентами-зоонимами *мерин, кобыла* имеют отрицательное коннотационное значение: *бред сивой кобылы, врет как сивый мерин, пришей кобыле хвост и т.д.*

Другим животным, которое следует непременно упомянуть, является верблюд. Это животное, почитаемое у многих народов, в том числе и у арабов. Само слово *jamal* ‘верблюд’ происходит от глагола *jamula* ‘быть красивым’. Самец верблюда символизирует силу, мощь и оплот народа. Эти животные великолепно приспособлены для жизни в пустыне и в засушливых регионах. Арабы также часто использовали их в военных действиях.

В доисламской поэзии, в пословицах и поговорках верблюд играет заметную роль: «Никуда не впускай даже носа верблюжьего, ибо тогда будешь вынужден впустить и все остальное» гласит арабская пословица. Выносливость, неутоми-

мость, величие, бешенство и ярость – вот основные качества, выражаемые посредством фразеологизмов с компонентом-зоонимом *jamal* ‘верблюд’: *ahqadu min al-jamal* (букв. злее верблюда) ‘злостный человек’; *al-jamal yu:li: ala: sha:hibihi* (букв. верблюд, управляемый хозяином) о человеке, который после долгих лет дружбы причиняет зло другу; *jamalu-ta:hunah* (букв. верблюд, который крутит мельничный круг) о человеке, который напрасно трудиться в поте лица.

Для казахов *түйе* ‘верблюд’ является олицетворением не только силы и могущества, но и ненасытности: *түйенің жарты етіндеі* (букв. с половины туши верблюда) ‘тучный, тяжеловесный человек’; *түйені түгімен, биені жүгімен жұтқан* (букв. проглотивший верблюда с шерстью и кобылу с выюком) ‘жадный, ненасытный’; *түйе үстінен ит қабу* (букв. даже сидя на верблюде, быть укушенным собакой) ‘быть неосторожным, неприспособленным к жизни’; *түймедейді түйедей ету* (букв. что-либо величиной с пуговицу представлять размером с верблюда) ‘сильно преувеличивать, делать из мухи слона’.

Название детеныша верблюда *бота* ‘верблюжонок’ имеет положительную оценку в казахском языке. Этот компонент присутствует в женских именах собственных; например: *Ботагөз* ‘верблюжьи глазки’; *Ақбота* ‘белый верблюжонок’. В казахском языке обращение *ботам* ‘мой верблюжонок’ используется по отношению к детям. Описывая красивую женщину, казахи говорят *бота көз* ‘глаза, как у верблюжонка’. Самого быстрого скакуна называют *бота тірсек* ‘ноги как у верблюжонка’. Данное фразеосочетание используется также в значении тонконогий, слабый.

В русской языковой культуре лексема *верблюд* используется чаще всего в сравнениях, когда речь идет об упрямом или крупном и неуклюжем человеке. Говорят также: *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко* (о полной невозможности постижения или совершения чего-либо); *Плеваться как верблюд, Доказывать, что ты не верблюд*. Небольшое количество ФЕ с этой лексемой в русском языке можно объяснить тем, что верблюд не является типичным животным в хозяйстве у русских.

В отличие от перечисленных зоонимов наибольшую отрицательную оценочную коннотацию в сопоставляемых языках имеют фразеологизмы с компонентом-зоонимом *есек, осел, hita:r*. Например, казахские фразеологизмы *есектей ақымақ* ‘глуп как осел’; *есектің миын жеген* (букв. тот, который съел мозг осла) ‘обезумевший, одуревший человек’; *есектің мойнына байлап жіберу* (букв. привязать к шее осла) ‘насмехаться’; *есек дәме* (букв. ослиная надежда) ‘несбыточная надежда’, ‘строить воздушные замки’ и казахские поговорки *есек барға саналса да, малға саналмайды* ‘хоть и осел имеется в домашнем хозяйстве, как домашний скот не в счет’; *есекті қанша мақтасаң да, тұлпар болмас* ‘сколько осла ни хвали, он тулпаром не станет’ показывают пренебрежительное отношение людей к этому животному. Видимо это связано с тем, что *есек* ‘осел’, во-первых, является исключительно рабочим животным, используемый в домашнем хозяйстве. Его мясо и молоко не пригодны для пищи, что отражено в пословице *есектің күші адал, сүті арам* ‘сила осла чиста, молоко погано’ (т.е. он может быть использован только для работы). Во-вторых, возможно, это связано с эстетическим восприятием человека. Для многих осел не так красив и величав, как конь или верблюд. В-третьих, осел не использовался в военных целях, в отличие от лошади и верблюда, которые были незаменимы в военных сражениях.

В арабских фразеологизмах отношение к этому животному двоякое. Прежде всего, осел символ глупости, нерешительности, униженности и покорности. С другой стороны, осел символ выносливости и стойкости. Например: *ajhal min*

al-ḥima:r (букв. глупее осла) ‘невежда’; *miṭla-l- ḥima:r* (букв. как осел) ‘униженный, смиренный’; *ʿaṣbar min al- ḥima:r* (букв. терпеливее осла) ‘стойкий, выносливый человек’. Свою лепту в отрицательном восприятии осла внес и Коран: «... и умеряй свой голос, ибо звук самый неприятный – это рев осла» [Коран 1999: 31:19].

В русском языке фразеологизмы с компонентом *осел* малочисленны и имеют отрицательную коннотацию. Например: *Буриданов осел* ‘крайне нерешительный человек’; *валаамова ослица* ‘иронично о покорном, молчаливом человеке, неожиданно заговорившем, запротестовавшем [СРФ 1998: 423-424].

Казахи и арабы разводили в основном лошадей, верблюдов и овец. Крупный рогатый скот занимал в их хозяйстве незначительное место, так как не был приспособлен, например, у казахов, к условиям круглогодичного выпаса и особенно к добыванию корма зимой из-под снега, а у арабов к условиям пустыни. Но если у казахов все же встречаются фразеологизмы с лексемой *сыыр* ‘корова’, как, например, в устойчивых словосочетаниях *сыыр мінез* (букв. характер коровы) ‘о плохом поступке человека’, *сыыр құйымшақтату* (букв. превращать что-либо в коровий крестец) ‘оказаться в подвешенном состоянии’ или в названиях животных *су сыыры* ‘гиппопотам’ [КРФС 1988], то у арабов лексема *baqarat* ‘корова’ встречается в словосочетаниях, обозначающих названия животных: *baqaratu-l-ma:* ‘морская корова’, *baqaratu-l-`wahshiya* ‘антилопа’.

В русской языковой культуре отношение к корове неоднозначно, и это нашло свое отражение в многочисленных фразеологизмах, имеющих как положительные, так и отрицательные оценки. Например: *как корова на льду* ‘о неуклюжем и неуверенном человеке’, *как корове седло* ‘о нелепом виде человека’. В то же время *бык* яркий образец силы и крепкого здоровья: *здоров как бык*, *наелся как бык*; упрямства и недоверчивости – *уперся как бык*, *глядеть бычком*. Фразеологизмы с названиями детеныша коровы имеют исключительно положительную окраску: *ласковый теленок* ‘о добром, внимательном, угодливом человеке’, *телячий восторг* ‘о восторженном состоянии’, *телячьи нежности* ‘о сильном проявлении чувств’.

Нельзя обойти также лексему *қой* ‘баран’, ‘овца’, араб. *kabshun, na`jat, kharuf* которая в сопоставляемых языковых культурах имеет различные коннотационные значения. В русском языке концепты *баран* или *овца* служат символом глупого, тупого и ограниченного человека; например: *установился как баран на новые ворота* ‘о человеке с растерянным, глупым видом’.

Для казахов понятие *қой* является символом богатства и благоденствия, так как овцы занимали важное место в их хозяйстве. Мясо, молоко и жир овец служили пищей, шерсть и шкура одеждой, емкостью для пищи, курдюк мылом и лечебным средством. Соответственно фразеологизмы с данным компонентом имели положительное коннотационное значение. Про робкого и застенчивого человека казахи говорят *қой аузынан шөп алмайтын* (букв. не вырвет травинки изо рта овцы) ‘не обидит мухи’; *қойдан қоңыр* (букв. смиреннее овцы) ‘воды не замутит’. О безмятежной и счастливой жизни: *қой үстіне бозторғай ұялаған кез* - (букв. время, когда жаворонок гнездится на овце) ‘безмятежная пора’.

В арабском языке с этим зоонимом используются фразеологизмы: *na`jatu jarba:* ‘паршивая овца’ и *kabshu-l-fida:* (букв. баран отпущения) ‘козел отпущения’, *ʿani:d mithla-l-kharu:f* ‘упрямый словно баран’, *ʿaḥma:q min kharu:f* ‘глупее овцы’. Как видно из примеров, в русском и арабском языках концепт барана в большей степени имеет уничижительное значение.

Нельзя обойти вниманием таких животных, как кошка и собака. В исламе собака традиционно считается нечистым животным, которое может осквернить пищу, одежду или самого человека. Тем не менее, концепт собака имеет у арабов как отрицательную, так положительную коннотацию. В основном лексема *собака* в арабских ФЕ встречается в сравнениях. Например: *abkhal min kalb* ‘жаднее собаки’; *ashkaru min kalb* ‘благодарнее собаки’; *absar min kalb* ‘зрячее собаки’; *anwatu min kalb* ‘сонливее собаки’. Лексему *kalb* можно встретить в пословицах и поговорках: *al-kalbu la: yanbaḥu man fid a:ri-hi* ‘собака не лает на хозяев дома’; *la: yaḍurru -s-saha:b nubāḥu -l- kila:b* ‘не вредят облакам лаяния собак’, что соответствует русскому выражению ‘Собака лает, караван идет’.

Собаки играли важную роль в жизни кочевников-скотоводов, коими являлись казахи, и выполняли функцию по охране домашнего скота, а также применялись в охоте на диких животных. Следовательно, в казахском языке отмечено и большое количество фразеологизмов, связанных с собакой. Например: *итаяқтан сары су ішкізу* (букв. заставить выпить сыроватку из посуды для собаки) ‘принуждать к чему-либо’; *ит байласа тұрғысыз* (букв. собаку на привязи трудно удержать) ‘неимоверный холод’, ‘собачий холод’; *ит жемі қылу* (букв. бросить на съедение собакам) ‘бросить на произвол судьбы’; *ит жанды* (букв. собачья душа) ‘выносливый, живучий’; *ит мінез* (букв. характер собаки) ‘скверный характер’ и т.д. Очень часто в казахском языке используются бранные выражения с компонентом *ит*: *иттің баласы* ‘собачий сын’; *иттен жаралған* (букв. рожденный собакой) ‘негодяй’.

В русском языке лексема *собака* используется во фразеологизмах с различными значениями. Например, при сравнении говорят: *бегать как собачонка*, *как собака на сене*, *преданный как собака*, *послушный как собака*, *грызться как собаки*, *промок как собака* и т.д. Используются также фразеологизмы: *как собака к пятой ноге* ‘о ненужности чего-либо’, *как собак нерезаных* ‘о большом количестве чего-либо или кого-либо’, *собаку съел* ‘о человеке, которого ничем не удивишь’. В бранных выражениях лексема *собака* используется в значениях ‘негодяй, мерзавец, поганец, хищник, насильник’. А также для выражения одобрения: *Хорошо поет, собака, убедительно поет!*

У многих народов кошка считается изящным и гордым животным, которое постоянно моется и держит себя в чистоте. Фразеологизмы с зоонимом *мысық* ‘кошка’ в рассматриваемых языках имеют как отрицательную, так и положительную коннотацию. Известно, что небольшая часть казахов были оседлыми. Очень часто в амбарах с зерном появлялись мыши, и тогда казахи прибегали к помощи кошки. У казахского народа много фразеологизмов, связанных с кошкой: *мысық тілеу* ‘злоумышленник’; *сүтке тиген мысықтай* ‘с виноватым видом’; *мысық болды* ‘отступил, убежал’; *мысық жанды* ‘живучий’; *мысықтанды* ‘начал подхалимничать’. В этих фразеологизмах *кошка* – вор либо нечто, связанное с плохим суеверием. Считалось, что у кошки злые намерения, поэтому молодым семьям не рекомендовалось заводить кошку. Ибо кошка забирала всю ласку женщины, тем самым препятствуя появлению младенца на свет. В то же время кошка символ жизнестойкости и живучести. Детеныш кошки имеет положительную коннотацию в русском и казахском языках и используется как обращение к детям: *мәуленім* ‘котенок мой’.

В арабском языке не так много фразеологизмов с лексемой *hirrat* ‘кошка’. Например, *abarru min hirrat* ‘благодетельнее, чем кошка’. Несмотря на их малочисленность, арабы относятся к кошке с большим трепетом, так как она занимает особое место в исламе. Сохранился хадис о том, что однажды пророк Му-

хаммад дал кошке напиться воды из сосуда, после чего использовал ту же воду для совершения религиозного омовения. В другом предании говорится, что однажды, собираясь на молитву, Пророк увидел, что его любимая кошка спит на рукаве его одежды. Он не стал будить кошку, а просто отрезал рукав от своего халата. После молитвы кошка проснулась и низко поклонилась пророку Мухаммеду за его поступок.

В русской языковой культуре кошка – символ хитрости, ума, ловкости и живучести: *живуч как кошка, играть как кошка с мышкой, котовьи проделки*. С другой стороны, фразеологические сочетания с лексемой *кошка* передают оценку действий, состояния человека: *бежать как угорелая кошка, жить как кошка с собакой, кошки на душе скребут, черная кошка пробежала*.

Таким образом, вышеизложенные языковые факты позволяют сделать вывод о том, что формирование вторичных значений у названий животных обусловлено своеобразием культуры, быта, образа жизни и верований создавших их народов. Удивительно красочные, живые и запоминающиеся выражения, придающие этим языкам яркую эмоциональную окраску, позволяют окунуться в духовный мир этих народов.

ЛИТЕРАТУРА

Кляшторный, Султанов 1992 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 383 с.

Коран 1999 – Коран / Пер. с араб. и коммент. Османова М.О. – М.: Ладомир, 1999. – 931 с.

Кронгауз 2001 – Кронгауз М.А. Семантика. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 399 с.

КРФС 1988 – Кожаметова К.Х., Жайсакова Р.Е., Кожаметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – 224 с.

СРФ 1998 – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Mahos 1995-2003 – Mahos H. The Arabic Idioms. – Damascus: Damascus Press, 1995-2003.

Gadzhieva A.A. Idioms with zoonyms in the Kazakh, Russian and Arabic languages

Summary. The article is devoted to connotative meanings of zoonyms in the Kazakh, Arabic and Russian languages. Presented linguistic facts allow us to conclude that the formation of these connotative meanings has been influenced by specificity of the cultures, lifestyle and beliefs of the people speaking the respective languages.

Key words: Kazakh, Russian, Arabic zoonyms, idiom, connotation, comparison

**ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ: ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА**

Ш.Г. Тошхужаева, г. Коканд (Узбекистан)

Резюме. Статья посвящена детальному описанию сравнений, которые используются в произведениях Э. Аъзама и которые демонстрируют духовное и эмоциональное богатство узбекского языка. В статье дается подробный анализ сравнений и их разделение на категории. Статья позволит по-новому взглянуть на произведения Э. Аъзама и показывает возможность приложения новых методов изучения особенностей узбекского языка, основывающихся на современных методах лингвостилистического анализа литературных произведений.

Ключевые слова: Описательные средства, сравнения, Эркин Аъзам, лингвостилистика, узбекская литература

Лингвистика в Узбекистане делает следующий шаг в своем развитии. Несомненно, современные достижения науки открывают множество возможностей для изучения лингвистической структуры узбекского языка, поэтому научное и практическое изучение узбекского языка современными и эффективными методами является важным вопросом сегодняшнего дня. То, что в мировой лингвистике сформировалось новое направление практического исследования языка в его взаимоотношении с речью, культурой, национальной духовностью, даже с искусственным интеллектом, требует от нас решения новых задач.

Успешный пример современной узбекской прозы – плодотворная творческая работа Э. Аъзама, выделяется среди остальных и заслуживает изучения с социально-философской, художественной, лингвистической и лингвопоэтической точек зрения. Читатель, который прочел его высокохудожественные образцы прозаических произведений, с их глубокой философской наполненностью, обогащает свои духовные знания с помощью его философско-художественного мастерства. Писатель показывает новые выразительные возможности родного языка.

Изучение и исследование особенностей языка писателя, демонстрирующих понимание и чувство художественного стиля, а также навыков использования лингвопоэтических приемов, является актуальным особенно при проблемном состоянии современного языка и особенностях его функционирования. Лингвистическое описание событий в речи исходя из лингвопоэтического подхода, то есть исследование состояния говорящего и слушателя, их речевых условий и ситуации, как следствие, дает ответы на многие вопросы в этой области.

Языковые особенности описания событий в произведениях определенного писателя изучались с помощью различных подходов и методологий в разных аспектах. В узбекской лингвистике они могут быть разделены на три группы, например: изучение лексико-грамматических особенностей, лингвостилистическое и лингвопоэтическое изучение языковых единиц.

Каждый автор старается применять художественные средства, чтобы сделать язык своих произведений красочным и выразительным, также поступает и Э. Аъзам. В произведениях писателя очень часто используется сравнение, которое типично для творческого мышления, в нем отражается национальный менталитет автора или его героя. Через использование этого средства писателю удается сделать свои произведения красочными и привлекательными.

Сравнение является лингвокультурной единицей, проявляющей творческие возможности языка. Оно является предметом изучения как литературоведения, так и лингвистики, в обеих этих науках оно обозначено как описательное средство, как риторическая фигура в лингвистике, в психологии как практика мышления, как средство познания мира в философии [Худойберганава 2012: 15–18]. Сравнение – это конструкция, которая в значительной степени относится к литературно-художественному стилю и обладает лингвопоэтическими возможностями.

В узбекской лингвистике семантико-синтаксические, прагматические и методические признаки сравнения были освещены в некоторой степени [Мукаррамов, Махмудов 1984; Махмудов 1985: 48; Махмудов 2011: 19–23; Махмудов, Худойберганава 2013: 320; Худойберганава 1989; Бурханов 2008]. Н. Махмудов подчеркнул, что с античных времен сравнение было важнейшим средством, поддерживающим выразительность речи, и находилось в центре внимания многих исследователей [Махмудов 2011: 19–23]. В сравнении две вещи – событие и концепция, описанные с помощью лексических единиц, красочно сравниваются друг с другом через их определенные признаки, черты. Описанные как типичный продукт образной мысли, они всегда обладают художественно-эстетической значимостью в речи, они выполняют задачу эмоциональной экспрессивности, ясности, выразительности речи.

В узбекском языке, как и в других языках, сравнение состоит из четырех компонентов: объект сравнения, эталон сравнения, основа сравнения и формальный признак сравнения.

В произведениях Э. Аъзама сравнение создается с помощью следующих языковых средств:

- с помощью суффиксов: *-дай(-дек), -симон, -она, -омуз, -намо, -ларча, -асига, -дан*]; они эквивалентны английским *-like, -ish, -ic*.

- посредством лексических средств: прилагательных (*ўхшаиш, тенг* ‘подобный, равный’), служебных слов: *каби, мисоли, монанд, сингари, қадар* ‘как, такой как, подобный’), союзов: *гўё, гўёки, худди* ‘как будто, как если бы’), местоимений: *ўзи* ‘себя’, наречий: *айнан* ‘очень’.

- использованием специальных синтаксических конструкций.

Существует два вида сравнения: индивидуальное авторское сравнение и сравнение свободного стиля и национальное, устойчивое сравнение. [Махмудов, Худойберганава 2013: 5]. Если рассматривать произведения Э. Аъзама, то мы увидим, что в большинстве случаев его сравнения относятся к авторским индивидуальным сравнениям.

1. Индивидуальное авторское сравнение является основным средством, которое проявляет и раскрывает высокий уровень художественно-эстетических ценностей и лингвопоэтических качеств автора. Автор создает сравнения в соответствии со своими литературно-описательными целями, такое сравнение освещает определенное духовное или физическое состояние, которое представлено перед читателем. У Э. Аъзама можно найти, например, такое индивидуальное авторское сравнение – *Огромное стареющее дерево, верхние ветви высохли.*

Оно выглядит как старая горестно рыдающая женщина, протянувшая вверх руки [Аъзам 2007]. Сравнение высохших ветвей старого дерева со скорбящей старой женщиной путем использования вспомогательного слова и глагольных компонентов (*выглядит как*) в этом отрывке является оригинальным сравнением. Его оригинальность также основана на средствах сравнения и на эталоне сравнения. «Основа любого сравнения состоит из лингвопоэтического сравнения. Оригинальность сравнения заключается в оригинальности эталона сравнения» [Иўлдошев 2000: 16]. Автор выбирает неожиданный эталон сравнения.

Сокровища национальной мудрости в произведениях этого автора также имеют большую жизненную силу. Подобный признак в основе сравнения является проявлением остроты ума автора, который в совершенстве владеет языком. Ветви огромного дерева, тянущиеся высоко в небо, высохли из-за недостатка воды. А несчастная старая женщина скорбит потому, что навсегда потеряла своего ребенка; здесь сопоставлены два признака – отсутствие воды и потеря ребенка

Хоть она и наводила ужас в последние несколько лет, ее грустная душа светилась, как если бы приятные лучи осеннего солнца светились в ней [Аъзам 2011: 12]. В этом отрывке сравниваются *осеннее солнце* и *грустное свечение*. Хотя оно и оригинально, но только сильная фантазия может понять такое сравнение.

Признак «приятность» лежит в основе сравнения, однако достаточно сложно обнаружить такой признак среди объектов. Хорошие новости, полученные героем, послужили основой для сравнения.

Там Джордес ждет своего времени, как ворон. [Аъзам 2002: 256] (*Бакир. – Т.Ш.*); *тучного с овальным лицом, блестящим, как чугунок, с бородой, с красноватыми, грустными глазами, как у человека, который перенес множество страданий* [Аъзам 2002: 290] (*Бакир –Т.Ш.*); *думая о своих всегда плохо одетых племянниках, с чем-то горьким, застывшим у него в горле* [Аъзам 2002: 185] (*Бакир –Т.Ш.*);

Писатель, описывая портрет Сафуры в своих «Днях, непохожих на праздники», мастерски использовал сложные сравнения, чтобы показать ее исключительную красоту: *В длинном черном кожаном плаще, в черных ботинках на высоком каблучке, в шарфе, один конец которого свисает до земли, другой обвивает ее шею, с пушистой белой шляпой из перьев райских птиц на голове, с перчатками в руках, белых как снег, с ляжками сумки на плечах и самой сумкой под мышкой; вся белая и черная, как ее глаза, и только края ее глаз немного отличаются – лазурно-синие, как фиолетовое небо над головой, а еще ее губы ... они бесподобны... отходя гордо, торжественно, она уходит!* [Аъзам 2002: 235] В этом тексте красота героини книги, Сафуры, была раскрыта с мастерской выразительностью. Вышеприведенные сравнения описывают положительное отношение автора к героине в форме неожиданных, оригинальных сравнений, путем использования сильных экспрессивных средств, таких, что читатель ярко представляет перед своими глазами прекрасные черты, и такие живописные сравнения вызывают необычайно высокие чувства в душе читателя. Поскольку любая «душа тянется к красоте» [Аъзам 2001: 4], такие сравнения повышают литературно-эстетическую ценность произведения, расширяют диапазон его влияния, а также увеличивают уровень выразительности. Такие сравнения в литературном произведении дают писателю хорошую возможность придать индивидуальность своему языку.

2. Значение устойчивых сравнений лежит в основе эталона сравнения. Значение устойчивых сравнений состоит в том, что объект, устоявшийся в качестве эталона сравнения, однажды употребленного человеком или автором, позже может занять место в национальном лексическом запасе, став привычным в повседневном употреблении [Махмудов 2011: 20]. В этих предложениях черты выразительности, ясности не отображаются ясно, такие сравнения используются в языке литературных произведений без изменений, поскольку они существуют в языке в виде готовых единиц. Например, *Жениться ... моя мать всегда хвалила девушку из горной местности, желая, чтоб ее невесткой была «румяная девушка, достаточно проворная, чтоб выполнять работу по дому»* [Аъзам 2002: 37]. Здесь сравнительная конструкция употребляется для полного раскрытия красоты девушки. Это сравнение употреблено, чтобы сравнить лицо девушки с яблоком. Если судить по внешнему виду, то не существует сходства между яблоком и человеком. Однако цвет лица человека и яблока имеет некоторое сходство, понятие румяного цвета лица девушки и красноты яблока было выражено с помощью красочного сравнения. Основным признаком сравнения является цвет, хотя этот признак известен слушателю, его значение для выразительности заключается в том, что оно является устойчивым художественным сравнением, потому что такие сравнения сначала появились в разговорной речи, и для того, чтобы обогатить произведение яркими сравнениями, автор применил его в произведении.

Приведенные ниже примеры иллюстрируют эти положения.

Соперничающий со мной зритель оттащил меня в сторону на автобусную остановку.

– Организуем вечеринку с приготовлением плова? – сказал он мне ни с того ни с сего. [Аъзам 2002: 35]; *бывший друг по учебе, который учился вместе с ним в Художественном Колледже, всемирно известный сатирик Обид Асом, конечно, является исключением* [Аъзам 2001: 7]; *когда Фарход сказал, что он услышал по радио, бывший политик закричал во дворе от радости* [Аъзам 2011: 164]. В произведениях Э. Аъзама такие сравнения используются в основном в словах автора.

Сравнения, употребляемые в произведениях писателя, выступают в позитивных и негативных значениях. Позитивные сравнения приводятся в портретах и характеристиках духовного склада положительных героев. То, что нравится, сравнивается с положительными признаками. Например, *говоря, в чем была причина этого, внешность нашего парня казалась оскорблением по отношению к внимательной, скромной, спокойной девушке, Марине* [Аъзам 2002: 188]. В этом предложении слова *внимательная* и *чуткий характер* – это слова, которыми искусно обрисованы качества Марины, положительного персонажа из «Дни, непохожие на праздники».

Сравнения с негативными значениями используются для описания неприятных, пагубных, отвратительных вещей в жизни отрицательных персонажей. Например, *демонстративно собираясь, как если бы они шли на пикник, как если бы они знали секреты и собирались пообещать что-то, они смотрели на меня, улыбаясь и по очереди говоря что-то на ухо друг другу, как дикая кошка* [Аъзам 2002: 18]. Здесь вы можете узнать о негативном отношении автора к девушкам, смеющимся над персонажем. Таким образом автор выражает свои отрицательные эмоции, антипатию к персонажу и пробуждает в читателе отвращение к этому персонажу.

Анализируя сравнения, употребляемые в произведениях Э. Аъзама, вы найдете типы средств по их структурным компонентам, такие как полные, неполные, не прямые, простые, сложные, сравнения с извлеченными компонентами.

1. Полное сравнение имеет такие компоненты: объект сравнения, эталон сравнения, основу сравнения, и формальный показатель сравнения, которые действуют совместно. Например, *Они лежат, чувствуя себя высоко, глядя в белые облака. Мечты, как эти облака, белые и чистые.* [Аъзам 2007: 129]. Здесь объектом сравнения является *мечта*, эталоном сравнения – *облако*, основой сравнения – *белые, чистые*, показателем сравнения – *как*. В этом отрывке надежды и мечты мечтательного человека приравниваются к незапыленным, белым облакам. Писатель использует яркие цвета, чтоб обрисовать чистую мечту, видит ее в белом цвете, в лучах и определяет прекрасные мечты как «белые» и «чистые». Выбор автором удачного эталона сравнения придает его произведениям сильное эстетическое влияние.

2. В неполном сравнении подобные вещи не отображены эксплицитно с помощью лексических единиц. В них присутствует объект сравнения и персонаж сравнения, и признак сравнения переходит к самому персонажу. Например, *Уходить с заплечным мешком на спине, пункт назначения далеко и заплечный мешок, как камень.* [Аъзам 1984: 107], сравниваемый объект – *заплечный мешок*, подобный ему объект – *как камень*. Здесь не употреблено слово «тяжелый», но признак сравнения переходит к «как камень».

3. Непрямое сравнение состоит из предмета и эталона. Основа сравнения и формальный признак сравнения не присутствуют в предложении. Например, он поедет в центр – купить подарков; у Лены много детей, приходит к ней в гости без ничего – неудобно. *Пустые руки – как пустой косов* [Аъзам 2011: 258]. Здесь отображено комментирующее и комментируемое отношение. Пустые руки, то есть руки без ничего, уподоблены *косову* – приспособлению, используемому в хлебопечении для удаления испорченного, подгоревшего хлеба из печи. Для узбеков типично посещать любое место, кого-то или учреждение, с «подарками», которые они могут себе позволить. Особенно если в семье много маленьких детей, неудобно посещать ее с пустыми руками, и это создает неловкую ситуацию, состояние. Автор представляет национальные традиции межличностного общения с помощью этих средств.

4. В простых сравнениях имеется предмет, эталон, основа и формальный показатель. Мы принимаем во внимание сравниваемые предметы и количество событий. Например, *Почему я такой? Почему я не такой, как мой друг по учебе Мадхиддин, мягкий, как изюм, снова и снова говорящий спасибо?* [Аъзам 2002: 7]. Объект сравнения – Мадхиддин, эталон сравнения – *изюм*, основа сравнения – *мягкий*, формальный показатель сравнения – *как* и *подобно*. В этом отрывке уподобляемыми объектами являются человек и изюм. Причиной для этого является присущее у человека спокойствие, молчаливость, сравниваемая с мягкостью изюма. Потому что такие сравнения не употребляются в повседневной речи, такое уподобление человека изюму является типичным признаком индивидуальности сравнения у автора.

5. В двойных сравнениях имеются два из таких признаков: *от грусти я не исхудал и не стал как палка, и не возненавидел мир, и не стал мстить кому-либо из ревности, и не начал писать стихи – выбрав другой путь для ободрения моего разбитого сердца, а именно: любить кого-то от всего сердца.* [Аъзам 2002: 26]; предметы сравнения – грусть и сердце. Эталоны сравнения – дом без хозяина и палка. Основы сравнения – *похудание* и *дом без хозяина*. Формальный

признак сравнения – *как*. В этом сравнении уподобляемый объект и образ, которому уподобляют, разбитое сердце и заброшенный дом, из которых было создано сравнение с помощью творческой догадки. Хотя между этими вещами нет никакого сходства, существует душевное состояние, которое действует как основа сравнения. Дом без хозяина – основа для состояния, при котором никто в него не входит, никто в нем не живет, и пустота сердца человека – основа для этого сравнения. Ужас одиночества, лишение радости для одинокого человека стали причиной для появления такого сравнения.

Затем однажды дочка муллы Шоди, робкая, как птичка, прирученная, как овечка, чья шерсть такая длинная, что достигает земли, вышла на улицу кататься на велосипеде, тогда – о! [Аъзам 2007: 107]. Такие аллегории, как «робкая, как птичка» и «прирученная, как овечка» не являются сложными аллегориями и не основаны на выразительном художественном стиле, но в произведениях Э. Аъзама они выступают как важное средство художественного описания.

6. В многокомпонентных сравнениях три или более уподобляемых предмета совпадают по трем или более эталонам сравнения.

Однажды человек, который мечтал стать поэтом, но неспособный достичь этой цели из-за отсутствия таланта, учитель литературы, глядя на пустые парты, прочитал историю о любви Фархада и Ширин чистую, как весенние рассветы, прозрачную, как родниковая вода, радостную, как горный ручей...» [Аъзам 2007: 30]. Объект сравнения – любовь Фархада и Ширин представлен в виде трех эталонов сравнения. Их любовь – имеет эквиваленты: «чистая, как весенние рассветы», «прозрачная, как родниковая вода», «радостная, как горный ручей». Употребление эталонов сравнения одного за другим усиливает значение и выражает сильную эмоцию.

7. В сравнениях с извлеченными компонентами компонентами являются: уподобляемый объект, подобный ему объект, но признак сравнения с ними не встречается в одном предложении. В них, если уподобляемый объект и подобный ему встречаются в одном предложении, сравнение осуществляет раздробление (разделение, деление) в предикативной форме: *Жизнь как вода в этом ручье. Она течет мимо* [Аъзам 2007: 77] Здесь уподобляемый объект – *жизнь*, подобный объект – *вода в ручье*, признак сравнения – *она течет мимо*. Как известно, старые люди обычно многократно повторяют, что время жизни – кратковременное явление и его не следует тратить напрасно, а использовать эффективно.

Главный персонаж рассказа писателя «Вдоль ручья», Мардон, использовал данное сравнение, и значение сравниваемого первого простого предложения выразительно подчеркивается вторым предложением с признаком сравнения – *течет мимо*.

Таким образом, сравнения, употребляемые в произведениях Э. Аъзама, характеризуют как положительных, так и отрицательных персонажей, они служат для определения существенно важных моментов в описываемых событиях, помогают лучше выявить признаки, особенности, поддерживают эмоционально-экспрессивные стороны языка.

Разнообразие подходов автора к сравнениям, оригинальность описаний, неожиданность, живописность привлекают читателя. Компоненты сравнения, взятые из сокровищницы национального языка, как продукт типичного выразительного мышления узбекской нации, способствует высокой оценке произведений этого автора, и доказывают их лингвопоэтическую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

Аъзам 1984 – Аъзам Э. Олам ям-яшил. Ҳикоялар. Тошкент. Ғ.Ғулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти. 1984.

Аъзам 2001 – Аъзам Э. Пақананинг ошиқ кўнгли Уч қисса ва уч ҳикоя. Тошкент: “Маънавият”, 2001.

Аъзам 2002 – Аъзам Э. Кечикаётган одам. Қиссалар. Тошкент: “Шарқ”, 2002.

Аъзам 2007 – Аъзам Э. Жаннат ўзи қайдадир. Бир йил битиклари (Ҳикоялар, киноқиссалар, драматик асар ва публицистик миниатюралар) Тошкент: “Шарқ”, 2007.

Аъзам 2011 – Аъзам Э. Шовқин. Роман, қисса, ҳикоялар. Тошкент: “Ўзбекистон”. 2011.

Бурханов 2008 – Бурханов З. Ўзбек тилида кўмакчилар ва уларга вазифадош келишиқлар прагматикаси. НДА. Т, 2008.

Ўлдошев 2000 – Ўлдошев М. Чўлпон бадий тил маҳорати. Фил. фанлари номз.... дис. автореф. Т., 2000.

Махмудов 1984 – Махмудов Н.М. Семантико-синтаксическая ассиметрия в простом предложении узбекского языка. Автореф. дис. ... д-ра илол. наук. Ташкент, 1984. – 45 с.

Махмудов 1985 – Махмудов Н.М. Ойбек шеърлятидаги ўхшатишларнинг лингвопоэтикаси // Ўзбек тили ва адабиёти. 1985. № 6. – С. 48-51.

Махмудов 2011 – Махмудов Н.М. Ўхшатишлар – образли тафаккур маҳсули // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2011. – №3. – С. 19-23.

Махмудов, Худойберганова 2013 – Махмудов Н., Худойберганова Д. Ўзбек тили ўхшатишларининг изоҳли луғати. Т., “Маънавият”, 2013.

Мукаррамов 1978 – Мукаррамов М. Ўзбек тилида ўхшатиш. Тошкент: Фан, 1978.

Худойберганова 1989 – Худойберганова Д. Семантический и стилистический анализ конструкций уподобления в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1989.

Худойберганова 2012 – Худойберганова Д. Ўхшатиш мазмунини ифодаловчи матнлар // Ўзбек тили ва адабиёти. 2012. №6. – Б. 15–18.

Toshkhujaeva Shoirahon. Lingua-poetic research of fine literature: descriptive means

Summary. The article is devoted to a detailed description of the similes used in the works of Erkin Azam. These similes show the spiritual and emotional richness of the Uzbek language. The article proposes a classification of the used similes. The article will allow to take a fresh look at the works of Erkin Azam. It uses the methods of lingua-stylistic analysis of literary works.

Key words: descriptive means, simile, Erkin A'zam, lingua-stylistics, Uzbek literature

**ФОРМИРОВАНИЕ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА**

М.М. Хошимхуджаева, г. Ташкент

Резюме. В статье освещаются вопросы формирования фитонимической лексики узбекского языка. Посредством этимологического анализа выделяются группы фитонимов по их происхождению (собственно тюркские, арабские, персидские и др.) и определяются самые главные моменты их истории, повлиявшие на становление современного фитонимической лексики узбекского языка.

Ключевые слова: фитоним, этимология, ботаническая терминология, история формирования, узбекский язык.

Этапы развития ботанической терминологии узбекского языка в разных аспектах были объектами работ у многих исследователей. Но эти работы не достаточно полно отражают общую картину возникновения фитонимической лексики современного узбекского языка. В некоторых работах фитонимы проанализированы по периодам фиксирования в письменных источниках, но этимология этих фитонимов приводится не полностью; в других работах этимологический анализ проведён только в рамках садоводческих терминов. Таким образом, вопрос о языках, за счёт которых обогащался фитонимический пласт узбекского языка и какие факторы повлияли на развитие и становления данного пласта остаются открытым. В этом плане более продуктивным будет анализ фитонимов по их происхождению, так как подобное исследование поможет создать цельную картину формирования фитонимического пласта узбекского языка.

Узбекский язык развивался в течение многих столетий в форме среднеазиатского тюркского языка, сложившегося к XI–XVI вв. на основе карлукско-уйгурских диалектов в Мавераннахре. Этот язык, достигший своего расцвета во времена правления Тимуридов XV–XVI вв., яркими примерами чего является творчество Алишера Навои (1441—1501) и Захириддина Мухаммеда Бабур (1483—1530), берёт своё начало от литературного языка Караханидского государства XI–XII вв. [Абдурахманов 2005]. Более ранняя же история появления и развитие тюркских народов представляют собой цепь сложных многовековых процессов, описать или объяснить которые очень трудно, так как они происходили не только на территории Средней Азии, но и в других регионах, таких как Алтай, Восточный Китай и Ближний Восток. В результате этих процессов тюркские языки видоизменялись и разделились на определённые диалектные группы, которые, в свою очередь, состояли из множества других более мелких диалектов. Несмотря на это некоторые характерные черты фитонимов, присущие всем тюркским языкам, сохранились и по сей день, в том числе и в узбекском языке.

Как известно, самыми древними фитонимами в узбекском языке считаются названия растений древнетюркского происхождения. В первую очередь это название базовых в рационе тюркоязычных народов злаков, таких как просо, ячмень и пшеница. Рассмотрим их поближе:

- *тариқ* – в современном узбекском языке употребляется в значении «просо», восходит к общетюркскому слову *taryu*, встречающемуся во всех тюркских языках в разных фонетических вариациях. Как показывает анализ данного слова, его первичными значениями были «возделывание земли» и «злак, зерно». В первичном значении «взрыхлять мотыгой, обрабатывать, возделывать под посев землю» для производящего глагола *tary-* значение «возделанная» видится как исходное. Значение «злаки», не будучи именем результата от этого глагола, следует понимать как метафорический перенос отличительного признака вещи на ее название: «возделанные, сеяные злаки» в отличие от дикорастущих, которые люди продолжали собирать [СИГТЯ 1997: 456-457]. Между тем, «...Махмуд Кашгари особо отмечает, что значение “просо” у слова *taryu* ‘зерно, пшеница’ свойственно только языку огузов...» [СИГТЯ 1997: 456]. Следовательно, можно предполагать, что значение «просо» у *taryu* выработалось и закрепилось в древних огузских диалектах. Это могло быть связано с обозначением «культурного, возделанного» проса в отличие от дикороса при покупке зерна или при заимствовании культуры возделывания этого злака огузоязычными племенами от племен уйгуроязычных. Об этом говорит карлукская, т.е. исконная для узбекского и уйгурского языка, форма *tariq* [СИГТЯ 1997: 458].

- *арпа* – ячмень, считается одной из древнейших культур, возделываемых тюрками. Почти во всех тюркских языках он называется одинаково – *арпа*, что свидетельствует об его очень важном значении в жизни тюркских народов (этот злак служил основным кормом для лошадей). Предполагается, что внутренняя форма слова связана с необычной формой ячменя: «указание на топорщащуюся вверх и чуть в стороны остистую метелку, которая у ячменя самая длинная из всех злаков» [СИГТЯ 1997: 460].

- *бугдой* – пшеница, вероятно, восходит к монгольскому *bodayaj*. «Пшеница, со временем важнейшая продовольственная культура, была освоена тюрками позже первых двух злаков (просо и ячмень). За это говорит и возможная мотивация ее названия через «просо», и отсутствие собственного слова в других алтайских ветвях...» [СИГТЯ 1997: 456]. А. Йоки возводит тюркское слово *boydaj* к китайскому *mo^wk-lâi* ‘пшеница’ откуда *boylai* и *boydai* [ЭСТЯ 1978: 232]. «Если учесть, что тюркское *boydaj* морфологически составно и что для наименования «пшеницы», вошедшей в исторический обиход тюрков позднее «проса / пшена», могла быть использована производная форма от названия «пшена», то архетип и этапы его перестроения можно реконструировать следующим образом: *boda + -ya(j) > bod(a)ya(j) > метатеза > boydaj > boydaj*» [СИГТЯ 1997: 463].

- *ясмиқ* – чечевица, 1. Предположительно, что данное слово мотивировано формой чечевичного зерна: *jasmuq* «сплюснутый с концов», от глагола *jas-* «делать плоским, сплющивать». 2. Это слово восходит к прилагательному *jasy* «плоский» и аффикс *-miq* выступает со значением неполноты признака [ЭСТЯ 1989: 154].

- *бурчоқ* – чина, является производным от глагола *bur-* «вить, обвивать, сгибаться», образованным с помощью аффикса *-chaq* со значением «орудие, средство субъекта действия». Очевидно, связано со способом произрастания растения – вьющееся растение из семейства бобовых.

- *сули* – овёс, происхождение неизвестно. 1. Согласно археологическим данным овес вошел в культуру достаточно поздно, в эпоху железа, первоначально сопровождая пшеницу как ее сорняк и отсутствие не только алтайского, но и общетюркского, общемонгольского, общетунгусо-маньчжурского названий овса свидетельствует о том, что данное слово является заимствованием. 2. Вероятно, слово происходит от персидского *šoli* «неочищенный рис» [СИГТЯ 1997: 434].

Почти все эти фитонимы представлены во многих тюркских языках с незначительными изменениями со схожими значениями. Данный факт свидетельствует об особом значении этих растений с древних времён в жизни тюркских народов, в том числе и узбекского.

Так, помимо зерновых культур и злаков, те растения, которые использовались как корм для домашних животных или в лечебных целях также имели большое значение, так как некоторые из них сохранились в узбекском языке в неизменном виде:

- *янтоқ* – верблюжья колючка, от общетюркского *jandaq*, слово сформировано путём добавления аффикса *-daq* к глаголу *jan-* «гореть» [Рахматуллаев 2000: 138]. Есть предположение, что растение использовалось при обжарке гончарных изделий. Это объясняет наличие глагола «гореть».

- *йўнғичқа* – клевер, от древнетюркского *yorunçqa*. Предполагается, что растение использовалось при гадании. Слово связывается с глаголом *jōr-* «предсказывать, раскрывать сны, приметы». Но полная этимология слова раскрыта не полностью [Рахматуллаев 2000: 192]. У этого растения есть другое, более позднее название – *беда*, заимствованное из персидского языка, которое активно используется в лексике узбекского языка как синоним более ранней формы *йўнғичқа*.

- *болтирғон* – от общетюркского *baltyryan*, наименование различных растений из семейства зонтичных, главным образом съедобных. В узбекском языке существует в форме *ойболтирғон* для обозначения «дягиля». Мотив номинации связывается с компонентом *baltyr* «свежий, молодой, младший» который прослеживается и в других тюркских языках в этом значении: каз. *balyun sop* «зеленая трава» и *balyun zas* «цветущая молодость»; кирг. *baldyrqan jas* «детский возраст». Быть может, название связано с соком или смолой, которую получают из этого растения.

- *андиз* – девясил, от общетюркского *andiz*, самая ранняя форма, упомянутая Махмудом Кашгари – *anduz*, по всей вероятности происходит от компонента *an-* в значении растение, употребляемое как лекарство для людей и животных.

Названия неплодоносных деревьев с тюркским корнями не очень широко представлены в узбекском языке. Это обусловлено их более скромным значением в сравнении с плодоносными деревьями в узбекской культуре.

- *жўка* – липа, от общетюркского *jōke*. Сопоставляя тюркский и финно-угорский материал, О. Беке предполагает, что первоначальным значением *jōke* было «лыко» которое получают из липы [СИГТЯ 1997: 128].

- *арча* – можжевельник зеравшанский, ёлка, туя, *arča* от глагола *ary-* «становиться чистым, очищаться» + афф. *-ča*, что дает в результате *aryča > arča*. По всей вероятности, подобное название связано тем, что можжевельник использовался в быту как средство для очищения [СИГТЯ 1997: 129].

- *қайин* – береза, от общетюркского *qajin* «берёза». Этимология не ясна.

- *қарағай* – сосна, от общетюркского *qarayaj*, считается, что тюрк. *qarayaj* заимствовано из монгольского *qarayai* 'лиственница' [ЭСТЯ 1997: 291].

- *итжумрут* – крушина, от общетюркского *it-* «пёс» + *šumurt* > *jumyrt* «черёмуха». Вероятно, мотивом для номинации послужила схожесть плодов черёмухи и крушины. Вместе с тем, другие свойства крушины (колючесть, горький вкус плодов) объясняет добавления компонента *it-* со смыслом «собачий, несъедобный, колючий» [ЭСНР 2015].

Как видим, фитонимическая лексика современного узбекского языка тюркского происхождения не выделяется многообразием среди названий культурных растений. До того как тюркские племена приобрели оседлый образ жизни, в их лексике существовали только названия дикорастущих растений (плодов, трав, ягод).

- *қорақат* – смородина, от тюркского *qaraqat*. Лексема по составу состоит из *qara* «черный» + *qat* «ягода», по всей вероятности связано с тёмной окраской плодов растения [СИГТЯ 1997: 125].

- *ёнгоқ* – грецкий орех, от тюркского *jaŋaq*. Есть предположение, что название является производным от *jaŋ* «масло» + афф. *-aq*. При такой этимологии все фонетические варианты слова производны от *jaŋa:q* (>*jaŋaq*>*jaŋ'ya°q*>*jaŋyaq*) [СИГТЯ 1997: 123].

- *дўлана* – боярышник, по всей вероятности лексема *dolayana* является монгольского происхождения [СИГТЯ 1997: 105].

- *булдургун* – ежевика, от тюркского *böldirgen*. Этимологически *böldirgen* восходит к глаголу *bödir-* + афф. *-gen*. Значение глагола остается неизвестным [СИГТЯ 1997: 114].

Термины, связанные с садоводством и растениеводством, появились позже, в основном за счёт заимствования, в малой части из арабского и в большей – из персидского языка.

В VI в. территория Средней Азии была завоёвана арабами и как следствие народы, проживавшие на этой территории, подверглись исламизации. Это способствовало значительному влиянию ислама и арабского языка на языки местных народов. Примером этому являются сохранившиеся до наших дней некоторые фитонимы – арабские заимствования в узбекском языке: *заъфарон* ‘шафран’ от арабского *za'farān* ‘шафран’; *зайтун* ‘олива’, от арабского *zaitun* ‘олива’; *зира* ‘буниум’, от арабского *zar'a* ‘растение’.

В узбекском языке существует достаточно много персидских заимствований. Известно, что в исламском мире персидский язык, или фарси, использовался наравне с арабским языком как официальный язык науки и канцелярии. Кроме того, на протяжении многих веков народы, говорящие на тюркском языке, жили в тесном взаимодействии с народами, говорящими на персидском языке, вследствие чего соприкасались и влияли друг на друга. Собственно, персидские заимствования в узбекском языке являются более поздними. Об этом свидетельствует некоторые фитонимы – заимствования, заменившие некоторые названия собственно тюркского происхождения.

- *пиёз* – лук, от *pijaz* иранского происхождения. Однако общеизвестным у тюрков было слово *soyan*, его параллель *pijaz*, будучи иранизмом, охватывает только среднеазиатскую область и несет дополнительное значение «свежий» [СИГТЯ 1997: 141].

- *бехи* – айва, от таджикского *bihī* ‘айва’. До заимствования формы *бехи* в староузбекском языке использовался фитоним *ajva*. Этимология неясна.

- *ўрик* – абрикос, *örük* от общетюркского *ürük* со значением «нечто, наполненное воздухом в виде шара, шарика», что вполне подходит к общему виду всех косточковых. Это доказывает тот факт, что в староузбекском языке форма *ürük* использовалась как опорный компонент для обозначения других видов костяных

плодов, в таких сочетаниях, как *qara üriük* ‘слива’, *saryu üriük* ‘абрикос’, *tuluü üriük* ‘персик’ [Жамолхонов 1969: 11]. Но потом сочетания *qara üriük* и *tuluü üriük* были заменены фитонимами персидского происхождения (*qaroli* ‘слива’, *shaftoli* ‘персик’ и др.) [СИГТЯ 1997: 137]. В значении абрикоса в литературном узбекском языке используется только слово *üriük*, модификатор *saryu* ‘жёлтый’ был утерян. В диалектах также встречается форма *zardoli*, заимствованная из таджикского языка [Абдурахманов и др. 1991: 130].

- *gilos* – вишня, черешня, от персидского *gilas* ‘черешня’. Собственно тюркский термин для вишни в пратюркском был *cije*, перс. форма *gilos* была зонально ограничена [СИГТЯ 1997: 138]. В настоящее время *cije* используется в узбекском языке только в значении некоторых дикорастущих видов горной вишни (вишни Тяньшанской и вишни красноплодной). В некоторых диалектах узбекского языка встречается фитоним *olvoli* ‘вишня’, восходящий к *albaly*, заимствованному из таджикского языка [Абдурахманов, Садыков, Насыров, Турабова: 132].

- *нок* – груша, от таджик. *nok* ‘груша’. Более ранней, собственно тюркской формой является *amrut*, сохранившейся во многих тюркских языках в этом смысле, включая некоторые узбекские диалекты в форме *almurut*, *olmurut* или *turut*. Также встречается фитоним *naivati* в значении некоторых горных сортов груши, этимология неясна [Абдурахманов, Садыков, Насыров, Турабова 1991: 133].

В современном узбекском языке существует множество фитонимов персидского происхождения, что свидетельствует об особом влиянии этого языка на становление фитонимического пласта узбекского языка.

- *анжир* – инжир, от таджикского *ançir* ‘инжир’ [Рахматуллаев 2000: 10];

- *баргизуб* – подорожник, от таджик. *барг* (лист) + *дзуб* (от глаг. *дзаба* ‘таять, становиться жидким’). В основу номинации лег тот факт, что листья растения применялись в лекарственных целях в измельчённом виде [Рахматуллаев 2000: 22];

- *бангидевона* – дурман, от тадж. *банги* (наркоман) + *девона* (сумасшедший), название связано с сильными галлюцинациями и отравлением людей и скота, вызванными содержащимися в растении токсичными веществами [ЭСНР 2015];

- *гандамия* – тернопсис, от таджикского *ганда* (плохой, гнилой) + *мия* (общее название для растений семейства бобовых), название связано с отравлением скота, вызванные содержащимися в растении токсичными веществами [ЭСНР 2015];

- *гармдори* – острый перец, от таджик. *гарм* (горячий) + *дору* (лекарство), название связано с острым вкусом и использованием растения в лечебных целях [Рахматуллаев 2000: 61];

- *гулхайри* – альтея, от таджикского *гул* (цветок) + арабское *хайр* (благо). Название связано с благотворными свойствами растения [Рахматуллаев 2000: 69].

Без сомнения, арабские и персидские заимствования сыграли большую роль в развитии и становлении фитонимического пласта узбекского языка, но немало важную роль в этом процессе сыграл и русский язык. Как результат исторических, политических и социальных событий, самые поздние и даже новейшие фитонимы проникли в узбекский язык из разных языков мира именно через русский язык. Это касается названий самых обычных растений на сегодняшний день (*картофель*, *помидор*, *щавель*, *редис* и др.). Часто причиной заимствования являлся тот факт, что некоторых растений попросту не существовало в рационе узбеков. Эти культуры появились после завоевания территории Средней Азии Русской империей в конце XIX – в начале XX в. Самыми поздними или новейшими заимствованиями из русского языка являются экзотифонимы, такие как *банан*, *ананас*, *киви*, *апельсин*, *манго*, *гуава*, *грейпфрут*, *папайя*, *лайм*, *розмарин*, *тимьян*,

рукколо, брокколи, старфрут, дрэгонфрут и многие др. Этот процесс продолжается и по сей день как результат мировой интеграции узбекской культуры, обогащая и расширяя таким образом фитонимический пласт узбекского языка.

Как видим, фитонимия узбекского языка состоит из несколько слоёв с особой историей формирования. Тщательное изучение разных слоёв фитонимов доказывает, что формирование в данном случае фитонимического пласта тесно связано не только с климатом, географией определённой территории, с культурой и традициями народов, проживавших на этой территории, как это принято считать, но и со многими историческими моментами.

ЛИТЕРАТУРА

Абдурахманов 2005 – Абдурахманов Л.Л. Этногенез узбекского народа и развитие его языка (<http://turkology.tk/library/405>)

Абдурахманов и др. 1991 – Абдурахманов Д., Садыков Т., Насыров Ш., Турабова М. Ўзбек шевалари лексикаси. – Тошкент, 1991.

Жамолхонов 1969 – Жамолхонов Х. Ўзбек ботаника терминологиясининг шаклланиш ва ривожланиш тарихидан / Фил. фан. ном. ... дис. автореферати. – Тошкент, 1969.

Рахматуллаев 2000 – Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар) – Тошкент, 2000.

ЭСТЯ 1978 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» – М., Наука, 1978.

ЭСТЯ 1989 – Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й". – М., Наука, 1989.

СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М., Наука, 1997.

ЭСНР 2015 – Plantarium. Электронный словарь названий растений [Электронный ресурс] - Электрон. дан. – Т. 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы "К" (~"Г") и "Қ" (~"К"~ "К"). Выпуск первый / РАН. Институт языкознания / Отв. ред. д.ф.н. Г. Ф. Благова. – М: Языки русской культуры, 1997.

Khoshimkhudjaeva M.M. Formation of fytonymy lexicon of the Uzbek language

Summary. The article deals with the origin of plant names in the Uzbek language. By their etymology, Uzbek plant names are classified into several groups (Turkic, Arabian, Persian, etc.). The author addresses the most important moments in the history of the Uzbek language that had influenced the formation of the Uzbek plant names.

Key words: plant names, etymology, history of formation, Uzbek language

НАРТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

И.Г. Добродомов, г. Москва

Резюме. В статье обсуждаются нерешенные проблемы этимологии Северокавказского эпического этнонима *нарты* как широко распространенного в Восточной Европе иранизма.

Ключевые слова: иранизмы, Восточная Европа, этимология, бродячие термины, заимствования

Северокавказский эпический этноним *нарты* породил значительную литературу, бесперспективность которой сформулировал уже в начале 20-х годов XX в. Н.С. Трубецкой: «термин *Нарт* не может быть разъяснен ни на одном из северокавказских языков»¹.

Этот вопрос остался открытым и в конце XX в.: «Эпический этноним *нарт*, как известно, до сих пор не получил удовлетворительного объяснения»², хотя он, по списку В.И. Абаева, представлен в кабард., адыгейск., убыхск., абхазск., балкарск., карачаевск., чеченск., ингушск., аварск., даргинск., сванск., а также в абазинск. и лакск. языках. Встречается это слово и в русских текстах кавказской тематики³.

Созвучное с кавказским эпическим этнонимом *нарты* целое гнездо из двух слов обнаруживается в далёких от Кавказа русских смоленских говорах. Последнее получило у М. Фасмера неубедительную этимологию: *на́ртиться* «упрямиться, вставать на дыбы (о лошади)», смол. (Добровольский), откуда *нарт* «упрямец, нахал» (там же). Из *на+ръть* «острие», букв. «подниматься на задние ноги» (см. *рот*)⁴.

Смоленское диалектное оценочное слово *нарт* 'нахал, упрямец' семантически ближе с названием эпического персонажа с Кавказа, чем с острием, хотя тональность оценки не совпадает.

У смоленского диалектизма обнаружили белорусские и литовские параллели, причем первые получили объяснение как литуанизмы:

¹ Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1921. XXII. 251-252.

² Смирнов С.А. Этимология эпического этнонима *нарт* // Этимология 1994-1996. М., 1997. С. 177-179.

³ Гальченко И.Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975. 200 с. С. 109-110.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987. С. 76, со ссылкой на: Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. С. 459.

«НАРТ. Блр. нарт, анарт деспот, который диктует свою волю всем членам своей семьи и другим лицам; упрямец – мог<илёвское> (Вержбовский); нард упрямое дитя или скотина – диал. (Вержбовский) <> Рус. нарт дерзец, упрямец, нахал – смол. (Добр<овольский>); ср. нартиться – упрячиться – там же.

Лит. *partùs* “норовистый”, ср. *partėti* “неистовствовать” (Вержбовский 532-533)»⁵.

Не затрагивая кавказского материала, А.Е. Аникин обнаружил интересную параллель в коми-зырянском материале:

«Нарт ‘безжалостный, доводящий до изнурения’, ‘притесняющий’, лл. сс. ‘упрямый, своенравный, непослушный’ (ССКЗД 235), производные: *нартитны* ‘изнурять тяжелой работой’, *нартитом* ‘угнетение, эксплуатация’, ? *нартнӧ* зд. ‘охотно, с желанием’ (Диал. хр.) || ? сопоставляется с фин. *närkäs ~ närkäs* ‘нетерпеливый, вспыльчивый’»⁶.

Связь между смоленским диалектизмом, белорусским и коми-зырянским *нарт* А.Е. Аникин удачно объясняет исчезновением этого слова с промежуточной территории, между оказавшимися разорванными ареалами на севере и западе русской территории с присоединившейся к ней литовской. Однако, строго говоря, это не может считаться этимологией.

А.Е. Аникин также убедительно доказал неправомочность частичного привлечения рассматриваемого нами материала к этимологизации славянских слов с материальной семантикой *нарт* ‘верхняя часть ступни, лыжи’, ‘сани с широкими полозьями’ в «Этимологическом словаре славянских языков» (Вып. 23. М., 1996. С. 21)⁷.

Надо заметить, что рассматриваемое здесь название *нарты*, *нарт* во всех языках не имеет хорошей, общепринятой этимологии, хотя их общее происхождение кажется весьма вероятным: они могут восходить к общему источнику, успевшему исчезнуть на территории между регионами современного распространения слова *нарт*, *нарты*, которое испытало в разных регионах разные семантические изменения, но осталось в сфере эмоциональной оценки – как положительной, так и отрицательной.

Раздвоение семантики и стилистической окрашенности этнонима *нарты* (позитивной на юге и пейоративной на северо-западе) объясняется воздействием сочетаний типа «безумная храбрость», в которых актуализируется то первый, то второй компонент семантики словосочетания. Это противопоставление двух крайностей у богатыря проявляется и в русской ходячей поговорке: «Сила есть – ума не надо».

Надо учесть, что конечная часть *-тае* осетинского названия *нартае*, представляет собой аффикс множественного числа, с помощью которого образуются фамилии и родовые названия, что позволяет выделить в слове *нарты* корень *нар-*, который широко представлен не только в иранских языках в

⁵ Лаучюте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. С. 56, со ссылкой на диссертацию: Вержбоўскі А.А. Беларуска-літоўскія ўзаемасувязі. Мінск, 1960.

⁶ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 186.

⁷ Аникин А.Е. Славянская лексика на неславянском фоне. Этимологические заметки // Этимология 1997-1999. М., 2000. С. 7-9. (6-12). Мызников С.А. Некоторые аспекты этимологического анализа лексики коми языка // Труды Карельского научного центра РАН № 3. 2014. С. 95.

значении ‘мужчина, самец’: персидск. *nar* ‘самец’, *nargāv* ‘бык’, *har-i nar* ‘осёл’, *šutur-i nar* ‘верблюд’, *saqni nar* ‘кобель’, *šīr-i nar* и т. п., лурск. *nartāk* ‘кабан’, тадж. *nar* ‘самец’, *naryul* ‘мужлан, грубый парень’ (согд. *nyrw-od*), *narasp* ‘смирный жеребец’ при тюркизме *ayūr* ‘жеребец’ (осетин. *nællæx* и *wyrs*) пехлев. *nar*, курд. *nēr*, белудж. *nar* ‘самец’, *naryān* ‘самец’, *nérak* ‘петух’, афган. *nar*; памирск.: мунджанск.; памирск.: идга *нар*; памирск.: шугнанск. *neir*, *nīr* ‘самец’, *nīr markal* ‘осёл’; памирск.: рушанск. *nēr*; памирск.: сарыкольск. *nier*; памирск.: ишкашимск. *nar*, *nark*; памирск.: сангличск. *narak*, *nark* ‘самец’, ‘баран’; памирск.: язгулямск. *nar*; согдийск. **nerak* (*nyrk*) из **naryaka-*, сакск. (хотанск.) *naḍe*, *naḍaun* (из **naravan-*?), авест. *nar-nair̥yn* (*striča nair̥yasča* = осет. *syl ætæ næl*), др.-инд. *nar-*, *narya-* ‘самец’, ‘мужчина’; др.-ирл. *ner* ‘кабан’, кимр. *ner* ‘герой’, греч. ἀνήρ, алб. *njer* ‘мужчина’ и пр.

С этими иранскими словами сопоставляли осетинские *нартæ*, хотя этому препятствовало следующее обстоятельство: осетинское соответствие этим словам закономерно звучит как *нæл* (из иранск. **narya-* < индоевроп. **neryo-*)⁸.

Особенно опасна случайная встреча отдельных слов в удалённых территориально друг от друга языках, В.И. Абаев – за неимением лучшей этимологии – решил этимологически увязать осетинское *нартæ* с монгольским *нар(ан)* ‘солнце’, опираясь на один текст, где нарты были названы детьми солнца, и наличие солярных мотивов в осетинском эпосе.

Одна из последних работ о происхождении слова *нарт* уточнила некоторые детали об употреблении слова *нарт*,⁹ но этимология с мёртвой точки так и не сдвинулась.

В рамках романтической монгольской этимологии для осетинского *нартæ* ‘герои кавказского эпоса’ от монгольского *нар(ан)* ‘солнце’ В.И. Абаев привлекает сюда также чувашское *нар*, сохранившееся лишь в составе сравнения *нар пек* (буквально ‘как нар’: *нар пек хёрлĕ* ‘красный как нар’ – румяный, красивый). Отсюда, вероятно, заимствовано марийск. *онар* ‘богатырь, великан’ (в старинной легенде), в составе парного слова *нар-эдем* ‘великан’ (горномарийск.).

Фонетическое тождество корней в осетинском *нартæ* и в чувашском *нар* трудно отрицать, как и их семантическую близость, что говорит об их генетическом единстве, только искать их единство следует не в далёком монгольском *нар(ан)* ‘солнце’, хотя монголы в XIII в. и вторглись в Восточную Европу, оставив некоторые следы в языках этого обширного региона, но они вскоре были ассимилированы и влились в состав местного населения.

Экспансия иранского слова *нар* (с краткой огласовкой!) достигла и Западной Европы, охватив некоторую часть германских языков, где зафиксирован его загадочный этимологический рефлекс (также с кратким гласным): немецк. *Narr* ‘дурак’, древневерхненемецк. *narro*, средневерхненемецк. *narre*, новоголландск., датск. *nar*, шведск. *narr* ‘шут’. Первоначально только верхненемецкое слово имеет спорную этимологию: из позднелатинского

⁸ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. Л., 1973. С. 166-167.

⁹ Гаглойти Ю.С. О происхождении термина нарт // Дарьял. 2001. № 3.

nārio ‘насмешник’ (с долгим гласным корня!), которую трудно признать не только фонетически, но и семантически¹⁰.

Приходится предполагать, что и в осетинском языке *нартæ* представляет собой заимствование из такого иранского языка типа персидского, где *nar* не изменялись в *næl*, как это имело место в осетинском. Следовательно, *нартæ* в осетинском языке является результатом внутрииранского заимствования.

Большая семантическая близость или даже тождество исконного осетинского *næl* и заимствования из другого иранского языка *nar* была преодолена их дифференциацией, которая выразилась в оптимизации заимствования и сохранении первоначального значения у исконного *næl*.

Возможно, что здесь в осетинском языке мы имеем дело с таким загадочным явлением как перекрёстные изоглоссы: «повсюду в диалектах мы встречаемся с перекрёстными или встречными изоглоссами, повсюду характерные черты одного диалекта бывают в виде единичных явлений вкраплены в ткань другого»; «в любом языке (диалекте) наряду с господствующими, специфическими для него чертами, выступают в виде единичных вкраплений элементы и признаки соседних языков (диалектов)»¹¹.

Далёкое продвижение иранизма *нар-* на Запад имеет неплохую аналогию в наблюдении О.Н. Трубочёва над иранизмами славянских языков, которые (иранизмы) более заметны в западнославянских языках, чем на других славянских территориях¹².

Остаются без объяснения начальный гласный в белорусском *анарт* и в марийском *онар* ‘богатырь, великан’, а также озвончение конечного согласного в белорусском *нард*. Остаётся вопрос об отношении сюда мордовского (эрзянского) *нарде(в)* ‘крепость, прочность, выносливость, сила’.

Осталось за пределами настоящего разыскания загадочное изолированное в хакасском языке *нартпак* ‘сказка’ (диал.), *нарпах* (при *нымах*) ‘сказка, сказание’ в восточносибирском регионе тюркских языков.

Как часто бывает в этимологических разысканиях, здесь осталась в стороне за недостатком материала проблема хронологии сложного движения слов из одной языковой области в другую, что может составить предмет особого разыскания.

Этноним *нарт* с его причудливой семантикой и географией не является единственным иранизмом в Восточной Европе.

Уже Фр. Миклошич обратил внимание на славянское слово *хата* и его связь с иранским **kata-* ‘дом’¹³; [см. авест. *kata-* ‘строение, чулан’, хотан. *kata-*, согд. *kt-*, *kt'k*, перс. *kād*, мундж. *kaу*, йидга *kyei* (из **kataka-*) – вахан. *kut*, бактр. *кадоуо*, *кадоуо*, афг. *kəlai* ‘деревня’ (из **kataka-*) и т. д.]¹⁴

¹⁰ Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Auflage. Berlin – New York, 1975. S. 503.

¹¹ Абаев В.И. О перекрестных изоглоссах // Этимология. 1966. М., 1968. С. 247-263. С. 248, 263.

¹² Трубочёв О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967. С. 81.

¹³ Miclosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. S. 423.

¹⁴ Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М., 2016. 232. с. С. 69.

Можно полагать, что хорошо сохранившее свою фонетику слово *нарты*, *нар* попало в языки Евразии позже, чем сильно изменившееся фонетически иранские названия дома **kata-*.

Иранское происхождение восточнославянского слова *хата* (белорусск., русск. южное, украинское), которое вторично проникло и к западным славянам, совпадая с областью распространения фрикативного *γ* в славянских языках, недавно было поддержано В. Блажеком. Вероятно, к тому же иранскому источнику **kata-* восходит и общеславянское **kotъ*, сохранившееся в составе производных типа **kotъсь* ‘хлев’ или русск. *котух*¹⁵.

Особо следует отметить проникновение иранизма со значением ‘хижина’ в германские языки: сканд. *kot*, англ. *cot*, нем. диал. *Kot(e)*, *Kote*¹⁶ и т. п., поскольку это слово с романским суффиксом (лат. *cotagium*, ст.-фр. *cotage*) пришло в русский язык в английской форме *cottage* как *коттедж*.

Экспансия иранского бродячего слова распространялась и на Восток, в том числе и на Дальний. Оно есть и в тюркских языках: узбек. диал. в Афганистане – *kita* ‘дом’, в чагатайск., новоуйгурск., казахском *қотан*, киргиз. *котон*, якут. *хотон* ‘хлев, помещение для скота’ и т. п.

В формах *котон*, *коти* и в значении ‘хлев’, ‘загон для скота’, а также ‘город’ оно зафиксировано в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках¹⁷.

В разных формах, но близких значениях оно присутствует в языках айнского (*kot* ‘двор’), тамильском (*kuti* ‘хижина’), корейском (*kot* ‘place, locality, site’), нивхском (*хота*, *хотаң* ‘город’).

В значении ‘зимняя стоянка скота вне селения; пастбище; загон для скота’ слов *кутан* отмечено на Северном Кавказе в разных языках и употребительно в русских текстах как регионализм¹⁸.

Проникшее на финно-угорскую почву иранское слово охватило почти все языки этой семьи: финн. *kota* ‘шалаш’, эстон. *koda* (род. падеж *koa*) ‘дом’, мордовск.: эрз. *кудо* ‘дом’, мокш. *куд*, марийск. *кудо* ‘лачуга, шалаш’, ‘двор’.

В пермских языках это слово сохранилось как вторая часть названия дома в сложных словах: *кор-ка* ‘дом, изба’, коми-зыр. *кер-ка* ‘дом, изба’ (где первая часть *кор-*, *кер-* означает ‘бревно’), венг. *ház*¹⁹.

Венгерское слово *ház* ‘дом’ интересно тем, что оно попало в русский воровской жаргон как *ха́за*, *хазовка*, *хазу́ха* ‘квартира, притон’.

¹⁵ Блажек В. Irano-Slavica — К хронологии старых иранских заимствований в славянских языках // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. IV: Этимология. М., 2015. С. 77.

¹⁶ Brøndal V. Mots “scythes” en nordique primitif // Acta Philologica Scandinavica. III. 1928. P. 1-31.

¹⁷ Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, S. 284; Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских и монгольских языков. Т. I. Л., 1975. С. 418-419.

¹⁸ Гальченко И.Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975. 200 с. С. 95-96.

¹⁹ Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I. Budapest, 1988. S. 190.

Зафиксированное милицейским жаргонным словарем коми-зырянское название дома *керка* как название богатой квартиры попало в некритические собрания жаргонной криминальной лексики:

кёрка, *угол*. ‘богатая квартира’; также

кёрка ‘квартира богатого человека’. *Бабе можно и на керку домработницей устроиться, а там уж пусть сама примечает, где плохо лежит*. [От нем. *Kerker* – “тюрьма”]²⁰.

Dobrodomov I.G. Narty in Eastern Europe

Summary. The article addresses unsolved problems of etymology of the North Caucasian epic ethnonym *narty*, also widely spread in Eastern Europe.

Key words: Iranisms, Eastern Europe, etymology, internationalisms (*Wanderwörter*), borrowings

²⁰ *Балдаев, Д.С.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона [Текст] / Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – Одинцово: Края Москвы, 1992. С. 103; *Мокиенко, В.М.* Большой словарь русского жаргона [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 252; *Грачёв, М.А.* Словарь тысячелетнего русского арга [Текст] / М.А. Грачёв. – М.: Рипол Классик, 2003. – С. 396.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Сыздыкова Ж.С., Жигульская Д.В., г. Москва

Резюме. В публикации содержится информация о посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан Международной научно-практической конференции «Казахстан в мировой истории: вечные ценности и новые горизонты» (9–10 декабря 2016 г., Москва).

Ключевые слова: Казахстан, история, конференция, международное сотрудничество

Декабрь уходящего 2016 г. ознаменовался важным событием для академического сообщества России и Казахстана. 9–10 декабря в Москве состоялась Международная научно-практическая конференция «Казахстан в мировой истории: вечные ценности и новые горизонты», посвященная 25-летию независимости Республики Казахстан. Организатором этого мероприятия выступил Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова при поддержке Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации.

Конференция вызвала живой интерес научного и экспертного сообщества: в ней приняли участие известные ученые, видные общественные деятели, политологи, журналисты. Целью конференции стало обсуждение и анализ основных исторических этапов развития Казахстана, его роли и места в современном мировом сообществе, а также рассмотрение различных интеграционных проектов с участием Казахстана. Серьезное внимание было уделено вопросам двустороннего сотрудничества России и Казахстана, а также различным форматам региональной кооперации, в особенности в сфере безопасности и экономики. Проблемы, затрагивающие расширение сотрудничества в культурно-образовательной сфере, вопросы формирования и трансформации национального самосознания, изучения литературы и языка также стали предметом докладов и дискуссий участников конференции.

Торжественное открытие конференции состоялось в Белом зале Государственного геологического музея имени В.И. Вернадского РАН. Президент ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, д. ист. н., проф. *М.С. Мейер*, открывая мероприятие, подчеркнул тот факт, что в названии конференции присутствует словосочетание «новые горизонты», что особенно важно сегодня: «изучение новой истории Казахстана и сотрудничества между Россией и Казахстаном в последнее время вызывает активный интерес среди ученых, к изучению этой тематики подключаются все новые молодые специалисты».

С подробным докладом о достижениях Казахстана выступил советник-посланник Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации *М.З. Сыздыков*, который отметил, что за четверть века Казахстан состоялся как суверенная страна с крепкой государственностью, растущей национальной экономикой, политической стабильностью, миром и согласием граждан всех национальностей и конфессий.

Вице-президент Общества востоковедов России, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН проф. *Д.Д. Васильев* поздравил казахстанцев с 25-летием независимости страны и отметил, что корни казахской государственности уходят в глубину веков, о чем свидетельствуют исторические и архивные документы, в частности, дипломатическая переписка казахских ханов. Он подчеркнул значение либеральной казахской интеллигенции начала XX в., разрабатывавшей идеи независимого развития страны. *Д.Д. Васильев* особо отметил вклад казахстанских ученых в развитие тюркологии. В Казахстане работает Тюркская академия, издающая фундаментальные труды, а сама страна сейчас выходит на первые роли в научной тюркологии.

На пленарном заседании проф. *М.С. Мейер* прочитал доклад «Исторический опыт последней кочевой империи Евразии», в котором провел анализ исторического опыта Казахстана. В частности, он отметил военно-политическую устойчивость казахской государственности в XV–XVIII вв. Большое влияние на современную науку оказало творчество выдающегося казахского писателя Олжаса Омаровича Сулейменова, в частности, его взгляд на «Слово о полку Игореве», который он высказал в книге «Аз и Я». Кроме того, *М.С. Мейер* предложил обратиться с инициативой к Ученому совету МГУ имени М.В. Ломоносова о присуждении Олжасу Сулейменову звания почетного доктора наук Московского университета. Предложение было единогласно поддержано участниками конференции.

Заместитель Генерального секретаря Организации Договора Коллективной Безопасности *А.К. Жанкулиев* выступил с докладом «Вклад Казахстана в укрепление региональной безопасности». По его словам, обеспечение коллективной безопасности по всем направлениям является условием поддержания мира на всем евразийском пространстве.

А.Б. Кишкембаев, руководитель Секретариата члена Коллегии – Министра по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), рассказал присутствующим об «Интеграционных инициативах независимого Казахстана на постсоветском пространстве».

Генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) *В.В. Федоров* свое выступление посвятил «Российско-Казахстанским отношениям: взгляд из России». В своем докладе он показал динамику отношения россиян к Казахстану за последние пять лет. Половина опрошенных россиян называют Казахстан наиболее успешной из постсоветских стран, причем за последние годы эта цифра выросла на треть. 53% респондентов считают Казахстан самым надежным партнером. Существенно вырос рейтинг доверия граждан России к президенту Казахстана Н. Назарбаеву – с 32 до 45%. При оценке интеграционных процессов 47% россиян считают правильным интегрироваться с Казахстаном;

Проректор РУДН, заведующий кафедрой истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, д. филос. н., проф. *Н.С. Кирабаев* представил сообщение «Казахстан: стратегия развития». Он отметил, что настоящая конференция «является попыткой осмыслить прошлое Казахстана и заглянуть в его будущее». В своем докладе *Н.С. Кирабаев* ссылаясь на работы президента Н. Назарбаева «В потоке истории», «Казахстанский путь» и другие, как прекрасно иллюстрирующие историю, политику и культуру Казахстана, и напомнил о ключевой особенности национальной идеи Казахстана – равенстве всех граждан, независимо от этнической или конфессиональной принадлежности, что отражено в стратегической программе «Мангілік Ел».

«О перспективах взаимодействия Евразийского экономического Союза и Европейского Союза» рассказал *В. А. Михайлов*, заведующий кафедрой национальных и

федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), д. ист. н., проф., заслуженный деятель науки РФ. Он отметил, что Казахстан достиг значительных успехов в построении государства-нации, особо выделив роль такого института, как Ассамблея народа Казахстана. «Казахстан может сыграть особую роль в разрешении противоречий между Россией и Западом», – заявил ученый. – «Авторитет Казахстана и его Лидера может стать локомотивом в этом процессе». По мнению докладчика, намерения президента Н. Назарбаева сосредоточены не просто на интеграции на постсоветском пространстве, а на интеграции Востока и Запада. Возможно, идея евразийской идентичности постепенно будет «воспринята» и в современной Европе, резюмировал он.

В.А. Мельянцева, заведующий кафедрой международных экономических отношений ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, д. экон. н., проф., эксперт Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС), выступил на тему: «Республика Казахстан, 1991-2016: сравнительная оценка макроэкономической и социальной результативности». В докладе показано, что к 2015 г. Казахстан вошел в группу богатых и вполне развитых стран, а за последние 15 лет эффективность капиталовложений в Казахстане выше, чем в России и Индии. Этот факт указывает на зрелость страны. Накопленный потенциал инвестиций в ВВП в Казахстане вырос с 5% в 1993 г. до 65% в 2015 г. По совокупной производительности труда разрыв между Китаем и Казахстаном небольшой. По индексу человеческого развития Казахстан сравнялся с Россией, опередил Турцию, страны Ближнего и Дальнего Востока. Резюмируя свое выступление, В.А. Мельянцева назвал четыре фактора успешности Казахстана: эффективное лидерство президента Н. Назарбаева, благоприятные условия ведения бизнеса, эффективная система государственного управления, качественный человеческий потенциал.

Представители петербургской востоковедческой школы – заведующая сектором Центральной Азии ИВР РАН, гл. науч. с., д. филол. н. *И.В. Кульганек* и к. ист. н., доцент кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ *З.А. Джандосова* представили доклады на темы «Материалы о казахах в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН» и «Политико-географический образ Казахстана в контексте истории».

Чл.-корр. JASHE (Великобритания), д. филос. н., проф. Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова *С.Ш. Аязбекова* выступила на тему «Казахская интеллигенция: становление и развитие», д. ист. н., проф. Кокшетауского ГУ имени Шокана Уалиханова *К.К. Абуев* рассказал о «Видных деятелях движения «Алаш» из Северного Казахстана».

Председатель программного комитета конференции, заведующая кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова д. ист. н., проф. *Ж.С. Сыздыкова* отметила, что для преодоления кризиса идентичности в условиях глобализации, необходимо проводить разработку общенациональной идеи Казахстана с использованием гражданской и этнокультурной концепции.

Проходившие в рамках Конференции секционные заседания, посвященные вопросам истории и источниковедения, философии, религии, образования, международным отношениям и экономике, также отличались высоким академическим уровнем представленных докладов.

На исторической секции был представлен широкий спектр докладов и сообщений. *Ю.А. Аверьянов* (ИВ РАН, Москва) выступил с сообщением «Источники по истории суфизма в казахских степях (на примере суфийского братства Йасавийя)», в котором он рассказал о влиянии этого братства в лице первых наместников Ходжа Ахмада Йасави в период монгольского владычества в Дешт-и Кипчаке

и обращении в ислам хана Узбека. Ю.А. Аверьянов отметил, что духовная практика йасавиййа оказала воздействие на особенности народного почитания мазаров святых практически во всех областях сегодняшнего Казахстана.

3.3. *Жандарбек* (МКТУ, Казахстан) представил доклад «Далекие отголоски распада Золотой Орды в настоящее время», в котором подчеркнул тот факт, что «в современной исторической науке до конца еще не определены причины распада Золотой Орды, хотя немало сил было затрачено на изучение истории этого Евразийского государства Средневековья». В особенности, по мнению докладчика, неизученной осталась роль ислама в Улусе Джучи, где «духовно-религиозная политика Джанибек-хана привела к этническому разложению тюрков Евразии и распаду Золотой Орды».

И.В. Стасевич (МАЭ РАН, Кунсткамера, Санкт-Петербург) выступила с сообщением «Казахская часть коллекции подарков Цесаревича Николая Романова в собрании петербургской Кунсткамеры». Оно было посвящено истории формирования коллекции казахских предметов в собрании даров наследника российского престола (будущего и последнего императора России Николая II). Путешествуя по казахским землям в 1890–1891 гг., цесаревич Николай встречался с представителями местной казахской аристократии, посетил казахские аулы, познакомился со спецификой быта и искусства казахов. Казахская часть собрания содержит богатое парадное оружие как огнестрельное, так и холодное, а также различные предметы быта. «Все предметы кроме своей практической функции имеют глубокое семантическое значение, раскрывающееся в контексте традиционной культуры казахов», – заключила И.В. Стасевич.

На секции были заслушаны также доклады «Имперские практики по управлению казахами Младшего жуза в XIX в.» *Г.Б. Избасаровой* (МГУ, Москва), «Тюркские племена Дешт-и Кипчака на хорезмийской службе в годы правления хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада» *Д.М. Тимохиной* (ИВ РАН, Москва) и *В.В. Тишиной* (ИВ РАН, Москва) «Гипотеза о происхождении названий племенных группировок Западнотюркского каганата» и многие другие.

На Секции «Философия, религия, образование и экология» выступили ученые из России и Казахстана. *А.А. Ганич* (ИСАА МГУ, Москва) выступила с докладом «Ислам у казахов по материалам первого оренбургского муфтия Мухамеджана Хусаинова». Была подробно освещена деятельность Мухамеджана Хусаинова, который активно способствовал проведению российской политики среди казахов. Ему удалось добиться признания «духовной власти» российского муфтия у казахской элиты. В 1797 г. при его содействии был учрежден Ханский Совет для управления Малым жузом. Благодаря его усилиям казахи стали получать религиозное образование в медресе Каргалы, Стерлитамака и Стерлибашево.

Представитель Духовного управления мусульман России *Ш.Р. Кашаф* (Москва) рассказал об «Особенностях ислама в Казахстане». По его мнению, Казахстан «служит примером мирного взаимодействия всех людей, относящихся к различным этносам и религиям, исламская нарративная идентичность продолжает формироваться в публичном пространстве».

Религиоведческую тематику продолжили сообщения *К.М. Алиевой* (РХТУ, Москва) «Ценности тенгрийской культуры и стабильность идентичности в период социокультурных трансформаций», а также *Г.Ю. Хабибуллиной* (МИИ, Москва), описывающее вопросы исламской педагогики в контексте интеграции исламского образования Казахстана и России в евразийское пространство.

Тематика образования и основные векторы его дальнейшего развития также стали предметом оживленных обсуждений. В частности, свои доклады представили *А.Ж. Габдуллина* (Институт истории государства МОН РК, Казахстан) «Инициация

тивы президента Республики Казахстан в сфере образования и науки», *В.Н. Конев* (МГЛУ, Москва) «Сотрудничество в гуманитарной сфере как одно из приоритетных направлений ВУЗов Республики Казахстан и России», *Ж.Ж. Наурызбай* (НАО, Казахстан) «О концепции этнокультурного образования в Республике Казахстан», *А.Ю. Нешина* (МГУ, Москва) «К проблеме перехода преподавания школьных предметов естественнонаучного направления на английский язык (на примере Малайзии и Казахстана)», *Б.С. Сыздыкова* (Казахстан) «Сотрудничество в образовательной сфере России и Казахстана как важный фактор интеграции» и другие.

Ученые пришли к выводу, что сегодня в Казахстане наблюдается процесс возрождения, сохранения и развития национальных культур и традиций, нашедший свое выражение в обновлении содержания образования.

На секции «Язык, литература, культура и СМИ» были освещены различные аспекты преподавания языка, языковой политики Казахстана, особенности перевода и др. Так, *К.Т. Шахатова* (МГЛУ, Москва) рассказала коллегам о «Месте и роли депозитария Ассамблеи народа Казахстана в обучении казахскому языку и культуре», *Л.Г. Исмаилова* (ИСАА МГУ, МОСКВА) посвятила свой доклад «Фразеологизмам в азербайджанском и казахском языках», *А.Д. Васильев* (ИВ РАН, Москва) выступил с докладом «О роли казахстанской интеллигенции в языковом строительстве в СССР в 20-е 30-е гг. XX в.».

Отдельное внимание участники секции уделили влиянию СМИ на формирование образа современного Казахстана. Свои доклады на эту тему представили *О. Г. Кунгурова* (КГУ, Казахстан), *Х. О. Хушкадамова* (МГИМО, Москва) и другие.

Участники секции «Политология, экономика, международные отношения» посвятили свои доклады внешней политике Казахстана, месту и роли республики в системе международных отношений. *Д.А. Аббасов* (ИСАА МГУ, Москва) рассказал «О Турции на пути в ШОС», привел анализ современного состояния и оценил перспективы. *Л.Ф. Адилова* (РГГУ, Москва) выступила с докладом «Роль Казахстана в формировании имиджа Евразийского союза», *Т.Б. Владиславлева* (МГЛУ, Москва) продолжила тему регионального сотрудничества, сделав акцент на «Роли и месте Казахстана в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в рамках ШОС».

Докладчики особо подчеркнули вклад Казахстана в укрепление глобальной и региональной стабильности. В частности, признанием международных заслуг страны стало проведение в Астане Саммита ОБСЕ и избрание Казахстана в непостоянные члены Совета Безопасности ООН в 2017–2018 гг. Кроме того было отмечено, что республика является лидером процесса ядерного нераспространения, инициатором и идеологом евразийской интеграции, а также таких знаковых инициатив, как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Съезд лидеров мировых и традиционных религий.

Студенты ИСАА МГУ организовали студенческую секцию, в которой приняли участие более 30 студентов ИСАА МГУ и других вузов Москвы, в частности МГИМО и МИИ.

Ко дню открытия конференции был издан сборник тезисов, включающий в себя более 200 названий

Syzdykova Zh.S., Zhigul'skaja D.V. The history of Kazakhstan of the most recent periods: new horizons

Summary. The article presents information on a science and practice conference devoted to the 25th anniversary of Kazakhstan's independency «Kazakhstan in the world history: eternal values and new horizons» (December 9–10, 2016, Moscow).

РЕЦЕНЗИИ

К СООТНОШЕНИЮ МОНГОЛЬСКОЙ И ТЮРКСКОЙ ДЕРИВАЦИИ: К выходу одной монографии¹

А.А. Бурыкин, г. Санкт-Петербург

Вплоть до настоящего времени литература по проблемам родства алтайских языков – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского – ограничивается в своих направлениях работами по лексике, сравнительно-исторической фонетике, вопросам алтаистики в контексте общей компаративистики и проблемам родства алтайских языков в контексте смежных дисциплин: этнографии, фольклористики, антропологии, археологии. И даже в этой сфере появляется много идей, не находящих корреляций со сравнительно-историческим языкознанием: так, археология (см. [Кызласов 2011]) вообще не показывает связи артефактов с языковыми семьями и группами; автор признается, что ему удобнее иметь дело с проявлениями миграций и смешением – но глоттогенез основывается не на них, а на длительной изоляции, почти не наблюдаемой для археологов. Популяционная генетика (С.А. Федорова), очевидно, неплохо показывает генезис субэтносов, хорошо работает на уровне не глубже этногенеза отдельных народов, но не решает проблем древних этнических связей, не говоря уже о языковых связях, тем более что этногенез (формирование этноса) и глоттогенез (формирование языка этноса) обычно не совпадают во времени, глоттогенез следует во времени за этногенезом с задержкой в 200—400 лет..

Морфология алтайских языков – в основном в сопоставительном плане – привлекала к себе внимание давно, но работы в этой области редки, назовем «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков» [Очерки 1978] и монографию И.В. Кормушина «Системы времен глагола в алтайских языках» (М., 1984). Рассматриваемая книга – предмет долгих ожиданий специалистов.

Аннотация к обсуждаемой книге В.И. Рассадина и С.М. Трофимовой гласит: *«Монография посвящена исследованию одного из спорных вопросов в мировой лингвистике – вопросу о реальности существования тюрко-монгольского праязыка, оставшегося якобы после распада алтайской языковой общности. Решение данной проблемы на грамматическом уровне с привлечением сравнительного материала по тюркским и монгольским языкам из области словообразования частей речи, словоизменения и формообразования позволило выявить*

¹ *Рассадин В.И., Трофимова С.М.* О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. – Элиста: Изд. Калмыцкого государственного университета (КГУ), 2012. – 180 с.

наличие общих морфологических элементов, типологического сходства и установить в тюркских и монгольских языках самобытные грамматические элементы. Исследование дает новый материал для разработки и решения не только вопроса о тюрко-монгольской языковой общности, но и алтаистики» (с.2).

Книга состоит из трех глав «Словообразование в монгольских и тюркских языках» (с. 6–85), «Формообразование в монгольских и тюркских языках» (с. 86–123), «Словоизменение в монгольских и тюркских языках» (с. 124–149), к которым предпослано небольшое Введение, и объемного Заключение (с. 150–170).

Читатель будет не удивлен, найдя во Введении (с. 4, 6) и в Заключении (с. 151) ссылки на подсчеты сходств в морфологии тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, проведенные много лет назад В.Котвичем, который писал: «...на основе существующего, очень неполного материала можно вообще полагать, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и 50% морфологических элементов, общих с тюркскими; в тунгусском чуждых (монгольских и тюркских) лексических элементов имеется, по-видимому, не более 10% а морфологических около 5%» [Котвич 1962: 351–352]. Сами авторы отмечают: «Это очень большие проценты сходства, нуждающиеся в уточнении» (с. 151). Эти данные, полученные на основе «очень неполного материала» и к тому же уже более 70 лет назад, стали часто повторяться из статьи в статью (см.: [Щербак 1968, Сыдыков 1983: 5; Восканянц 2008: 100; Жамьянова 2008: 3 и др]), стали лейтмотивом некоей новой алтаистики контактного типа, которую приписали В.Котвичу позднейшие комментаторы его идей, и объектом спекуляций тех, кого сейчас называют контралтаистами, отрицавшими все и вся в проблематике родства алтайских языков и накладывавшими мораторий на проблемы отдаленного родства тюркских языков – как бы чего не вышло...

Проблема тут заключается в том, что, если при работе с корнями-основами слов В.Котвич пользовался какими-то методами исторической фонетики и какими-то фонетическими соответствиями, дифференцировавшими материал разных групп языков и отдельных языков, то в морфологических разделах своего труда он руководствовался чистым сопоставлением суффиксов, не придавая значения фонетическим соответствиям. Это можно было увидеть, но ортодоксальные алтаисты этого не заметили, а контралтаисты руководствовались принципом «чем хуже, тем лучше» - чем меньше наглядных сходств, тем меньше верящих в родство. Только Б.А. Серебренников заметил ««Выдающийся алтаист В. Котвич не занимался проблемами исторической фонетики» [Серебренников 1982: 30, прим. 40]. В самом деле, сравнительно-морфологические разыскания В. Котвича [Котвич 1962]: носят чисто сопоставительный характер, а при таком подходе к материалу и при соответствующем этому подходу методах исследования разобраться в проблеме генетического родства алтайских языков было невозможно в принципе [Бурыкин 2015]. Собственно, на принципе сопоставления – без учета межгрупповых соответствий на уровне морфологии построена и рецензируемая монография, но такой подход к материалу заложен в ее принципы, как и обращение к двум группам языков – к тюркским и монгольским языкам. Ниже мы увидим, что даже таким образом полученные выводы в концепции авторов никоим образом не оказываются «контралтаистическими». Заметим, что В.И. Рассадин вообще никогда не высказывался против алтайской теории.

По иронии судьбы изложение материала начинается с бурятского суффикса названий покрышек, футляров *-пша*, монг. *-bci* (с. 12); параллели для него не указываются, но мы знаем, что аналоги ему есть в тунгусо-маньчжурских языках (эвенк. *-птун*, эвен. *-пан* и *-тинг*) тюркских языках (др.-тюрк. *bilezük* ‘браслет’) и корейском (ср. *карак* ‘палец’ – *каракчи* ‘кольцо’) [Бурыкин 2000]. Н. Поппе, искавший фонетические соответствия в суффиксах, в свое время смог отождествить внешние несходные показатели имен орудия монг. *-yug* и эвенк. *-вун* [Рорре 1969], но авторы не обобщают такие наблюдения – у них свои задачи. Поэтому не удивляет их вывод о том, что словообразовательные системы монгольских и тюркских языков обнаруживают «в основном типологическое сходство» (с. 23). Примерно то же мы видим далее: «Среди аффиксальных словообразовательных моделей, выявленных у прилагательных монгольского языка, обнаружили материальное сходство с тюркскими языками только десять аффиксов» (с. 32). Много это или мало? Сколько надо для родства? Сколько общих адъективных суффиксов, скажем у заведомо родственных, хотя и не входящих в одну группу, русского и немецкого языков? О числительных (с. 33–41) говорится: «В данном случае наблюдается лишь типологическое сходство и отсутствие материальных схождений» (с. 41), ничего не говорится даже о монг. *dörben* ‘4’ и тюрк. *tört* ‘4’, некогда представлявших разные разряды единой системы (ср. эвен. *дыгэ-рдэ* «четверка», нечто, имеющее 4 части» (= *tö-rt*) и *дыгэ-рмэн* «состоящий из 4-х частей» (= *dö-rben*).

То же говорится о других разрядах суффиксов: «Из многих аффиксальных словообразовательных моделей глаголов монгольских языков только шесть обнаружили материальное сходство с таковыми тюркских языков. Эти общие аффиксы могут быть и заимствованными друг у друга. Мало вероятно, что они могут остаться от гипотетического тюрко-монгольского праязыка» (с. 54). «Монгольские и тюркские наречия не выявили между собой материального сходства, за исключением окончания *-de ...*» (с. 65); «Сравнение системы причастий монгольских языков с системой причастий тюркских показало, что между ними наблюдается принципиальная разница...» (с. 121); «прямых совпадений между монгольскими и тюркскими системами деепричастий не обнаруживается» (с. 124); «Генетического родства монгольских и тюркских языков, во всяком случае на материале наклонений глагола, не удастся проследить» (с. 149) – (вопрос: а можно проследить генетическое родство на материале наклонений глагола в английском и немецком языках?); «В области склонения мы видим, что обнаруживается в какой-то мере материальное сходство у четырех падежей простого склонения...» (с. 129) – опять это много или мало?

О местоимениях авторы пишут так: «... местоимения выявляют только типологическое сходство, во всяком случае, на современном этапе развития этих языков. Что же покажет этимологический анализ тюркских и монгольских местоимений, установление их праформ и сопоставление на уровне праформ, то это предмет будущих специальных исследований» (с. 85). Нам уже известно, что анализ личных местоимений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, равно как и производных от них посессивных показателей и личных глагольных суффиксов, показал полную идентичность той единой системы, к которой они должны восходить. То же, хотя и с меньшей наглядностью, прослеживается и для имен числительных, где можно предполагать наличие параллельно используемых форм.

В заключении к книге (с. 150 и сл.) В.И. Рассадин и С.М. Трофимова, кратко осветив историю алтаистики и подходы к алтайской теории, повторяют идею

о связи трудов В. Котвича с контактной алтаистикой и взаимодействием тюркских и монгольских языков. Проблема тюрко-монгольского единства и тюрко-монгольского праязыка для алтаистики уже времен после Н.Н. Поппе (1897–1991), думается, потеряла актуальность, поскольку давно очевидно, что тунгусо-маньчжурские языки (особенно после устранения сепаратных инноваций) оказываются куда ближе к монгольским, чем тюркские языки, поэтому мы не станем обсуждать раскладки авторов на эту тему.

Любопытны заключительные абзацы книги: *«Что же касается более глубокого этимологического анализа монгольских и тюркских грамматических категорий и установление их праформ, сравнение на уровне этих праформ, то это предмет будущих специальных исследований. Проведённый здесь сравнительный анализ систем аффиксального словообразования монгольского и древнетюркского языков по всем пяти знаменательным частям речи, включая и местоимения, показал в основном их типологическое сходство и обнаружил наличие совсем незначительного количества материальных схождений, что свидетельствует о самостоятельном формировании систем аффиксального словообразования монгольских и тюркских языков. Возможно предположить, что некоторые словообразовательные модели проникли в монгольский язык с древними тюркскими лексическими заимствованиями, что требует дополнительной проработки»* (с. 170). Это значит, что авторы не отрицают родство алтайских языков, они лишь полагают, что морфологические средства и грамматические категории тюркских и монгольских языков имеют независимое происхождение. Такой тезис вполне имеет право на существование: с ним согласился бы О.П. Суник (1912–1988). Однако проекция новых фонетических соответствий между монгольскими и тюркскими языками на морфологические средства этих языков позволит многократно увеличить число морфологических сходств монгольских и тюркских языков, и то же позволит сделать учет исторической рекатегоризации морфем, например, присутствие старых падежных показателей в наречиях (особенно местоименных) и неличных формах глагола [Грунтов 2002]. При том подходе, которым пользуются авторы в отношении морфологии монгольских и тюркских языков (чистое сопоставление) и тех задачах, которые они ставят, в отличие от контралиста – поиск явных морфологических последствий тюрко-монгольских контактов – результаты работы оказываются во многом ожидаемыми.

Итоги их можно сформулировать так: материалы по тюрко-монгольским контактам в морфологии имеют незначительный объем по той причине, что время проявления контактов тюркских и монгольских языков на морфологическом уровне еще не наступило...

Хорошо известно, что деепричастия, образуемые как падежные формы каких-то других отглагольных образований, в отдельных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках по своему составу не совпадают даже между отдельными диалектами одного языка, не говоря о близкородственных языках – представителях разных групп. Авторы предполагают, что монгольское деепричастие на *-магц*, которое кажется составленным из тюркских формантов *-мак* и *-ча*, заимствовано из тюркских языков, как и формы на *-рун* и *-ра*, «эти формы могли проникнуть в монгольский старописьменный язык при переводе буддийских сутр с древнеуйгурского языка на старомонгольский и закрепиться в нем» (с. 123). Предполагаемой тюркской формы на *-макча* нет в грамматическом указателе к Древнетюркскому словарю (Л., 1969), который фиксирует составные

форманты, ни в корпусе этого словаря, ни в древнетюркской грамматике А.фон Габен. В книге В.М. Насилова указана форма на *-гынча* [Насилов 1974: 52], которая есть и в огузских языках (в азербайджанском *-гынча*). Монг. *суваг* ‘канавы, канал’ иногда считается тюркизмом – но такого слова нет в тюркских языках. Вопрос, адресуемый в подобных случаях контралтаистам: можно ли унести из дома черную кошку, если ее в доме не было?

Критерии формального тождества или сходства, применяемые к морфологии, тем более к морфологии алтайских языков при их большой степени групповых сходств и столь же большей степени межгрупповых различий, могут вводить исследователей в заблуждение. Мы не находим подобных примеров в материалах авторов книги, но тут ожидаемым является действие следующих факторов: расхождение в значении и мнимая аттракция изначально разных суффиксов, вторично приобретающих сходные значения, неразрешенная исследователями омонимия суффиксов, конвергенция суффиксов, которые изначально различались в формальном отношении, наконец, случайные совпадения и ошибки исследовательской интерпретации. Ярчайший пример – трактовка В. Котвичем формативов тюркских и тунгусо-маньчжурских порядковых числительных: тюрк. *-in-ci* (состоящий из притяжательного суффикса 3 л. ед. ч. и собственно суффикса порядковых числительных) сравнивался им с нанайским *-ci* [Kotwicz 1931, 204–206] – где данный элемент имеет значение как раз посесивного показателя 2 л. мн. числа (ср. эвенк. *-тын*), а суффиксом порядковых числительных является *-ги*, часто полностью ассимилируемое.

Книга В.И. Рассадина и С.М. Трофимовой будет очень полезна тюркологам и монголоведам, поскольку она представляет большой материал по двум группам языков в компактном объеме, что удобно и для сопоставлений, и для компаративистических разысканий.

Главный, на наш взгляд, результат книги В.И. Рассадина и С.М. Трофимовой: тюркские и монгольские языки обнаруживают весьма мало собственно ареальных, доказуемо ареальных связей в морфологии. Следовательно, и лексические связи этих языков нельзя однозначно трактовать как ареальные.

Литература

Бурыкин А.А. 2000 – Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс *-bci* (калм. *-вч*) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). – М., 2000. – С.16–20.

Бурыкин А.А. 2015 – Заметки на полях книги В.Котвича «Исследование по алтайским языкам»: к истории алтаистики и методике сравнительно-исторических исследований в алтаистике // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н.Казанский. Т.XI. Ч.2 / Сост. и ред. тома П.О.Рыкин. – СПб.: Наука, 2015. – С.128–149.

Восканянц Д.Е. 2008 – Общие лексические элементы в тюркских и монгольских языках на примере лексики кровного родства // Вестник Бурятского гос. университета, 2008, № 10. – С. 100–105.

Жамьянова М.З. 2008 – Инфинитные формы глагола монгольского и турецкого языков : семантико-функциональный аспект. Автореф. дис. ... кандидата филологических наук – Элиста, 2008.

Кормушин И.В. 1984 – Системы времен глагола в алтайских языках. – М., Наука, 1984.

Котвич В. 1962 - Исследование по алтайским языкам. – М.: Изд. Иностранной литературы, 1962.

Кызласов И.Л. 2011 – Алтаистика и археология. – М., 2011.

Насилов В.М. 1974 – Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. – М., ГРВЛ, 1974.

Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Л., Наука, 1978.

Серебренников Б.А. 1982 – Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. проблемы родства / Отв. ред. Б.А.Серебренников. – М., Наука, 1982. – С. 6–62.

Сыдыков С. 1983 – Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1983.

Щербак А.М. 1968 – О тюрко-монголо-тунгусских связях в морфологии // Народы Азии и Африки, 1968, №3. – С. 104–116.

Kotwicz Władysław. 1931 – Contributions aux études altaïques. I. Notice préliminaire ; II. Les noms de nombre ; III. Les noms de couleurs // Rocznik Orientalistyczny 7 (1929–1930).1931. – S. 130–234.

Poppe N. 1969 – Mongolian -yur and Evenki -wun // Central Asiatic Journal, v.XIII, 1969, № 4.

Summary.

A. Burykin. On correlation of Mongolic and Turkic derivation systems: publication of one monograph

– *Rassadin, V. I., Trofimova, S.M. On correlation of Mongolic and Turkic grammar elements in Turkic-Mongolic language unity. – Élista: Izdatel'stvo Kalmyckogo gosudarstvennogo universiteta (KGU), 2012. – 180 p.*

PERSONALIA

ГИНИЯТУЛЛА САФИУЛЛОВИЧ КУНАФИН (к 70-летию ученого)

22 ноября 2016 г. доктору филол. наук, профессору, профессору кафедры башкирской литературы, фольклора и культуры ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», чл.-корр. АН Республики Башкортостан Гиниятулле Сафиуллиновичу Кунафину исполнилось 70 лет.

Г.С. Кунафин родился 22 ноября 1946 г. в деревне Сайтбаба Гафурийского района Республики Башкортостан. В 1964 г. окончил среднюю школу в родной деревне. В 1965–1968 гг. проходил службу в рядах Советской Армии. В 1968–1973 гг. он уже студент филологического факультета Башкирского гос. ун-та им. 40-летия Октября, а затем и его

выпускник, получивший диплом с отличием. В 1973–1976 гг. – аспирант Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, в 1977–1981 гг. – научный сотрудник этого же научного учреждения. В 1981 г. он переходит на преподавательскую работу в Башкирский гос. университет на должность старшего преподавателя кафедры башкирской литературы и фольклора, в последующем избирается на должности и утверждается в ученых званиях доцента (1985), профессора (1999). В 1986–1990 гг. является заместителем декана филологического факультета, в 1990–2000 гг. – декан факультета башкирской филологии и журналистики, в 2000–2012 гг. – заведующий кафедрой башкирской литературы до XX века, с 2012 г. по настоящее время – заведующий кафедрой башкирской литературы, фольклора и культуры ФГБОУ ВО «Башкирский гос. ун-т». В 2011 г. был избран академиком-секретарем Отделения социально-гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан и с декабря 2011 г. по июнь 2016 г. работал на этой должности по совместительству.

Г.С. Кунафин – признанный в отечественной тюркологии ученый-литературовед, высококвалифицированный вузовский педагог, ведущий специалист в области истории, теории, текстологии и исторической поэтики дореволюционной башкирской литературы. Ему впервые в истории башкирского литературоведения и вузовского образования удалось составить и издать программы по истории башкирской литературы досоветского периода, разработать и преподавать на высоком научно-теоретическом и методическом

уровне основные лекционные курсы и спецкурсы по истории и теории башкирской литературы с древнейших времен до 1917 г. Г.С. Кунафин более пятнадцати лет ведет большую работу по подготовке высококвалифицированных научных кадров не только для Башкортостана, но и для остальных тюркоязычных регионов РФ. Им лично подготовлены доктор наук и 10 кандидатов наук.

Профессор Г.С.Кунафин ведет большую научную и научно-методическую работу, имеет более 700 научных работ, в т. ч. около 50 монографий, вузовских и школьных учебников, учебных пособий, методических разработок и научно-популярных книг.

Он является одним из ведущих авторов 6-томной «Истории башкирской литературы» (1990–1996) и вузовского учебника «История Башкортостана. С древнейших времен до 1917 г.» (1991), принимал активное участие в написании и подготовке к изданию краткой и 7-томной энциклопедии Башкортостана (1996; 2005–2011), «Историко-культурного энциклопедического атласа Республики Башкортостан» (2007). На сегодня такие его монографии, учебники и учебные пособия для вузов, как «Башкирские просветители-демократы XIX в.» (М., 1981; соавтор А.Вильданов), «Просветитель и писатель М. Уметбаев» (1991; на башк. яз.), «Башкирская сатирическая поэзия XIX – начала XX в.» (1996; на рус. яз.), «Башкирская литературная песенная поэзия XIX – начала XX в.» (1997; на рус. яз.), «И песней, и сатирой» (1999; на рус. яз.), «Башкирская нарративная поэзия XIX – начала XX в.» (2003; на рус. яз.), «Поэтическое эхо прошлого» (2004; на рус. яз.), «Духовное сияние времен» (2006; на башк. яз.), «Поэтическая радуга Акмуллы» (2006; дополн. изд-е 2011, на башк. и рус. яз.), «Башкирская литература XIX – начала XX в.» (2006; на рус. яз.), «Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX в.» (2006; на рус. яз.), «Башкирская литература XIX в.» (2010; на башк. яз.), «Башкирская поэзия XIX – начала XX в.» (2010; на рус. яз.), «Джалиль Киекбаев. Жизнь и творчество» (2012), «Особенности развития башкирской литературы XIX – начала XX в.» (2014; на башк. яз.), «Творческие горизонты Шайхзады Бабича» (2015; на башк. и рус. яз.), «Идейно-художественные особенности башкирской литературы начала XX в.» (2016; на башк. яз.) и др. существенно обогатили научную базу учения о духовном наследии народа, обладают большим познавательным потенциалом и приобретают непреходящую научную значимость. В них по-новому, т.е. именно в широком межнациональном контексте, на пересечении традиций, берущих начало в восточных и западных литературах, раскрываются закономерности формирования и развития башкирской культуры и словесности дооктябрьского периода. Масштабное, системное исследование духовного наследия родного народа позволило ученому не только раскрыть его содержательное, жанрово-стилевое, структурное богатство, но и увидеть закономерности эволюции всего башкирского искусства слова того или иного изучаемого периода, более глубоко обосновать в нем картину смены идейно-эстетических систем. Все это позволило Г.С.Кунафину сделать серьезный шаг в создании теоретической истории дореволюционной башкирской литературы.

Г.С. Кунафин принимает активное участие на зональных, республиканских, всероссийских и международных научно-практических конференциях и симпозиумах, в научных программах Министерства образования и науки РФ «Вузы России» и АН Республики Башкортостан «Гуманитарные науки в Башкортостане», получает гранты по Государственным научно-техническим

программам Республики Башкортостан (2012, 2013, 2014) и РГНФ (2013-2014, 2015-2016). Будучи ведущим вузовским ученым-преподавателем и работая в 2011–2016 гг. по совместительству академиком-секретарем АН РБ, он вел и продолжает вести большую работу в республике по организации и развитию научных исследований в области гуманитарных наук.

Г.С. Кунафин как ведущий текстолог принимал активное участие в подготовке и издании двухтомной «Антологии детской литературы» (1986, 1987). Им текстологически обработаны и изданы произведения поэта-суфиста первой половины XIX в. Ш. Заки (1980), видного просветителя второй половины XIX в. М. Уметбаева («Ядкарь» – 1984, 2011; «Стихи» – 2001; «Произведения. Труды» – 2016). В 1997 г. за вклад в развитие региональной гуманитарной науки и этнолитературоведения он избран действительным членом Международной тюркской академии, в 2012 г. – чл.-корр. АН Республики Башкортостан.

Ученый активно участвует в общественной жизни республики. В 1990 г. был принят в Союз писателей РБ и Российской Федерации, более 10 лет руководил секцией литературной критики этой организации, 11 лет – республиканской общественной организацией земляков-гафурийцев «Табын». Он делегат I, II, III и почетный гость IV Всемирного курултая башкир. Он является одним из ведущих авторов и научным руководителем-консультантом по созданию учебных комплектов по башкирской литературе для учащихся старших классов школ Башкортостана.

Многосторонняя научная, научно-методическая, педагогическая и общественная деятельность Г.С. Кунафина по достоинству была оценена общественностью: в 1997 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник народного образования Республики Башкортостан», в 2006 г. – «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», 2009 г. – «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан». Награжден многочисленными Почетными грамотами различных министерств, муниципальных и государственных учреждений, вузов, профессиональных союзов и общественных организаций РБ, в 2015 г. ему присвоено высокое звание Почетного профессора Башкирского гос. ун-та, Почетного гражданина Гафурийского района РБ (2016).

В «Башкирской энциклопедии» дана обширная информация о его жизни и деятельности на русском (III т., 2007) и на башкирском (III т., 2016) языках.

Профессор, чл.-корр. АН РБ Г.С. Кунафин пользуется заслуженным уважением среди коллег, студентов, учителей, представителей научной и творческой интеллигенции РБ и РФ.

Хужахметов А.О., Сибгатов Ф.Ш.

НЕКРОЛОГИ

ИШМУХАМЕТ ГИЛЬМУТДИНОВИЧ ГАЛЯУТДИНОВ (1.01.1948 – 10.10.2015)

10 октября 2015 г. на 68-м году жизни скончался известный отечественный лингвист-тюрколог, востоковед, фольклорист, этномузыкант, педагог высшей школы, организатор науки, доктор филол. наук, профессор, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, заведующий кафедрой башкирского языка и культуры ФГБОУ ВО «Уфимская государственная академия искусств имени Загира Исмагилова», заведующий кафедрой башкирского языка и этнокультурного образования ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», главный редактор всероссийского научного журнала «Проблемы востоковедения»,

член Отделения гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан, член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН Ишмухамет Гильмутдинович Галяутдинов.

И.Г. Галяутдинов родился 1 января 1948 г. в деревне Сураман Учалинского района Башкирской АССР в семье крестьянина, кураиста, участника Великой Отечественной войны Гильмутдина Галяутдиновича Галяутдинова (1905-1958). В 1964 г. после получения среднего образования в Республиканской башкирской школе-интернате №1 поступает на филологический факультет Башкирского гос. ун-та им. 40-летия Октября. В студенческие годы активно занимается в научном кружке по языку, тогда же по всей республике собирает детский фольклор, изучает башкирские детские народные игры. В 1969 г. после окончания вуза устраивается на работу в Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР лаборантом. В 1969–1970 гг. служит в рядах Советской Армии. В 1971 г. возвращается на работу в ИИЯЛ БФ АН СССР на должность старшего лаборанта. В 1971–1973 гг. является стажером-исследователем Института языка и литературы АН Узбекской ССР, где под научным руководством одного из ведущих языковедов-тюркологов бывшего Советского Союза акад. АН Узбекской ССР Э.И. Фазылова успешно занимается тюркской текстологией.

В 1973 г. И.Г. Галяутдинов по возвращении из Ташкента поступает в очную целевую аспирантуру Института языкознания АН СССР по специальности «10.02.06 – тюркские языки». Его научным руководителем назначается доктор филол. наук, профессор, заведующий Сектором тюркских и монгольских языков Эдхям (Эдгем) Рахимович Тенишев (1921–2004). Это факт, в свою очередь, накладывает на молодого Ишмухамета Галяутдинова большую ответственность. В 1977 г. в Институте языкознания АН СССР он успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология). Данное исследование И.Г. Галяутдинова является по сути новаторским: его можно квалифицировать в качестве одного из первых удачных опытов в области изучения языка произведений письменности российских мусульман начала XIX в. В связи с этим очень важна и оценка самого Э.Р. Тенишева, научного руководителя, который тогда очень точно отметил следующее: «Такого типа работа, как «Тарих нама-и булгар» не частое явление в тюркологии, поэтому работа И.Г. Галяутдинова послужит образцом для последующих исследований». Получается, что кандидатская диссертация И.Г. Галяутдинова, представляющая собой сравнительное археографическое и языковое описание названного выше тюркского арабографического произведения, убедительно показала свою связь с башкирским языком через тюрки Урало-Поволжья (т.е. старотюркский язык). В 1990 г. он напечатал свою кандидатскую диссертацию в виде монографии «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод)» в Башкирском книжном издательстве (2-е изд., 1998 г.).

В 1983 г. И.Г. Галяутдинов создает Группу полевой и камеральной археографии в составе сектора языка в ИИЯЛ БФ АН СССР, основные задачи которой были сформированы еще в 1982 г. в его программной статье «Письменные памятники Башкирии (Проблемы полевой, камеральной и эдиционной археографии)», опубликованной в научном сборнике «Письменные памятники Башкирии». И.Г. Галяутдинов и сотрудники его группы за период своего существования с 1983 г. по 1989 гг. собрали уникальные археографические образцы не только на территории Башкортостана, но и далеко за ее пределами. На основе собранных материалов они написали большое количество статей, но самое главное – им удалось составить и издать описания тюркских рукописей фонда (например, *Булгаков Р.М.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч.1.: Тюркские рукописи. Вып.1: Произведения XII – начала XVIII века. – Уфа: Гилем, 2002; *Галяутдинов И.Г.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч.1: Тюркские рукописи. Вып. 2: Произведения XVIII–XX веков. – Уфа: Гилем, 2005; *Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Ч.1: Тюркские рукописи. – Уфа: Гилем, 2009.).

И.Г. Галяутдинов с начала 80-х гг. XX в. начинает успешно заниматься проблемами истории башкирского литературного языка. Особенно это ярко проявилось в период его работы над коллективной монографией «Очерки истории башкирского литературного языка», опубликованной в изд-ве «Наука» в 1989 г. Его соавторами тогда выступили З.Г. Ураксин, Р.Х. Халикова и Э.Ф. Ишбердин.

В 1993 г. в республиканском издательстве «Китап» увидело свет издание этой монографии на башкирском языке «Башкорт эзэби теленең тарихы».

Эта работа получила статус классического академического исследования не столько потому, что была выполнена в стенах академического учреждения, каким являлся Орден «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР, сколько в содержательном плане охватила несколько эпох развития башкирского литературного языка, начиная с XI века и кончая концом 80-х гг. XX в. И.Г. Галяутдиновым был написан второй раздел монографии «История башкирского литературного языка XIX – начала XX века» (С. 80–149), состоящий из четырех глав. Основная идея И.Г. Галяутдинова сводилась к следующему: в истории башкирского литературного языка XIX век стал поворотным, поскольку именно тогда башкирские поэты и писатели в своих суфийских и просветительских произведениях начали очень активно использовать разнообразные формы народно-разговорного языка, богатства башкирского фольклора, что, в свою очередь, привело к сближению литературного языка с народным башкирским языком. Таким образом, это явление можно квалифицировать в качестве процесса демократизации языка тюрки Урало-Поволжья.

Данные идеи И.Г. Галяутдинова легли в основу его докторской диссертации «История башкирского литературного языка (XIX – начало XX века)», которая была успешно защищена им при научном консультировании уже чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишева в 1992 г. в Институте языкознания РАН. В 2000 г. в издательстве АН РБ «Гилем» он издал расширенный вариант своей докторской диссертации в виде монографии «Два века башкирского литературного языка». В 2008 г. в издательстве «Китап» вышла из печати монография на башкирском языке «История башкирского литературного языка: XIX век – начало XX века», также очень быстро превратившаяся в библиографическую редкость. В том же 2008 г. он опубликовал сборник своих научных статей «Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения».

В 1992–1993 гг. И.Г. Галяутдинов заведует отделом языка Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

С 1993 г. он преподает в Башкирском государственном университете, в следующем 1994 г. утверждается в ученном звании профессора. Он ведет такие курсы, как «Старотюркский язык», «История башкирского литературного языка». Но основным местом его работы в эти годы становится Академия наук Республики Башкортостан: в 1993–1996 гг. он является главным ученым секретарем Президиума АН РБ. В 1995 г. И.Г. Галяутдинов избирается чл.-корр. АН РБ по специальности «востоковедение». В 1996–2012 гг. – исполняющий обязанности академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН РБ.

В 2000 г. И.Г. Галяутдинов стал ректором Уфимского государственного института искусств и проработал на этой должности ровно десять лет, т.е. до 2010 г. За период его работы на этом ответственном посту провел реконструкцию двух учебных корпусов и общежития, открыл новые специальности, обновил парк музыкальных инструментов. Добился издания научного журнала «Проблемы музыкальной науки», который очень быстро был включен в список реферируемых изданий ВАК РФ. С 2010 г. заведовал

кафедрой башкирского языка и культуры ФГБОУ ВО «Уфимская государственная академия искусств имени Загира Исмагилова».

С 2014 г. заведовал кафедрой башкирского языка и этнокультурного образования ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

В 2004 г. на IV научно-организационном съезде российских востоковедов в г. Москве был избран президентом Общества востоковедов России на 2004–2006 гг. Это явилось признанием заслуг башкирских ученых-гуманитариев в области востоковедения. В этом качестве он успешно организовал и провел V научно-организационный съезд российских востоковедов в г.Уфе в сентябре 2006 г.

И.Г. Галяутдинов был известен еще и как собиратель детского фольклора и исследователь башкирских народных детских игр, который были опубликованы им в виде отдельных книг.

В качестве кураиста-виртуоза он был солистом народного фольклорного ансамбля «Кубаир» Башкирского филиала АН СССР, становился неоднократным лауреатом смотров и фестивалей художественной самодеятельности.

В разные годы И.Г. Галяутдинов входил в состав редакционных советов и редколлегии журналов «Вестник Академии наук Республики Башкортостан», «Ядкяр», «Ватандаш», «Российская тюркология» и «Бюллетень Общества востоковедов».

С 2011 года являлся главным редактором федерального журнала «Проблемы востоковедения» – органа Академии наук Республики Башкортостан.

Заслуги И.Г. Галяутдинова в области науки и культуры были отмечены званиями «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», «Заслуженный работник культуры Башкирской АССР», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

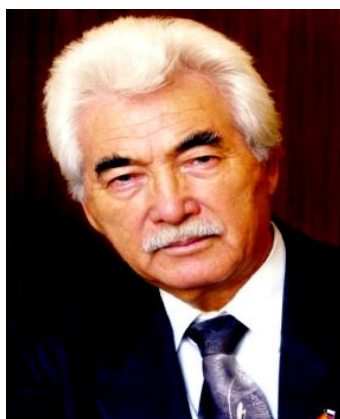
В жизни это был очень ответственный человек, он всегда держал слово, его душа была открыта всем. Также ему было присуще большое чувство юмора. Всегда уважительно относился ко всем без исключения!

Таким мы его и запомнили...

*А.В. Псянчин, Ф.Г. Хисамитдинова, А.А. Чеченов,
Ю.В. Псянчин, Р.М. Булгаков, Л.Х. Самситова*

АХМЕТ МУХАМЕТВАЛЕЕВИЧ СУЛЕЙМАНОВ
(15.03.1939 – 21.11.2016)

21 ноября 2016 г. не стало известного российского и башкирского ученого-фольклориста, доктора филол. наук, профессора, действительного члена Российской академии гуманитарных наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, заслуженного работника культуры Башкирской ССР, отличника образования Республики Башкортостан, члена Союза писателей Российской Федерации и Республики Башкортостан, профессора кафедры башкирской литературы и культуры ФГБОУ ВО «Башкирский государственный

педагогический университет им. М. Акмуллы», почетного академика Академии наук Республики Башкортостан Ахмета Мухаметвалеевича Сулейманова.

А.М. Сулейманов родился 15 марта 1939 г. в деревне Наби Бурзянского района Башкирской АССР в семье колхозника. После получения аттестата о среднем образовании работает в родном колхозе, служит в рядах Советской Армии. В 1962–1967 гг. он учится на филологическом факультете Башкирского гос. университета им. 40-летия Октября. А.М. Сулейманов, получив в 1967 г. диплом филолога-преподавателя башкирского языка и литературы, русского языка и литературы, в качестве молодого специалиста начинает педагогическую деятельность учителем школы в родной деревне.

Он на целых пять лет с головой уходит в работу с детьми. Несмотря на большую занятость, он находит время и для научной работы: поступает в заочную аспирантуру при кафедре башкирской литературы и фольклора Башкирского гос. университета. Его научным руководителем становится известный советский ученый-фольклорист, доктор филологических наук, профессор А.Н. Киреев (1912–1984). Сам А.М. Сулейманов еще в студенческие годы по совету своих учителей – того же профессора А.Н. Киреева и доцента М.Х. Мингажетинова – активно занимается сбором и изучением башкирских легенд и преданий, позднее совместно с ними издает сборник «Башкирские легенды» (Уфа, 1969).

В 1972 г. А.М. Сулейманов приглашается на работу в Башкирский гос. университет в качестве старшего преподавателя кафедры башкирской литературы и фольклора. Уже через год, в 1973 г. успешно защищает кандидатскую диссер-

тацию на тему «Исторические основы и идейно-тематические функции топонимических легенд башкирского народа». За период работы в университете он читает лекции, проводит семинары, курирует группы студентов, выезжает со студентами в экспедиции, пишет статьи, активно участвует в общественной жизни университета. Организует первый в истории Башкортостана студенческий фольклорный ансамбль «Янгузель», который через некоторое время по праву становится лауреатом многих конкурсов художественной самодеятельности.

С середины 70-х гг. XX в. начинает сотрудничать с отделом фольклора Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. Именно в это время (1972–1985 гг.) начинает издаваться свод памятников башкирского народного творчества в 18 томах на башкирском языке. А.М. Сулейманов вместе с фольклористами Л.Г. Барагом, А.И. Харисовым, М.М. Сагитовым, Н.Т. Зариповым и Ф.А. Надршиной удостоивается в 1987 г. за этот труд Республиканской премии Башкирской АССР имени Салавата Юлаева. Самим А.М. Сулеймановым лично были составлены 4 тома из этого свода. В 1987–2015 гг. этим же коллективом было издано 12 томов башкирского фольклора уже на русском языке; 5 томов из этого свода были подготовлены А.М. Сулеймановым.

В 1991 г. занимает должность заведующего отделом фольклора и искусства в Институте истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР. Здесь он трудится до 2002 г. С 1995 г. под его руководством начинает издаваться новый свод памятников башкирского фольклора в 36 томах на башкирском языке. На сегодняшний день издано 14 томов: А.М. Сулейманов является составителем двух и сосоставителем пяти томов.

В 2002 году его избирают председателем Исполкома международного союза общественных объединений «Всемирный курултай (конгресс) башкир». На этом посту он работает до середины 2006 года. Со второй половины 2006 года и до самой кончины трудится на кафедре башкирской литературы и культуры ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

А.М. Сулейманов со второй половины 70-х гг. прошлого века начинает заниматься исследованием проблем сказочного эпоса башкирского народа и добивается значительных успехов в этой области: он публикует на башкирском языке свою монографию «Жанровое своеобразие башкирских бытовых сказок» (Уфа, 1990), учебники и учебные пособия для студентов вузов. В 1994 г. в издательстве «Наука» выходит в свет его монография «Башкирские бытовые народные сказки». Итогом его исследований в области башкирских сказок стала защита им докторской диссертации на тему «Башкирские народные бытовые сказки: особенности сюжетного состава, типологии персонажей, жанровой проблематики и поэтики» в 1991 г. в диссертационном совете филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

В начале XXI в. А.М. Сулейманов начинает активно сотрудничать с Турцией. В соавторстве с доцентом Башкирского гос. университета Г.Д. Ибрагимовым он составляет 2 тома «Антологии башкирской литературы» на турецком языке (Анкара, 2004, 2005). Он также выступает в качестве координатора и соавтора башкирской части 35-томного свода «Всеобщая литература тюркского мира», изданного тоже на турецком языке в Анкаре в 2001–2007 гг.

А.М. Сулейманов является автором и исполнителем еще одного важного и в то же время уникального проекта, но уже под эгидой ЮНЕСКО по изданию

башкирского эпоса «Урал-батыр» в трех книгах на башкирском и русском, английском, французском языках (Уфа, 2013).

Труды А.М. Сулейманова по проблемам изучения башкирских бытовых сказок («Жанровое своеобразие башкирских бытовых сказок» (Уфа, 1990), «Башкирские народные бытовые сказки: сюжетный репертуар и поэтика» (М.: Наука, 1994), «В сказке – действительность» (Уфа, 1997) и др.); эпосу («Архаический эпос башкирского народа» (в соавторстве с Р.Ф. Ражаповым; Уфа, 1999), «Наши эпические памятники» (Уфа, 2007) и др.; детскому фольклору («Детский игровой фольклор» (Уфа, 2007), «Башкирский детский повествовательный фольклор» (соавтор – Н.А. Хуббитдинова; ч. 3.; Уфа, 2008) и другим жанрам заняли достойное место в истории не только башкирской, но и общетюркской фольклористики.

Профессор Ахмет Сулейманов – автор более 400 научных трудов, в том числе 30 монографий, свыше 40 учебных и учебно-методических пособий для школ и вузов Башкортостана. Неутомимый собиратель и исследователь башкирского фольклора А.М. Сулейманов внес большой вклад в развитие башкирской фольклористики.

В октябре 2016 года он был избран почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан.

Он уделял серьезное внимание подготовке научной смены. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации 10 аспирантов и соискателей.

А.М. Сулейманов был незаменимым председателем жюри межрегиональных и республиканских конкурсов «Урал моно», «Ирандек мондары», «Озон кюй» и др.

Его высокий авторитет как ученого, педагога и общественного деятеля получил заслуженную оценку со стороны руководства Республики Башкортостан и Российской Федерации. Он удостоен ряда почетных званий и государственных наград.

Вся его жизнь – это бескорыстное служение тюркской филологии и культуре. В жизни это был интеллигентный, всегда открытый и очень доступный человек, с ним всегда было легко и даже весело, поскольку он, будучи фольклористом, знал все тонкости башкирского народного юмора.

Таким мы его и запомним...

*Ф.Г. Хисамитдинова, Г.Р. Хусаинова, Ф.А.
Надршина, Р.А. Султангареева, Л.Х. Самситова,
Г.Г. Галина*

ИНФОРМАЦИЯ

Протокол

пленарного заседания Годичного собрания Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН совместно с редколлегией и редсоветом журнала «Российская тюркология», а также представителями других тюркологических организаций России

Москва, 9-10 сентября 2016г.

Присутствовали: члены бюро РКТ: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Насилов Д.М.* – заместитель председателя РКТ, Институт стран Азии и Африки при МГУ, д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – заместитель председателя РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН; *Васильев Д.Д.* – Институт востоковедения РАН, к.и.н., проф.; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН, к.ф.н.; члены РКТ: *Алексеев А.Н.* – директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д.и.н., проф.; *Алишина Х.Ч.* – директор Центра тюркологии Тюменского госуниверситета, д.ф.н., проф.; *Кызыласов И.Л.* – Институт археологии РАН, д.и.н., проф.; *Мудрак О.А.* – д.ф.н., проф., РГГУ; *Невская И.А.* – Институт филологии СО РАН / университет г. Франкфурт, Германия, д.ф.н., проф.; *Слепцов П.А.* – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д.ф.н.; *Телицин Н.Н.* – зав. кафедрой тюркской филологии СПбГУ, к.ф.н.; *Хаджиева Т.М.* – Институт мировой литературы им. М.Горького РАН, д.ф.н., проф.; *Хисамитдинова Ф.Г.* – Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, д.ф.н., проф.; приглашенные: *Есипова А.В.* – Новокузнецкий филиал Кемеровского государственного университета, д.ф.н.; *Костякова Л.В.* – член союза писателей РФ, к.п.н.; *Новгородов И.Н.* – Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, д.и.н., проф. (Якутск); проф. *М.Эрдал* (Германия); проф. *Ти Шань* (Китай); *Норманская Ю.В.* – Институт языкознания РАН, д.ф.н.; *Кочикаева З.К.* – Дагстанский гос. университет, к.ф.н.; *Легусина У.* – Институт языкознания РАН, аспирантка.

9 сентября, пятница. Утреннее заседание.

Заседание открыл председатель РКТ *И.В.Кормушин*. Присутствующие почтили минутой молчания память ушедших из жизни в течение прошедшего года членов комитета.

Была принята следующая повестка дня:

Организационная часть

Кормушин И.В. Председатель Российского комитета тюркологов.

О выработке «Положения о Российском (национальном) комитете тюркологов при ОИФН РАН» и совершенствовании его работы.

Насилов Д.М. Заместитель председателя Российского комитета тюркологов, главный редактор журнала «Российская тюркология».

О составе редколлегии журнала «Российская тюркология» и совершенствовании работы журнала.

Научная сессия РКТ, посвященная 95-летию юбилею Э.Р.Тенишева**История тюркологии**

Алишина Х.Ч. д.ф.н., проф., директор центра тюркологии ФГБОУ ВО ТюмГУ, Тюмень

Вклад академика Д.Г. Тумашевой в изучение диалектов сибирских татар (К 90-летию со дня рождения)

Васильев Д.Д. д.и.н., проф., Институт востоковедения РАН, Москва

Исследования и труды молодых ученых-тюркологов Института востоковедения РАН

Есипова А.В. д.ф.н. Новокузнецк

Из истории развития языка и письменности шорцев.

Слепцов П.А. д.ф.н., проф., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Якутск.

Якутское языкознание в начале 20 в. (новинки)

Хисамитдинова Ф.Г. д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа

О работе института за прошедший период

Хаджиева Т.М. д.ф.н., проф., Институт мировой литературы им.М.Горького РАН, Москва

Вильгельм Прёле – собиратель, исследователь и публикатор карачаево-балкарского фольклора (к 100-летию публикации “Balkarische studien” В.Прёле в журнале “Keleti Szemele” (Budapest, 1915-1916)

Древнетюркские памятники

Кормушин И.В. д.ф.н., проф. ИЯз РАН, Москва

Еще раз о смысле притчи Тоньюкука о тощих и жирных быках

Мудрак О.А. д.ф.н., проф. РГГУ, г.Москва

Рунические заметки

Современные тюркские языки

Невская И.А. д.ф.н., Германия.

Работа над алтайской грамматикой

Тугужекова В.Н. д.и.н., проф., директор Хакасского НИИ языка, литературы и истории, **Кызласов А.С.** г. Абакан

О современном состоянии диалектов хакасского языка

Дыбо А.В., Мальцева В.С., Николаев С.Л., Сумирenkova Э.В., Шеймович А.В.

О некоторых результатах хакасской экспедиции - 2016

Кызласов И.Л. д.и.н., проф., Институт археологии РАН, Москва

Лексическое влияние хакасского языка на латынь (kileski>kileskus).

Новгородов И.Н. д.ф.н., проф. Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, Якутск.

Устойчивый словарный фонд современных тюркских языков как источник междисциплинарных комплексных исследований.

Норманская Ю.В. д.ф.н., ИЯз РАН, Москва, **Нуриева Ф.Ш.** д.ф.н., Казань, **Экба З.Н.** к.ф.н., ИЯз РАН, Москва

Попытка установления места создания первых кириллических книг на башкирском и татарском языках

Кочикаева З.К. к.ф.н., Дагестан

К вопросу о сборе полевых материалов по кумыкским диалектам

Слушали 1: Доклад Кормушина И.В. *О выработке «Положения о Российском (национальном) комитете тюркологов при ОИФН РАН» и совершенствовании его работы.*

Текст доклада будет опубликован в ближайших выпусках журнала «Российская тюркология».

В прениях по докладу выступили: Насилов Д.М., Кызласов И.Л., Хисамитдинова Ф.Г., Мудрак О.А., Васильев Д.Д.

О.А. Мудрак: В комитете должны быть представлены не только лингвисты, но и все специалисты по гуманитарным наукам, изучающие тюркские этносы, в том числе писательская общественность, которая тоже занимается активной просветительской деятельностью.

Д.М. Насилов: Местные организаторы науки обязательно должны войти в состав РКТ – руководители крупных организаций, кафедр и т.д.

Ф.Г. Хисамитдинова: Надо создать на местах отделения комитета со своим председателем, тогда от каждого региона будет по одному представителю, которые буду координировать работу с центром.

И.Л. Кызласов: У нас противоречие между максимумом специалистов и минимумом мест в комитете. Привлекать нужно людей, имеющих непосредственное отношение к тюркологической науке, а не просто руководителей организаций на том лишь основании, что он – директор.

Д.Д. Дмитриев: Ввести в комитет И.В. Зайцева (директор ИНИОНа), Ю.В.Псянчина – от Башкортостана, Р. Валеева – от Татарстана.

И.В. Кормушин: Ввести в комитет новых членов от республики Крым – д.ф.н., проф. Меметова А.М. и д.ф.н. Селендили Л.С. (Крымский федеральный университет им. Вернадского, г.Симферополь).

Слушали 2: Доклад Насилова Д.М. *О составе редколлегии журнала «Российская тюркология» и совершенствовании работы журнала.*

Докладчик рассказал о проблемах в работе редакции на современном этапе, предложил ввести в редколлегию Н.Н. Телицина (по языкам), Е.А. Оганову (по литературе), И.Л. Кызласова (по историческим наукам).

В прениях по докладу выступили: Кормушин И.В., Дыбо А.В.

Слушали 3: Выступление В.Н. Тугужековой (по скайпу) «О работе ХакНИЯЛИ за истекший период: программы и экспедиции по сохранению хакасского языка, его диалектов и народного фольклора».

В прениях по докладу выступили: Дыбо А.В., Кормушин И.В., Кызласов И.Л., Хаджиева Т.М., Алишина Х.Ч., Невская И.А.

9 сентября, пятница. Вечернее заседание.

Слушали 4: Доклад Х.Ч. Алишиной «Вклад академика Д.Г. Тумашевой в изучение диалектов сибирских татар (К 90-летию со дня рождения)».

Слушали 5: Доклад Д.Д. Васильева «Исследования и труды молодых ученых-тюркологов Института востоковедения РАН».

Слушали 6: Доклад А.В. Есиповой «Из истории развития языка и письменности шорцев».

Слушали 7: доклад П.А. Слепцова «Якутское языкознание в начале 20 в. (новинки)»

Слушали 8: доклад Ф.Г. Хисамитдиновой «О работе института за прошедший период».

Слушали 9: доклад Т.М. Хаджиевой «Вильгельм Прёле – собиратель, исследователь и публикатор карачаево-балкарского фольклора (к 100-летию публикации “Balkarische studien” В. Прёле в журнале “Keleti Szemele” (Budapest, 1915-1916)».

10 сентября, суббота. Утреннее заседание.

Слушали 10: доклад И.В. Кормушина «Еще раз о смысле притчи Тоньюкука о тощих и жирных быках».

В прениях по докладу выступили: Дыбо А.В., Насилов Д.М., Невская И.А.

Слушали 11: доклад О.А. Мудрака «Рунические заметки».

В прениях по докладу выступили: Кызласов И.Л., Дыбо А.В., Кормушин И.В., Хисамитдинова Ф.Г.

Слушали 12: доклад Ю.В. Норманской, Ф.Ш. Нуриевой, З.Н. Эмба «Попытка установления места создания первых кириллических книг на бакирском и татарском языках».

В прениях по докладу выступили: Дыбо А.В., Мудрак О.А., Алишина Х.Ч., Хисамитдинова Ф.Г.

10 сентября, суббота. Вечернее заседание.

Слушали 13: доклад Дыбо А.В., Мальцевой В.С., Николаева С.Л., Сумиленковой Э.В., Шеймович А.В. «О некоторых результатах хакасской экспедиции – 2016».

В прениях по докладу выступили: Кормушин И.В., Невская И.А.

Слушали 14: доклад И.А. Невской «Работа над алтайской грамматикой».

В прениях по докладу выступили: Насилов Д.М., Дыбо А.В.

Слушали 15: доклад И.Л. Кызласова «Лексическое влияние хакасского языка на латынь (килески>kileskus)».

В прениях по докладу выступили: Кормушин И.В., Мудрак О.А.

Слушали 16: доклад И.Н. Новгородова «Устойчивый словарный фонд современных тюркских языков как источник междисциплинарных комплексных исследований».

В прениях по докладу выступили: Дыбо А.В., Кормушин И.В., Насилов Д.М., Кызласов И.Л., Хисамитдинова Ф.Г.

Слушали 17: сообщение З.К. Кочицаевой «К вопросу о сборе полевых материалов по кумыкским диалектам».

Постановили:**Первое – Об изменениях в составе РКТ.**

Внести на рассмотрение Бюро ОИФН РАН следующие кадровые изменения в составе РКТ: а) ввести в бюро РКТ Телицина Н.Н. б) ввести в комитет Зайцева И.В., Валеева Р., Псянчина Ю.В., Меметова А.М., Селендили Л.С. и др.

Второе – О журнале «Российская тюркология».

Считать важнейшей задачей текущего момента в деятельности РКТ наладить регулярное издание в качестве органа РКТ при ОИФН РАН – журнала «Российская тюркология» **четыре раза в год** на должном научном уровне с целью включения журнала в число ВАКовских изданий на принципах непривлечения бюджетных средств, за счет: частично – самоокупаемости от подписки, частично – путем привлечения спонсорских средств. Бюро РКТ доукомплектовать в рабочем порядке состав редколлегии следующими членами: Н.Н. Телицин (зам. глав. ред. по лингвистике), Е.А. Оганова (зам. глав. ред. по литературе) и И.Л. Кызласов (зам. глав. ред. по историческим наукам).

Поставить перед редколлегией задачу до конца текущего года издать дополнительно два номера журнала.

Третье – О следующем годичном собрании.

Подготовить и провести очередное Годичное собрание Российского комитета тюркологов в январе-феврале 2017. В рамках собрания провести Научную сессию (тема уточняется).

В заключение была принята **Резолюция** пленума РКТ.

Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ к.ф.н. Экба З.Н.

НАШИ АВТОРЫ

Алимов Рысбек, докт. тюркологии, профессор, университет, г. Мардин, Турция

Бурькин Алексей Алексеевич, докт. филол. наук, докт. истор. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург); e-mail: albury@mail.ru

Булгаков Равиль Махмутович, канд. филол. наук, научн. сотр., Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа

Гаджиева Анар Ахметбековна, канд. филол. наук, доцент, Военный ун-т, г. Москва; e-mail: nuanar@yandex.ru

Гузев Виктор Григорьевич, докт. филол. наук, проф., кафедра тюркской филологии СПб.ГУ, г. Санкт-Петербург; e-mail: vgguzev@gmail.com

Добродомов Игорь Георгиевич, докт. филол. наук, проф., Московский гос. пед. ун-т;

Дыбо Анна Владимировна, чл.-корр. РАН, докт. филол. наук, проф., зав. Отделом урало-алтайских языков ИЯз РАН, вед. науч. сотр. Центра компаративистики Ин-та восточных культур РГГУ e-mail: adybo@mail.ru

Жигульская Дарья Владимировна, канд. истор. наук, кафедра стран Центральной Азии и Кавказа, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ccca-iaas@yandex.ru

Кандахар Анвар Хасанович, докторант, Гос. пед. ин-т, г. Навои, Узбекистан; e-mail: anvar0303_82@mail.ru

Козинцев Марк Альвиевич, магистрант, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет, СПб.ГУ; e-mail: m.kozintcev@mail.ru

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. науч. сотр., ИЯз РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН; e-mail: igorkormushin@yandex.ru

Крылов Сергей Александрович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт востоковедения РАН, Москва; e-mail: krylov-58@mail.ru

Псянчин Айбулат Валиевич, докт. геогр. наук, проф., и. о. директора Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

Псянчин Юлай Валиевич, докт. филол. наук, проф., член редколлегии ж-ла «Российская тюркология»; e-mail: yulayps@yandex.ru

Рассадин Валентин Иванович, докт. филол. наук, проф., чл.-корр. РАЕН, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований, Калмыцкий гос. ун-т; г. Элиста; e-mail: rassadin17@mail.ru

Самситова Луиза Хамзиновна, докт. филол. наук, проф., кафедра башкирского языка и методики его преподавания, декан факультета башкирской филологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Сибгатов Ф.Ш., канд. филол. наук, доцент, Башкирский гос. ун-т

Султангареева Розалия Асфандияровна, докт. филол. наук, проф., гл. научн. сотр., Отдел фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН; г. Уфа

Сыздыкова Жибек Сапарбековна, докт. истор. наук, проф., зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ccca-iaas@yandex.ru

Тошхужаева Шоирахон Ганиевна, препод. кафедры узбекского языкознания, Кокандский гос. пед. ин-т, г. Коканд, Узбекистан; e-mail: stoshkhujeva@mail.ru

Трофимова Светлана Менкеновна, докт. филол. наук, проф., Калмыцкий гос. ун-т; e-mail: trofimovasm@mail.ru

Хисамитдиновна Фирдаус Гильмитдиновна, докт. филол. наук, проф., чл.-корр. АН Республики Башкортостан, научн. руководитель ИИЯЛ УНЦ РАН; г. Уфа.

Хошимхужаева Мохирух Музаффаровна, преподаватель, кафедра сравнительного языкознания Национального ун-та Узбекистана им. Мирзо Улугбека; e-mail: sakurajapan9@gmail.com

Хужахметов А.О., канд. филол. наук, доцент, Башкирский гос. ун-т

Хусаинова Г.Р., канд. филол. наук, научн. сотр., Отдел фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН; г. Уфа

Хуснетдинова Р.Я., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой башкирского языкознания и этнокультурного образования факультета башкирской филологии и журналистики БашГУ, г. Уфа.

Чеченов Али Ахматович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр. ИЯ РАН, Москва

Шеймович Александра Валерьевна, научн. сотр., Отдел Урал-алтайских языков ИЯ РАН; e-mail: asheimovich@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Гузев В.Г.</i> (Санкт-Петербург). О семантике состояния и обладания в тюркских перфектах	3
<i>Бурькин А.А.</i> (Санкт-Петербург). Тюрко-монгольские и тюрко-тунгусо-маньчжурские лексические связи в новой перспективе: Возможности алтайской теории для выявления древних языковых контактов	13
<i>Дыбо А.В., Шеймович А.В., Крылов С.А.</i> (Москва). Расстановка семантических и деривационных тэгов в электронном хакасско-русском словаре	28

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

<i>Алимов Р.</i> (Мардин, Турция). О двух новых списках сочинения Кадыр Али-Бека	40
<i>Кандахар А.Х.</i> (Навои, Узбекистан). Шейх Худайдода Вали и его духовное наследие	49
<i>Козинцев М.А.</i> (Санкт-Петербург). Роль тариката Накшбандиййа в Менеменском инциденте 1930 года	54

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Гаджиева А.А.</i> (Москва). Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в казахском, арабском и русском языках	61
<i>Тошхужаева Ш.Г.</i> (Коканд, Узбекистан). Лингвопоэтическое исследование художественной литературы: описательные средства	67
<i>Хошимхуджаева М.М.</i> (Ташкент). Формирование фитонимической лексики узбекского языка	74
<i>Добродомов И.Г.</i> (Москва). <i>Нарты</i> в Восточной Европе	80
<i>Сыздыкова Ж.С., Жигульская Д.В.</i> (Москва). Новейшая история Казахстана: новые горизонты	86

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Бурькин А.А.</i> (Санкт-Петербург). К соотношению монгольской и тюркской деривации: к выходу одной монографии	91
--	----

PERSONALIA

Гиниятулла Сафиуллович Кунафин	97
--------------------------------------	----

НЕКРОЛОГИ

Ишмухамет Гильмутдинович Галяутдинов	100
Ахмет Мухаметвалеевич Сулейманов	104

ИНФОРМАЦИЯ

Протокол пленарного заседания Годичного собрания Российского комитета тюркологов	109
Наши авторы	110
СОДЕРЖАНИЕ	112

CONTENTS**STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE**

<i>Guzev V.G.</i> On the semantics of state and possession in Turkic perfect	3
<i>Burykin A.A.</i> Turkic-Mongolian and Turkic-Manchu-Tungusic lexical relations in the new perspective: opportunities of the Altai theory in detecting ancient language contacts	13
<i>Dybo A.V., Sheimovich A.V., Krylov S.A.</i> Creation of semantics and derivation tags in the electronic Khakas-Russian dictionary	22

**LITERARY CRITICS, FOLKLORE STUDIES,
CULTURAL SCIENCE**

<i>Alimov Rysbek.</i> Two newly discovered copies of works of Kadir Ali Bek	40
<i>Kandahar Anvar Hasanovich.</i> Sheikh Hudoydoda Valle and Spiritual Heritage	49
<i>Kozintcev M.</i> The Naqshbandiyya's role in the Menemen incident of 1930	54

REVIEWS

<i>Gadzhieva A.A.</i> Idioms with zoonyms in the Kazakh, Russian and Arabic languages	61
<i>Toshkhujaeva Shoirahon.</i> Lingua-poetic research of fine literature: descriptive means	67
<i>Khoshimkhudjaeva M.M.</i> Formation of fytonymy lexicon of the Uzbek language	74
<i>Dobrodomov, I.G.</i> Narty in Eastern Europe	80

<i>Syzdykova, Zh.S., Zhigul'skaja D.V.</i> The history of Kazakhstan of the most recent periods: new horizons	86
---	----

RECENSION

<i>Burykin A.A.</i> On correlation of Mongolic and Turkic derivation systems: publication of the monograph: Rassadin V. I., Trofimova S.M. On correlation of Mongolic and Turkic grammar elements in Turkic-Mongolic language unity. – Élista: Izdatel'stvo Kalmyckogo gosudarstvennogo universiteta (KGU), 2012. – 180 p.	91
---	----

PERSONALIA

Ginijatulla Safiullovič Kunafin	97
---------------------------------------	----

OBLITUARIES

Ishmuhamet Gil'mutdinovič Gal'autdinov.....	100
Ahmet Muhametval'ejevič Sulejmanov.....	104

.....

INFORMATION

Plenary session of the Committee of Russian turcologists....	106
.....	
Our authors	110
Contents	112

РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов
при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С. Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф. Хакимзянова*
Технический редактор *А.М. Галимова*
Дизайн обложки *Ф.Н. Латыповой*

С готового оригинал-макета подписано в печать 27.02.2017.
Формат 70x108^{1/16}
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 7.1. Печать RISO.

ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46, тел. (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо